

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДОКЛАД О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РАЗВИТИИ 2016

Неравенство и человеческое развитие в
Восточной Европе, Турции и Центральной Азии:

Прогресс и риски

Полноправные люди.
Устойчивые страны.

Распространение содержания данного доклада находится под строгим запретом до момента его официальной публикации в среду, 12 октября 2016 года, 9:30 утра по брюссельскому времени / 7:30 утра GMT / 3:30 утра EST

Полноправные люди.
Устойчивые страны.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДОКЛАД О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РАЗВИТИИ 2016

Неравенство и человеческое развитие в Восточной Европе, Турции и Центральной Азии: Прогресс и риски

Copyright © 2016

Программа развития ООН

Региональное Бюро по странам Европы и СНГ

Все права защищены. Полная или частичная перепечатка, хранение в компьютерной системе или передача настоящего издания по каналам связи в любой форме и любыми средствами – электронными, механическими, фотокопировальными, магнитными или иными – без предварительного разрешения ПРООН запрещаются.

ISBN: 978-92-95092-95-2

Отредактировано и опубликовано: Региональный офис ПРООН в Стамбуле, Региональное Бюро по странам Европы и СНГ
Дизайн обложки и верстка: Ersoy-Ersoy Design Group

Изображение на обложке: James Brey/iStock/Getty Images©

Резюме

В случае многих стран и территорий Восточной Европы и Центральной Азии отмечаются относительно высокие уровни равенства доходов, гендерного равенства и равенства по другим социально-экономическим параметрам. Судя по официальным данным, несмотря на все сложности, связанные с социально-экономическими преобразованиями в регионе после 1990 года, в большинстве стран региона с 2000 года наблюдаются низкие или снижающиеся уровни неравенства доходов, что содействует сокращению бедности и восстановлению среднего класса в регионе. Однако при более пристальном анализе этих данных обнаруживается менее оптимистичная картина. Более того, расширение неформальной, уязвимой и нестабильной занятости сочетается с прогрессирующими недостатками в системах социальной защиты, «двойной нагрузкой» на работающих женщин, а в некоторых из менее богатых стран региона – и с давлением на продовольственную и энергетическую безопасность домашних хозяйств, что усиливает риск утраты достигнутых результатов. Ситуация дополнительно осложняется социально-экономическими проблемами, с которыми сталкиваются многие

уязвимые домашние хозяйства в тех странах, где под влиянием низких цен на сырьевые товары и низкого экономического роста в Европе и России сужаются возможности трудоустройства и падают объемы денежных переводов. В настоящем докладе аспекты этих проблем, связанных с человеческим развитием, анализируются в контексте основополагающего принципа Целей в области устойчивого развития и глобальной Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года «не оставить никого в стороне». Это предполагает совершенствование подходов к измерению неравенства и обеспечение устойчивости официальной статистики, развитие услуг по уходу за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями для решения обусловленных гендерными различиями проблем доступа к рынку труда, снижение налоговой нагрузки на труд и расширение фискального пространства за счет сокращения субсидирования ископаемых видов топлива и увеличения поступлений в бюджет за счет налогообложения незаконных финансовых потоков и других товаров и услуг, имеющих негативные социально-экологические последствия.

Содержание

Раздел	Страница
Предисловие	1
Выражение признательности	3
Обзор	4
Глава 1. Измерение неравенства доходов и других видов неравенства	7
Глава 2. Неравенство, занятость и социальная защита	35
Глава 3. Гендерное неравенство в сфере труда и занятости	75
Глава 4. Неравенство и здоровье	103
Глава 5. Природные богатства, неравенство и устойчивое человеческое развитие	125
Глава 6. Неравенство и основанное на широком участии управление	143
Библиография	160

Список вставок, рисунков и таблиц

Вставки		Страница
Вставка 1.	Разбивка данных по неравенству по регионам для Турции, Боснии и Герцеговины, Казахстана	21
Вставка 2.	Примеры методик определения и измерения среднего класса	27
Вставка 3.	Труд и Цели в области устойчивого развития	42
Вставка 4.	Определения: Стандартные показатели рынка труда	45
Вставка 5.	Оценка качества занятости	46
Вставка 6.	Трудовая миграция и денежные переводы в Таджикистане	50
Вставка 7.	Социальная защита и Цели в области устойчивого	58
Вставка 8.	Реформа системы социальной помощи в Грузии	63
Вставка 9.	Интегрированные пакеты денежных трансфертов и услуг поддержки	66
Вставка 10.	«Гендерное равенство»	79
Вставка 11.	Труд, пол и Цели в области устойчивого развития	81
Вставка 12.	Инвестиции в инфраструктуру социального ухода в интересах создания рабочих мест	92
Вставка 13.	Гендерное равенство и участие женщин в политической жизни в Кыргызской Республике	97
Вставка 14.	Здоровье-2020: Основы европейской политики в поддержку действий всего государства и общества в интересах здоровья и благополучия	106
Вставка 15.	Социальные, экономические и экологические детерминанты здоровья и неравенства лиц, зараженных ВИЧ / СПИДом	113
Вставка 16.	Здоровье и неравенство: Предпринимаемые ПРООН меры	120
Вставка 17.	Аральское море: Неустойчивое использование природных ресурсов и неравенство в Каракалпакстане	133
Вставка 18.	Деградация земель в Таджикистане	137
Вставка 19.	Переход к более эффективным показателям устойчивого человеческого развития: ИМЭБ и ИУЧР	139
Вставка 20.	ЦУР 16 и показательные пилотные проекты в сфере управления	148
Вставка 21.	Сокращение дискриминации и неравенства в Сербии	155
Вставка 22.	Решение гендерных проблем и борьба с коррупцией в Албании	156
Рисунки		Страница
Рисунки 1, 2.	Уровни бедности (2002-2012 годы)	16
Рисунок 3.	Доля дохода, полученного из разных источников, по квинтилям в зависимости от дохода (Молдова, 2006-2014 годы)	17
Рисунки 4-6.	Доля принявших участие в программе «Кавказский барометр» респондентов, которые заявили, что «не имеют личного дохода», в сравнении с долей национального дохода, приходящейся на наименее обеспеченные децили населения, в соответствии с данными национальных статистических служб (2008-2013 годы)	18
Рисунок 7.	Доля респондентов, не сообщивших сведения в рамках обследования уровня жизни домашних хозяйств в Украине (2010-2012 годы)	20
Рисунок 8.	Оценки коэффициентов Джини для неравенства доходов в Украине с учетом поправок на деятельность в неформальном секторе (2002-2008 годы)	20

Рисунки	Страница
Рисунок 9. Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом неравенства (2015 год)	23
Рисунок 10. Отклонения индекса человеческого развития, скорректированного с учетом неравенства, по составляющей образования (2015 год)	24
Рисунок 11. Отклонения индекса человеческого развития, скорректированного с учетом неравенства, по составляющей продолжительности жизни в регионе (2015 год)	25
Рисунок 12. Доля национального дохода, приходящаяся на классы со средним доходом, доходом выше и ниже среднего: Грузия	28
Рисунок 13. Доля национального дохода, приходящаяся на классы со средним доходом, доходом выше и ниже среднего: Турция	28
Рисунок 14. Доля национального дохода, приходящаяся на классы со средним доходом, доходом выше и ниже среднего: Беларусь	28
Рисунок 15. Доля национального дохода, приходящаяся на классы со средним доходом, доходом выше и ниже среднего: Казахстан	29
Рисунок 16. Доля национального дохода, приходящаяся на классы со средним доходом, доходом выше и ниже среднего: Косово	29
Рисунок 17. Доля национального дохода, приходящаяся на классы со средним доходом, доходом выше и ниже среднего: Украина	29
Рисунок 18. Динамика абсолютной численности представителей среднего и других классов в регионе (2000-2013 годы)	31
Рисунок 19. Показатели уровня экономической активности населения, по субрегионам (2004-2014 годы)	43
Рисунок 20. Уровни занятости, по субрегионам (2004-2014 годы)	43
Рисунок 21. Уровни безработицы, по субрегионам (2004-2014 годы)	44
Рисунок 22. Распределение трудовых ресурсов, по субрегионам (2014 год)	44
Рисунок 23. Доля занятости в сельском хозяйстве в общей занятости (2014 или последний год, по которому имеются данные)	47
Рисунок 24. Тенденции изменения доли занятости в сельском хозяйстве в общей занятости (2004-2013 годы)	47
Рисунок 25. Доля неформальной занятости в общей занятости (2013 год)	48
Рисунок 26. Доля уязвимой занятости в общей занятости (2013 или последний год, по которому имеются данные)	48
Рисунок 27. 25 стран мира, лидирующих по параметру притока денежных переводов	51
Рисунок 28. Разница в показателях трудового участия мужчин и женщин (2004-2014 годы, среднегодовые показатели)	52
Рисунок 29. Уровни занятости молодежи (2004-2014 годы)	53
Рисунок 30. Уровни безработицы среди молодежи (2004-2014 годы)	53
Рисунок 31. Доля молодых людей, которые ни учатся, ни работают (2014 год или последний год, по которому имеются данные)	54
Рисунок 32. Уровни безработицы среди цыган (2011 год)	55
Рисунок 33. Уровни безработицы среди молодых цыган (2011 год)	55
Рисунок 34. Уровни незанятости цыган и нецыган в странах Западных Балкан, по уровню образования (2011 год)	56

Рисунки	Страница
Рисунок 35. Уплачиваемые предприятиями налоги на труд по отношению к их прибыли (2015 год)	60
Рисунок 36. Уровни и состав / бенефициары расходов на социальную защиту в регионе (в процентах ВВП, отдельные страны, за последний год, по которому имеются данные)	60
Рисунок 37. Уровни и состав расходов на меры социальной защиты населения в целом в регионе (в процентах ВВП, отдельные страны, за последний год, по которому имеются данные)	61
Рисунок 38. Влияние мер социальной защиты на бедность в регионе (процентное сокращение регистрируемого уровня бедности, отдельные страны, за последний год, по которому имеются данные)	62
Рисунок 39. Влияние мер социальной защиты на неравенство доходов в регионе (процентное снижение коэффициентов Джини, отдельные страны, за последний год, по которому имеются данные)	64
Рисунок 40. Доля домашних хозяйств наименее обеспеченного квинтиля, которые получают социальные пособия (отдельные страны, за последний год, по которому имеются данные)	65
Рисунок 41. Оценки доходов бюджета при обложении внешнеторговых операций, совершаемых при фальсификации данных в счетах, налогом по ставке 10 процентов (в процентах ВВП)	68
Рисунок 42. Рейтинг стран региона по индексу гендерного развития (2015 год)	83
Рисунок 43. Рейтинг стран региона по индексу гендерного неравенства (2015 год)	85
Рисунок 44. Отношение уровней экономической активности женщин и мужчин, по субрегионам (2000-2014 годы)	86
Рисунок 45. Отношение уровней занятости женщин и мужчин, по субрегионам (2000-2014 годы)	86
Рисунок 46. Отношение уровней безработицы среди женщин и мужчин, по субрегионам (2000-2014 годы)	86
Рисунок 47. Отношение работников женского пола к работникам мужского пола, по секторам (среднегодовые показатели, рассчитанные за годы, за которые есть данные)	87
Рисунок 48. Коэффициенты охвата образованием с разбивкой по полу в регионе (за последний год, по которому имеются данные)	89
Рисунок 49. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (в годах) для женщин и мужчин в регионе (2014 год)	94
Рисунок 50. Разница (в годах) между ожидаемой продолжительностью жизни женщин и мужчин в регионе (2014 год)	95
Рисунок 51. Относительные коэффициенты рождаемости мужчин и женщин в регионе (2012 год)	96
Рисунок 52. Доля мест в национальных парламентах, занимаемых женщинами (2014 год)	96
Рисунок 53. Ожидаемая продолжительность жизни и ВВП на душу населения в регионе (2014 год или последний год, по которому имеются данные)	109
Рисунок 54. Преждевременная смертность от неинфекционных заболеваний в процентах от общей смертности от неинфекционных заболеваний (2012 год))	110
Рисунок 55. Доля внешнего и внутреннего финансирования мер борьбы с ВИЧ на национальном уровне (2012-2014 годы)	112

Рисунки	Страница
Рисунок 56. Региональные показатели частоты заболевания ВИЧ (2014 год)	112
Рисунки 57, 58. Зарегистрированные и оценочные показатели охвата антиретровирусной терапией в регионе (2014 год)	114
Рисунок 59. Межстрановые различия в (средних) показателях здоровья по результатам самооценки (2010 год)	115
Рисунок 60. Процент респондентов, которые признались, что платили неофициально при пользовании государственными медико-санитарными услугами	116
Рисунок 61. Различия в коэффициентах распространенности длительных заболеваний между цыганами и нецыганами в странах Западных Балкан (2011 год)	118
Рисунок 62. Отношение природных богатств к ВВП в регионе (2013 год)	131
Рисунок 63. Отношение скорректированных чистых накоплений к валовому национальному доходу в регионе (2004-2014 годы)	132
Рисунок 64. Доля населения, проживающего на деградированных землях (2010 год)	133
Рисунок 65. Потребление пресной воды в регионе (последний год, по которому имеются данные)	135
Рисунок 66. Источники тепла в сельских районах Таджикистана, по квинтилям домашних хозяйств в зависимости от уровня доходов (2013 год)	136
Рисунок 67. Тенденции в управлении по параметру «учет мнения населения и подотчетность государственных органов» в регионе (национальные рейтинги)	150
Рисунок 68. Тенденции в управлении по параметру «верховенство закона» в регионе (национальные рейтинги)	151
Рисунок 69. Тенденции в управлении по параметру «сдерживание коррупции» в регионе (национальные рейтинги)	151
Рисунок 70. Доля респондентов, которые считают, что в их стране «правительством полностью или частично управляют несколько крупных структур, действующих в собственных интересах» (2013 год)	152
Рисунок 71. Рейтинги стран по данным исследования Всемирного банка «Ведение бизнеса» (2016 год)	153
Рисунок 72. Рейтинги стран по данным исследования Всемирного банка «Ведение бизнеса» (2016 год): ключевые препятствия для ведения бизнеса	154
Таблицы	Страница
Таблица 1. Коэффициенты Джини для распределения доходов	14
Таблица 2. Динамика изменения доли национального дохода, приходящейся на четыре наименее обеспеченных квинтиля населения	15
Таблица 3. Восприятие неравенства по данным Всемирного обзора ценностей (1990-2014 годы)	19
Таблица 4. Данные по результатам обследования социального исключения (2009 год)	19
Таблица 5. Коэффициенты Джини для распределения благосостояния в регионе (2010-2015 годы)	30
Таблица 6. Оплачиваемое и неоплачиваемое рабочее время, по полу (часов в день)	91
Таблица 7. Цели в области устойчивого развития, задачи и предлагаемые показатели, увязывающие человеческое развитие и экологическую устойчивость	140

Предисловие

Проблемы стран Европы, Турции и стран Центральной Азии с переходной и развивающейся экономикой не нашли пока что полноценного отражения в международных публикациях, посвященных вопросам неравенства и поиску наиболее оптимальных подходов к их решению. Это отчасти объясняется тем, что бывшие социалистические страны региона унаследовали от той эпохи относительно равномерное распределение доходов, сравнительно широкий доступ к социальным услугам и относительно низкие уровни гендерного неравенства. К сожалению, отмечаются тревожные признаки утраты этих преимуществ, нарастания проблем неравенства и уязвимости и приближения к показателям, наблюдающимся в других регионах.

Эта ситуация наблюдается в тот период времени, когда страны приступают к реализации глобальной Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года на национальном уровне. Данная повестка дня и связанные с ней Цели в области устойчивого развития (ЦУР) предполагают, среди прочего, соблюдение правительствами стран и их международными партнерами по развитию принципа «не оставить никого в стороне». Однако в условиях низких цен на сырьевые товары и падения объемов денежных переводов, а также низких темпов роста в России и Европе резко сужаются возможности для создания источников доходов и рабочих мест в регионе. В некоторых из менее богатых стран региона более половины трудоспособного населения работает в условиях нестабильной или неформальной занятости и не охвачено системами социальной защиты. Наиболее уязвимой в этом плане категорией являются женщины, поскольку они чаще попадают в

группу экономически неактивного населения или заняты в сельском хозяйстве или на других нестабильных работах. Кроме того, с серьезными рисками сталкиваются трудовые мигранты, цыгане и другие этнические меньшинства, а также люди с ВИЧ / СПИДом или с ограниченными возможностями. Правительства многих стран отмечают, что обеспечение соблюдения принципа «не оставить никого в стороне» становится все более сложной задачей.

Данный доклад призван помочь решить подобные проблемы. В нем говорится, что несмотря на относительно равномерное распределение доходов, широкий доступ к социальным услугам и низкие уровни гендерного неравенства, достижения многих стран региона в области социального развития оказываются под угрозой. В докладе отмечается, что в ряде стран, судя по всему, растет обеспокоенность населения по поводу неравенства по параметрам дохода и благосостояния, пола, доступа на рынки труда, услуг здравоохранения, распределения природных богатств и равенства перед законом. В докладе намечены основные направления анализа и программные области, в которых могут быть выработаны более действенные подходы к решению проблем неравенства в регионе.

Доклад подготовлен в духе концепции человеческого развития и ориентирован на нужды людей. В нем показано, что женщины, дети, этнические меньшинства, люди с ВИЧ, не имеющие достойной работы или относящиеся к другим уязвимым группам, чаще сталкиваются с неравенством возможностей и результатов в области развития. Наконец, хотя это не менее важно, авторы доклада призывают реализовывать меры, обеспечивающие соблюдение принципа «не оставить никого в стороне», не в ущерб будущим поколениям.

В ответ на эти угрозы в докладе предлагается снижать высокие налоги на труд в регионе, компенсируя связанные с этим потери государственных бюджетов за счет повышения налогов на виды деятельности, которые носят экологически неустойчивый характер, и принятия более активных мер с целью охвата системой налогообложения незаконных финансовых потоков. В докладе содержатся рекомендации увеличить инвестиции в развитие институционального потенциала, в особенности потенциала национальных статистических служб, а также министерств труда, здравоохранения и социальной защиты, судов, антикоррупционных структур и органов, отвечающих за защиту прав человека. Авторы доклада призывают увеличить бюджетные ассигнования на финансирование социальных услуг и активных мер политики на рынке труда, решать проблемы отсутствия доступа к рынку труда и устранять пробелы в охвате системами социальной защиты. При этом предлагаются такие подходы, которые опираются на соответствующие элементы Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и помогут правительствам стран

достичь поставленные цели, в частности ЦУР 3 («обеспечение здорового образа жизни»), ЦУР 5 («обеспечение гендерного равенства»), ЦУР 8 («содействие полной и производительной занятости и достойной работе для всех»), ЦУР 10 («сокращение неравенства внутри стран и между ними») и ЦУР 16 («создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях»).

Специалисты ПРООН рады отметить вклад, предложения и поддержку со стороны ряда ключевых партнеров в процессе подготовки данного доклада. В первую очередь это представители многочисленных организаций, которые поделились своими отзывами на данный доклад в рамках регионального форума ПРООН «Стамбульский диалог о развитии» (2016 год) (Istanbul Development Dialogues (2016): #TalkInequality). Мы также признательны представителям Группы региональных директоров ООН и Регионального координационного механизма для стран Европы и Центральной Азии за предоставленные комментарии.

Джихан Султаноглу

*Помощник Генерального секретаря ООН,
Директор Регионального Бюро по странам
Европы и СНГ*

Выражение признательности

В подготовке настоящего доклада (в качестве авторов, редакторов и экспертов) принимали участие: Элизабетта Аддис, Бенджи Акбулут, Виктор Барамия, Рут Белл, Джордж Боума, Джоанна Брукс, Айше Бугра, Анна Чернова, Стаматиос Христопулос, Елена Данилова-Кросс, Весна Дзутеска-Бишева, Майкл Фембек, Альмудена Фернандес, Барбора Галванкова, Джонатан Холл, Рафкат Гасанов, Энвеса Ходзич-Ковач, Бенедикт Гошек, Ипек Илккараджан, Шелли Инглис, Ева Йесперсен, Мастона Халилова, Тамар Хитаришвили, Киджонг Ким, Розмари Кумвенда, Джон Маколей, Шейла Марни, Гордана Маткович, Крис Мергатройд, Заза Наморадзе, Златко Николоски, Кейлеб Обердорфер, Тангавел Паланивел, Коста Паликарски, Елена Панова, Ясмينا Папа, Михаил Пелях, Сара Реннер, Бретт Ромеро,

Бхарати Садасивам, Бен Слэй, Жарко Сундерич, Ниина Тенхио, Аркадий Торицын, Растислав Врбенский, Салли Энн Уэй, Кэндис Уэлш и Эстер Верлинг. Авторы также выражают признательность Карен Сирилло, Николасу Дуйе, Мехмету Эрдогану, Аслы Хекимоглу, Фаику Уянык, и Луизе Винтон за помощь в доработке и распространении доклада. Перевод на русский язык выполнен Анной Сокол.

Данный доклад не обязательно отражает позицию Программы развития ООН, Организации Объединенных Наций или государств-членов ООН, в том числе Российской Федерации.

Обзор

- ▶ **После роста неравенства доходов, зарегистрированного в 1990-х годах, в большей части региона отмечается существенное снижение (или низкий общий уровень) данного показателя.** Официальные данные указывают на то, что в Беларуси, Казахстане, Косово¹, Бывшей Югославской Республике Македония, Молдове, Черногории, Туркменистане, Украине и Узбекистане неравенство доходов либо находится на низком уровне, либо снижается. Это, судя по всему, содействовало сокращению бедности за счет экономического роста в указанных странах. Однако в некоторых других странах высокий или постоянно растущий уровень неравенства доходов сдерживает прогресс в части сокращения бедности. Это подчеркивает тот факт, что низкий или снижающийся уровень неравенства доходов не только желателен сам по себе, но и имеет центральное значение для сокращения бедности в регионе.
- ▶ **Достижения в области сокращения неравенства доходов в настоящее время проверяются на прочность** во всех странах региона. Сочетание таких факторов, как низкие цены на сырьевые товары, сокращение денежных переводов и низкие или отрицательные показатели темпов роста основных экспортных рынков Европы и России, формирует давление в общем на ВВП и в частности на доходы уязвимых домашних хозяйств. Это определяет новые вызовы, в то время как в регионе начинается работа по реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.
- ▶ **В регионе наблюдаются значительные проблемы с данными и показателями, используемыми для измерения неравенства и его взаимосвязей с социальным исключением и экологической устойчивостью.** Это явно прослеживается в занижении параметров неравенства доходов, особенно в части неполного учета доли дохода, приходящейся на наиболее состоятельные домашние хозяйства. Это проявляется и в том, что многие страны региона, судя по всему, не готовы представлять показатели, которые планируется использовать для измерения глобального прогресса в достижении ЦУР 10 («сокращение неравенства внутри стран и между ними»). Эти проблемы отмечаются и в отношении показателей гендерного равенства, некоторые из которых искусственно представляют ситуацию с состоянием здоровья женщин более оптимистичной в сравнении с мужчинами (в ряде стран региона наблюдаются особенно тревожные тенденции смертности среди мужчин). То же самое касается и показателей по рынку труда, которые нередко маскируют тот факт, что различия между работающими иногда оказываются более существенными, чем различия между работающими и безработными. Это также проявляется в виде отсутствия общепринятых определений, показателей и данных по природным богатствам и экологической устойчивости.
- ▶ **В основе связанных с неравенством вызовов, с которыми сталкивается регион, лежат неравенство и исключение на рынках труда.** Это имеет место как в части самих рынков труда, так и в связи с тем, что доступ к системе социальной защиты нередко уязван с официальным участием на рынке труда. При отсутствии хорошей работы люди сталкиваются с гораздо более высокими рисками бедности, уязвимости и отсутствия доступа к социальным услугам и системе социальной защиты. Женщины, молодые работники, мигранты, длительно безработные, люди с ограниченными возможностями, цыгане и другие люди, находящиеся в неравном положении на рынке труда, особенно уязвимы к этим рискам. Хотя в некоторых странах и в отношении некоторых групп населения отмечаются тенденции к улучшению ситуации, в других странах наблюдается усиление неравенства на рынках труда.
- ▶ **Критически важны четыре направления работы, нацеленной на обеспечение доступа к рынкам труда:** (i) снижение фактической налоговой нагрузки на труд; (ii) укрепление институционального потенциала структур, отвечающих за регулирование рынков труда, с тем, чтобы усилить защиту прав работников; (iii) отмена тех положений, регулирующих рынки труда, соблюдение которых государственные органы не в состоянии надежно обеспечить, что нередко ведет к занятости в неформальном секторе; и (iv) увеличение инвестиций в активные меры политики на рынке труда, профессиональное образование и другие меры, направленные на повышение производительности работников и расширение доступа к рабочим местам в формальном секторе.
- ▶ **Необходимо укреплять взаимосвязь между мерами политики на рынке труда и мерами социальной защиты.** Хотя плохо проработанные меры социальной политики могут вести к ослаблению стимулов для участия на рынке труда и найма работников, это не является основанием для сокращения расходов на систему социальной защиты и сужения ее охвата. Напротив, необходимо по мере возможности снижать налогообложение оплаты труда для целей финансирования социальных пособий, отдавая предпочтение другим источникам финансирования, к которым

¹ Все ссылки на Косово в данной публикации опираются на Резолюцию Совета Безопасности ООН 1244 (UNSCR 1244, 1999).

могут относиться следующие: (i) повышение налогов на виды деятельности, которые носят экологически неустойчивый характер; (ii) сокращение бюджетных субсидий, которые поступают состоятельным слоям населения или поддерживают экологически неустойчивые виды деятельности; (iii) активизация мер по сокращению незаконных финансовых потоков, а вместе с ними – и перенаправления доходов бюджета в офшоры для уклонения от налогов; и (iv) более устойчивое направление ресурсов, выделяемых на цели государственных закупок и подряда, тем компаниям (например, социальным предприятиям), которые в явной форме способствуют социальному вовлечению. Надежной платформой для решения этих проблем могут стать минимальные национальные уровни социальной защиты.

- **Хотя с точки зрения гендерного равенства регион выгодно отличается от многих других стран с развивающейся экономикой, по ряду направлений он отстает от мировой передовой практики.** Более того, усиливается риск утраты тех уровней гендерного равенства, которые были достигнуты в период до 1990-х годов во многих странах, где нередко отмечалось относительное равенство мужчин и женщин. Гендерное неравенство, как правило, усиливает влияние других форм и аспектов неравенства по признакам класса, расы, возраста, этнической принадлежности, инвалидности, рода деятельности и дохода. Неравные результаты на рынке труда, в частности, могут оказывать существенное влияние на более общие показатели гендерного неравенства и исключения женщин.

- **Результаты развития в регионе в высокой степени зависят от доступа к качественным услугам здравоохранения, что определяется социальными, экономическими и экологическими детерминантами здоровья.** 86 процентов преждевременной смертности в регионе связано с неинфекционными заболеваниями, этим же в значительной степени определяются более низкие показатели ожидаемой продолжительности жизни среди мужчин. В регионе также отмечаются самые высокие в мире показатели роста официально зарегистрированных случаев ВИЧ, а число связанных со СПИДом смертей выросло втрое за последние 15 лет. Показатели роста числа ВИЧ могут выступать в качестве представительной переменной нежелания государства и общества решать сложные, но столь важные проблемы социального исключения. Различия очевидны при анализе риска возникновения других заболеваний, а также показателей заболеваемости, смертности и доступа к лечению; данные обследований

указывают на рост числа людей, доступ которых к медицинской помощи ограничен в связи с официальной и неофициальной платой, которую необходимо вносить за счет собственных средств для получения таких услуг.

- **Судя по имеющимся данным, проблемы истощения природных богатств и экологической устойчивости в более общем плане наиболее актуальны в странах региона с доходом ниже среднего,** особенно в тех, что расположены в бассейне Каспийского моря. Помимо того, что эти территории являются местом самых масштабных в регионе (и одних из самых масштабных в мире) антропогенных экологических катастроф (трагедия Аральского моря), модели развития многих из данных стран опираются на добычу и переработку невозобновляемого углеводородного топлива, полезных ископаемых и цветных металлов. Такие модели развития могут создавать высокую (и, вероятно, неустойчивую) нагрузку на запасы природных богатств. Последствия неустойчивого использования ресурсов могут оказаться особенно тяжелыми для уязвимых домашних хозяйств, которые в некоторых странах сталкиваются с серьезными проблемами продовольственной и энергетической безопасности.
- **Данные обследований свидетельствуют о присутствии значительной обеспокоенности общества по поводу качества управления,** в том числе в части восприятия коррупции и неравенства перед законом. Подобное восприятие этих явлений указывает на присутствие глубокой субъективной озабоченности по поводу неравенства в регионе, что не обязательно находит отражение в официальных данных о распределении дохода или благосостояния. Необходимо активизировать работу, направленную на сокращение коррупции и усиление верховенства закона, чтобы:
 - ❖ сократить неформальную занятость, которая лишает многих работников трудовых прав и доступа к социальной защите;
 - ❖ обеспечить рост доходов государственных бюджетов в целях усиления устойчивости систем социальной защиты;
 - ❖ расширить доступ уязвимых групп (включая тех, кто в противном случае может подвергаться дискриминации по этническому, гендерному и иным признакам) к правосудию; и
 - ❖ создать равные условия хозяйствования, расширить возможности получения дохода для малых предпринимателей.

СҮЛҮРТ-ШИРТ БАГ
15-10X30CM

Фото: Freya Morales / ПРООН

Глава 1

Измерение неравенства
доходов и других видов
неравенства

Измерение неравенства доходов и других видов неравенства

Основные тезисы

- **После роста неравенства доходов, зарегистрированного в 1990-х годах, в большей части региона отмечается существенное снижение (или низкий общий уровень) данного показателя.** Официальные данные указывают на то, что в Беларуси, Казахстане, Косово, Бывшей Югославской Республике Македония, Молдове, Черногории, Туркменистане, Украине и Узбекистане неравенство доходов либо находится на низком уровне, либо снижается.
- **Низкий или снижающийся уровень неравенства доходов, судя по всему, содействовал сокращению бедности за счет экономического роста** в указанных странах. Однако в некоторых других странах высокий или постоянно растущий уровень неравенства доходов сдерживает прогресс в части сокращения бедности. Это подчеркивает тот факт, что низкий или снижающийся уровень неравенства доходов не только желателен сам по себе, но и имеет центральное значение для сокращения бедности, обеспечения инклюзивного роста и устойчивого развития в регионе.
- **По данным Всемирного банка, численность населения региона, живущего в условиях бедности, сократилась по меньшей мере с 46 миллионов в 2001 году до около 5 миллионов в 2013 году.** За этот период численность населения, живущего в условиях крайней нищеты (менее чем на 1,90 долл. США в день по ППС), снизилась до менее 1 миллиона человек. Кроме того, численность населения, уязвимого к бедности (живущего на доходы в диапазоне от 3,10 до 10 долл. США в день по ППС), сократилась с около 115 миллионов в 2003 году до порядка 70 миллионов в 2013 году. В то же время численность среднего класса выросла с около 33 миллионов в 2001 году до 90 миллионов в 2013 году. Численность относительно «состоятельного» населения (живущего более чем на 50 долл. США в день по ППС) увеличилась и составила примерно 32 миллиона человек в 2013 году, причем большинство из них проживали в Турции и Казахстане.
- **Судя по имеющимся данным, в регионе наблюдается процесс восстановления среднего класса,** который начался на рубеже тысячелетий после сокращения как в абсолютном, так и в относительном выражении в период 1990-х годов. В большей части региона численность среднего класса, судя по всему, возросла, в то время как доля национального дохода, приходящаяся на состоятельные домашние хозяйства, снизилась. По состоянию на 2013 год не менее 80 миллионов человек в регионе вышли на уровень жизни, который в целом соответствует определению «мирового среднего класса».
- **В регионе наблюдаются значительные проблемы с данными и показателями, используемыми для измерения неравенства доходов.** Это в некоторой степени связано с очевидным занижением параметров неравенства доходов, особенно в части неполного учета доли дохода, приходящейся на наиболее состоятельные домашние хозяйства. Более того, коэффициент Джини, который чаще всего используется для измерения неравенства доходов в регионе, не вошел в перечень предлагаемых показателей для отслеживания достижения Целей в области устойчивого развития (ЦУР). Лишь немногие страны регулярно публикуют данные, необходимые для измерения прогресса по другим показателям неравенства доходов. Это может вызвать серьезные затруднения при осуществлении мониторинга достижения ЦУР 10 («сокращение неравенства внутри стран и между ними») на национальном уровне. Данные неофициальных опросов дают веские основания предполагать, что неравенство доходов вызывает значительную и усиливающуюся озабоченность в регионе.

Введение

В настоящее время все страны и территории Восточной Европы (включая Турцию) и Центральной Азии, чьи устремления в области развития поддерживаются ПРООН, относятся к странам со средним уровнем дохода.² Если брать индекс человеческого развития (ИЧР) ПРООН, на протяжении многих лет они классифицируются как страны со «средним», «высоким» или (в последнее время) «очень высоким» уровнем человеческого развития. Искоренение крайней нищеты как таковое не является важнейшим вопросом повестки дня региона в области развития, даже если брать страны региона с уровнем дохода ниже среднего. Лица, занимающиеся разработкой политики в регионе, все больше внимания уделяют проблемам неравенства, социального исключения и уязвимости.

Усиление внимания к указанным проблемам происходит в условиях растущей озабоченности мирового сообщества по поводу неравенства. В развитых странах это явно прослеживается в ряде исследований, включая работы Пикетти (Piketty, 2014), Стиглица (Stiglitz, 2012), Милановича (Milanovic, 2016, 2011) и публикации ОЭСР (OECD, 2015), в которых основное внимание уделяется вопросам влияния накопления капитала / динамики роста ВВП, глобализации финансовой сферы, структурных и демографических изменений, надбавок к заработной плате для квалифицированных работников и моделей определения заинтересованных групп на распределение доходов. В докладе ПРООН «Разделенное человечество: борьба с неравенством в развивающихся странах» (Humanity Divided: Confronting Inequality in Developing Countries, 2014) рассматриваются причины и последствия формирования неравенства доходов и других видов неравенства в развивающихся странах. В результате этого исследования сделан вывод о том, что несмотря на усиление неравенства доходов во многих развивающихся странах, некоторым из них удалось обеспечить снижение уровня неравенства за счет мер политики, направленных на расширение систем социальной защиты и стимулирование роста занятости в формальном секторе.

Эти исследования и практический опыт актуальны и для переходных и развивающихся экономик стран Восточной Европы, Турции и Центральной Азии. Однако в таких работах отсутствует ряд важных элементов, связанных с теми вызовами в части неравенства, с которыми сталкиваются указанные страны. Начнем с того, что несмотря на принадлежность к категории «развивающихся» / стран со средним уровнем дохода, в этих странах из поколения в поколение отмечались относительно низкие уровни социально-экономического неравенства. Хотя во время «спада переходного периода» 1990-х годов уровень неравенства доходов повысился, по крайней мере, некоторые наблюдатели интерпретировали это как желаемое или во всяком случае неизбежное явление, представляющее собой «корректировку» (нередко насаждаемого) социального выравнивания, отмечавшегося до начала переходного периода. Более того, официальные данные указывают на то, что с 2000 года во многих странах наблюдалось снижение уровней неравенства доходов до показателей, которые регистрировались в допереходный период. Эти данные также свидетельствуют о том, что снижение уровня неравенства содействовало сокращению бедности по уровню дохода и процессу восстановления среднего класса в регионе (измеряемого с помощью показателей доходов). Отмечается, что наличие относительно хорошо развитых систем социальной защиты (уходящих корнями в период до 1990-х годов) и сравнительно высоких уровней гендерного равенства обеспечило довольно равномерное распределение выгод от экономического роста.

Тем не менее, при более тщательном изучении данных по неравенству доходов можно прийти к менее оптимистичным выводам. Прежде всего, имеются свидетельства того, что в официальных данных существенно занижаются фактические уровни неравенства доходов в регионе. Более того, большое число людей не пользуются выгодами, которые обеспечивает экономический рост в регионе. Эти проблемы социального исключения и уязвимости являются отражением неравенства доступа к достойным рабочим местам на рынке

² Для целей данного исследования к ним относятся: Албания, Армения, Азербайджан, Беларусь, Босния и Герцеговина, Грузия, Казахстан, Косово, Кыргызская Республика, Бывшая Югославская Республика Македония, Молдова, Черногория, Сербия, Таджикистан, Турция, Туркменистан, Украина и Узбекистан.

труда, к услугам здравоохранения и другим социальным услугам и к природным богатствам, а также гендерного неравенства (что является предметом исследования последующих глав).

Такая картина складывается на фоне того, что в рамках Целей в области устойчивого развития (ЦУР), которые легли в основу Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, большое внимание уделяется проблемам неравенства. Этот акцент прослеживается в контексте как ЦУР 10 («сокращение неравенства внутри стран и между ними») и ЦУР 5 («обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек»), так и ряда других задач и (предполагаемых) показателей достижения Целей в области устойчивого развития. Помимо этого, система ООН подтвердила свою приверженность задачам поддержки усилий стран, направленных на повышение качества, количества и доступности данных об устойчивом развитии, включая данные, связанные с вопросами неравенства. В докладе «Мир, который считает» (A World That Counts), опубликованном в 2014 году Независимой консультативной группой экспертов, созданной Генеральным секретарем ООН, содержится призыв к «информационной революции» в поддержку показателей достижения Целей в области устойчивого развития, которые будут использоваться для измерения и отслеживания прогресса в обеспечении устойчивого развития.

Исследования, посвященные вопросам неравенства, нередко начинаются с количественного анализа диспропорций в распределении доходов и (если позволяют имеющиеся данные) благосостояния. Хотя данный подход использовался и при подготовке настоящего доклада, следует отметить, что такой анализ может иметь ряд слабых мест, особенно с точки зрения человеческого развития. Во-первых, диспропорции в распределении доходов и благосостояния нередко являются отражением других, более глубоких аспектов социально-экономического неравенства. При акценте на вопросе «у кого есть (или нет) сколько денег» можно упустить из виду более важные определяющие факторы различий,

такие как пол, возраст, классовая, этническая принадлежность. Кроме того, отсутствие равного доступа к рынку труда, достойной работе и качественным услугам, особенно в сфере здравоохранения и образования, а также к надежному снабжению продовольствием, водой и энергией ограничивает возможности людей в полном объеме реализовать свой человеческий потенциал. Данные по неравенству доходов и распределения благосостояния могут не в полной мере отражать такие виды неравенства, что подчеркивает важность измерения и анализа других видов неравенства, помимо неравенства доходов. Это также усиливает значимость выявления определяющих факторов неравенства, которые чаще связаны с возможностями человеческого развития, а не с результатами в части неравенства доходов и других показателей развития.

Во-вторых, как отмечается ниже, поступающие как из национальных, так и из международных источников официальные данные по неравенству доходов и особенно по неравенству распределения благосостояния в регионе оставляют желать лучшего. Помимо фрагментированности охвата и взаимных несоответствий между массивами данных, на которые принято ссылаться, присутствуют и значительные признаки занижения показателей неравенства доходов. Более того, не исключено, что субъективное восприятие неравенства (которое может слабо коррелировать с официальными данными) служит важным показателем социального отношения к правосудию, равенству и легитимности государства. Есть вероятность того, что такие «несстыковки» между официальными данными и широко распространенными представлениями имеют особое значение в рассматриваемом регионе, где граждане стран, которые представляют официальные статистические данные, отражающие очень низкие уровни неравенства доходов, могут считать, что в политических системах их государств у власти находятся олигархические структуры и присутствуют

Лица, занимающиеся разработкой политики в регионе, все больше внимания уделяют проблемам неравенства, социального исключения и уязвимости.

Измерение неравенства доходов и других видов неравенства

другие формы социально-политического неравенства.

Наконец, не менее важно отметить, что не все виды неравенства в одинаковой степени несправедливы. Хотя некоторые виды неравенства могут иметь глубокие и тяжелые последствия, общий эффект других видов неравенства может быть нейтральным, а некоторые из видов неравенства могут даже рассматриваться как желаемые. В первые годы переходного периода в посткоммунистических странах, по крайней мере, некоторые наблюдатели придерживались мнения, что умеренное усиление неравенства доходов в регионе было неизбежным и желаемым. Такая позиция отражала реакцию на «уровнировку» социалистической эпохи, которая представляла собой насаждаемое государством социальное выравнивание (например, путем принудительной коллективизации в сельском хозяйстве или экспроприации домов и магазинов, принадлежавших представителям среднего класса), что поддерживалось посредством политической и институциональной системы, которая не поощряла (а то и объявляла вне закона) личную инициативу и самообеспечение. В период после 1990 года ожидалось некоторое усиление неравенства, поскольку ряд наиболее одаренных лиц находили способы использования своих возможностей человеческого развития для получения более высоких доходов. В той степени, в которой усиление неравенства по окончании переходного периода отражает устранение таких препятствий, его не следует с ходу порицать. В соответствии с таким подходом, есть причины полагать, что неравенство выступает как своего рода «холестерин» (Ferreira et al., 2014), который может быть как «хорошим», так и «плохим». При этом не следует впадать в заблуждение и допускать чрезмерный рост «плохого» относительно «хорошего» неравенства.

В конечном итоге, это философские вопросы, которые могут вызывать обоснованные расхождения во мнениях. Однако в настоящем докладе авторы придерживаются мнения, что в процессе перехода снижалась значимость «хорошего неравенства» в регионе. Это проявляется в форме усиления озабоченности мирового сообщества в связи с проблемами неравенства, что среди прочего нашло отражение в ЦУР 10 («сокращение неравенства внутри стран и между ними»). В ходе консультаций по приоритетам мировой повестки развития после 2015 года (UNDG, 2013), которые проводились структурами ООН в 2012-2013 годах в странах региона, выяснилось, что основным поводом для беспокойства являлась проблема неравного доступа к достойной работе и социальным услугам. В частности, в указанном докладе отмечается усиление обеспокоенности в связи с тем, что утрачиваются, по крайней мере, некоторые социальные достижения, которые были обеспечены до начала переходного периода, включая практически полную занятость, относительно высокие уровни экономической активности женщин и относительно широкий охват системами социальной защиты, и что слишком многие добиваются успеха благодаря своим политическим связям, а не за счет своего потенциала человеческого развития. Присутствует мнение, что во многих странах соотношение «хорошего» и «плохого» неравенства слишком сильно сместилось в сторону последнего, и что необходимо предпринимать шаги для установления более здорового баланса.

Неравенство доходов

При оценке данных по неравенству доходов в регионе возникают три ключевые проблемы. Первая из них заключается в **частом использовании взаимно несогласующихся массивов данных**. На национальном уровне зарегистрированные уровни неравенства доходов отличаются в зависимости от того, относятся ли исходные данные к валовому или располагаемому доходу домашних хозяйств, включаются ли в доходы домашних хозяйств оценки товаров и услуг в натуральном выражении (особенно продукты питания), производимые домашними хозяйствами для целей собственного потребления, или используются ли расходы на потребление в качестве представительной переменной полученных доходов. Кроме того, некоторые страны Юго-Восточной Европы переходят от сбора и анализа данных, получаемых в рамках стандартных обследования бюджетов домашних хозяйств, к использованию методики обследования доходов и условий жизни Европейского Союза (EU-SILC). Хотя международные базы данных, такие как POVCALNET и SWIID, теоретически должны

реплицировать / отражать национальные данные по неравенству доходов, содержащиеся в них цифры иногда сложно соотносить с теми отчетными данными, которые представлены в национальных источниках.

Вторая важнейшая проблема, возникающая при оценке неравенства в регионе, состоит в **отсутствии широко доступных данных по некоторым странам**. В целях настоящего доклада использовались официальные данные, предоставленные национальными статистическими службами большинства стран региона. Однако в ряде этих стран такие данные не находятся в открытом доступе. Подобные пробелы в имеющихся данных могут осложнять задачи мониторинга хода достижения Целей в области устойчивого развития на национальном уровне, в том числе и в связи с использованием устаревших массивов данных или некорректных представительных переменных.

Третья формирующаяся проблема состоит в том, что **распределение доходов чаще всего отслеживается посредством показателей, не включенных в предлагаемый перечень показателей достижения Целей в области устойчивого развития**. Коэффициенты Джини

Таблица 1. Коэффициенты Джини для распределения доходов

Страна	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Албания*	28			30			28				27		
Армения	45	43	40	36	37	37	34	36	36	37	37	37	37
Беларусь					26	27	27	27	27	28	29	28	28
Грузия					45	46	45	46	46	46	43	42	41
Казахстан	33	32	31	30	31	31	29	27	28	29	28	28	28
Косово				30				30	29	28			
Кыргызская Респ.	42	41	42	43	45	42	36	37	37	38	42	46	43
БЮР Македония									41	39	39	37	35
Молдова					37	37	37	37	35	34	34	33	32
Черногория				26	24	26	25	26	24	26	27	26	
Сербия**					33	32	30	30	33		38	39	38
Турция	44	42	40	38	43	41	41	42	40	40	40	40	39
Туркменистан				29	30	29	28	28	29	28	29	29	29
Украина			32	33	33	27	26	26	25	24	23	24	23
Узбекистан									30	29	29	29	28

Источник: Вебсайты национальных статистических служб.

* Расходы на потребление.

** Данные за 2006-2010 годы были собраны в соответствии с методикой обследования бюджетов домашних хозяйств, а данные за 2012-2014 годы – в соответствии со стандартами обследования доходов и условий жизни ЕС. Расхождения между значениями коэффициента Джини в период с 2010 по 2012 год могут объясняться этими различиями в методологии.

Таблица 2. Динамика изменения доли национального дохода, приходящейся на четыре наименее обеспеченных квинтиля населения

Страна	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Албания*	100			96			101				102		
Армения	100	107	95	101	113	112	112	110	111	111	107	111	107
Азербайджан				100	93	98	99	97	97	101	104	101	102
Беларусь				100	98	96	97	98	97	96	96	97	97
Грузия*	100	99	99	100	98	96	95	95	91	92	94	98	
Казахстан						100	105	110	107	104		108	107
Кыргызская Респ.	100	104	103	96	100	99	122	116	116	112	100	87	103
БЮР Македония									100	90	91	97	
Молдова					100	102	101	99	105	109	112	111	115
Турция					100	107	106	104	109	108	108	107	108
Туркменистан				100	101	104	105	100	101	110	104	107	108
Украина*	100	103	99	99	101	105	105	107	109	107	109	110	110
Узбекистан				100	101	104	105	100	101	110	104	107	108

Примечание: Представленный выше показатель рассчитан, исходя из того, что данная доля составляла 100 в 2002 году (или в первый год, по которому имеются такие данные, если он пришелся на период после 2002 года). Повышение показателя до уровня более 100 означает, что доля национального дохода, приходящаяся на четыре наименее обеспеченных квинтиля населения, возросла; снижение означает, что такая доля сократилась.

* Расходы на потребление используются в качестве представительных переменных для дохода.

Источник: Вебсайты национальных статистических служб.

относятся к традиционно используемым показателям распределения доходов, не вошедшим в перечень показателей, который Межведомственная группа экспертов Статистической комиссии ООН по подготовке системы показателей Целей в области устойчивого развития предложила для ратификации на заседании Генеральной Ассамблеи. Вместо этого в указанный перечень вошли (например, для ЦУР 10) такие показатели, как «темпы роста расходов или доходов домашних хозяйств на душу населения среди наименее обеспеченных 40 процентов населения и среди населения в целом»; «доля людей с доходом ниже 50 процентов медианного дохода в разбивке по возрастной группе, полу и инвалидности»; и «доля доходов трудящихся в ВВП, в том числе заработная плата и трансферты по линии социальной защиты».

В этой связи ниже представлены временные ряды двух показателей неравенства доходов в регионе: коэффициенты Джини для распределения доходов, полученные от национальных статистических служб (таблица 1), и динамика доходов, полученных наименее обеспеченными 40 процентами населения, по отношению к динамике доходов населения по стране в целом (таблица 2).

Коэффициент Джини. Хотя маловероятно, что коэффициент Джини будет использоваться в качестве глобального показателя достижения Целей в области устойчивого развития, он остается наиболее часто используемым и наиболее широко доступным официальным показателем неравенства доходов в регионе. Приведенные в таблице 1 цифры отражают временные ряды данных по коэффициенту Джини, полученные для 15 стран региона от соответствующих национальных статистических служб. Они указывают на разделение этих стран на следующие группы:

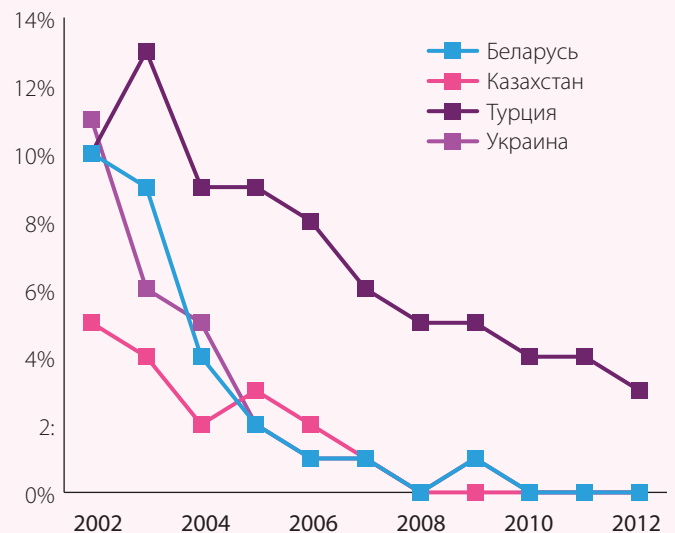
- ▶ Страны с низкими (по международным стандартам) общими уровнями неравенства доходов: Беларусь, Казахстан, Косово, Черногория, Туркменистан, Украина и Узбекистан;
- ▶ Страны с высокими (или более высокими), но при этом снижающимися уровнями неравенства доходов: Грузия, Бывшая Югославская Республика Македония, Молдова;
- ▶ Страны с высокими (и не снижающимися) или растущими уровнями неравенства доходов: Армения, Кыргызская Республика, Сербия; а также

Измерение неравенства доходов и других видов неравенства

Рисунок 1. Уровни бедности (2002-2012 годы)

Рисунок 2. Уровни бедности (2002-2012 годы)

Примечание: Уровни бедности определены на основе используемого в международной практике порога бедности в размере 3,10 долл. США в день по паритету покупательской способности (ППС) и обменных курсов Программы международных сопоставлений 2011 года по ППС.

Источник: База данных Всемирного банка POVCALNET.

- Страны, по которым данные либо отсутствуют (Босния и Герцеговина, Таджикистан), либо не позволяют сделать окончательный вывод (Албания, Турция).

Более длинные временные ряды данных по коэффициентам Джини для распределения расходов на потребление (что используется в качестве представительных переменных для дохода) доступны в базе данных Всемирного банка POVCALNET. Эти временные ряды, которые в некоторых случаях начинаются данными за 1980-х годы (т.е. до начала переходного периода), как правило, отражают повышение в 1990-х годах (иногда значительное повышение) очень низких (по международным стандартам) уровней неравенства, наблюдавшихся до начала переходного периода. За этим обычно следовало снижение уровней неравенства доходов в новом тысячелетии. Однако тенденции, нашедшие отражение в данных POVCALNET, не всегда соответствуют тому, что показывают данные, предоставляемые национальными статистическими службами.

Наименее обеспеченные 40 процентов населения. В отличие от коэффициента Джини, отношение темпов роста доходов домашних хозяйств на душу населения по наименее обеспеченным четырем децилям / двум квинтилям / 40 процентам населения к

данному показателю по населению в целом вошло в перечень предлагаемых показателей достижения ЦУР 10. Динамика данного отношения, которая приведена в таблице 2, подчеркивает значимость последствий мирового финансового кризиса (2008 года) для региона, особенно в случае Армении, Казахстана и Кыргызской Республики. В то время как в период до 2008 года в этих странах наблюдался рост показателей доли доходов, приходящейся на наименее обеспеченные 40 процентов населения, в последующий период эти показатели снижались. С другой стороны, в случае Молдовы, Турции, Туркменистана, Украины и Узбекистана очевидно прослеживается повышение таких показателей в целом за последние десять лет, а также в период после 2009 года. В случае Беларуси доля дохода, приходящаяся на наименее обеспеченные 40 процентов населения, похоже, оставалась практически неизменной в период с 2006 года (и находилась на относительно высоком уровне), в то время как данные по Бывшей Югославской Республике Македония отражают резкое падение этой доли в период после 2010 года, за которым последовало ее частичное восстановление. В определенной степени аналогичная динамика прослеживается в случае Грузии: доля национального дохода, приходящегося на наименее обеспеченные

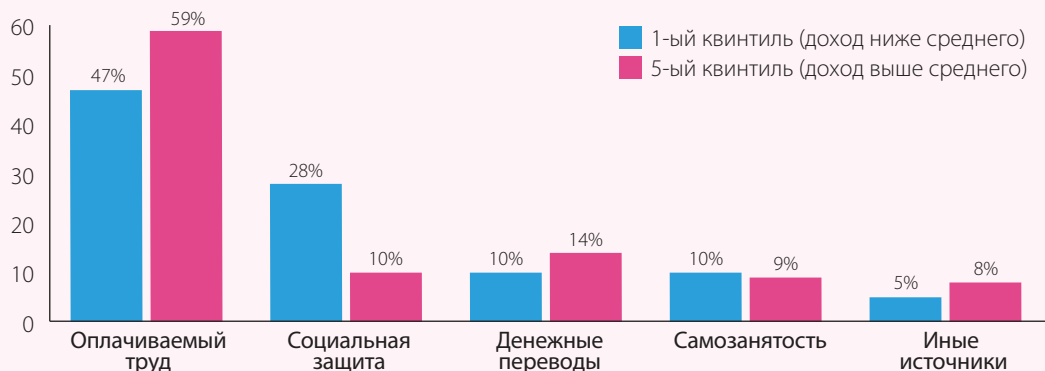
Человек продает арбузы в центре г. Приштина, Косово *. Мировой финансовый кризис 2008-2009 гг. значительно повлиял на уровень занятости в Западных Балканах. Фото: Karen Cirillo / ПРООН

четыре дециля населения, резко упала в период 2005-2010 годов, а затем частично восстановилась.

В целом, в десяти из тринадцати стран, по которым имеются данные, отмечается рост доли совокупного дохода, получаемого домашними хозяйствами, которые относятся к наименее обеспеченным четырем децилям, в соответствующий базисный период (таблица 2). Поскольку в данный период в этих странах также зарегистрирован экономический рост,

подобная благоприятная динамика показателей по наименее обеспеченным 40 процентам населения указывает на инклюзивный характер роста в этих странах, а также на то, что их экономический рост содействовал сокращению бедности (рисунки 1, 2). Более того, если брать все страны, в которых в базисный период зарегистрировано снижение доли совокупного дохода, приходящегося на домашние хозяйства, которые относятся к наименее обеспеченным четырем децилям

Рисунок 3. Доля дохода, полученного из разных источников, по квинтилям в зависимости от дохода (Молдова, 2006-2014 годы, среднегодовые показатели)

Расчеты ПРООН на основе данных обследования бюджетов домашних хозяйств, взятых из следующего источника: <http://statbank.statistica.md>.

Измерение неравенства доходов и других видов неравенства

При акценте на вопросе «у кого есть (или нет) сколько денег» можно упустить из виду более важные определяющие факторы различий, такие как пол, возраст, классовая, этническая принадлежность.

(таблица 2), похоже, что возможное повышение уровня бедности в Беларуси, которое могло бы стать следствием усиления неравенства или низких темпов экономического роста, ограничивалось уже и так низкими уровнями неравенства доходов в стране (что отражает низкий коэффициент Джини, см. таблицу 1). В отличие от Беларуси, относительно высокие уровни неравенства доходов в Грузии в сочетании с зарегистрированным снижением доли национального дохода, приходящейся на наименее обеспеченные четыре дециля, похоже, препятствовали существенному снижению относительно высоких показателей уровня бедности в стране с период 2002-2012 годов (несмотря на высокие темпы роста ВВП, зарегистрированные в этот период).

При этом следует упомянуть, что в качестве показателя для измерения неравенства доля дохода, приходящаяся на наименее обеспеченные 40 процентов населения, представляется менее надежным индикатором по сравнению с коэффициентом Джини,

поскольку она служит скорее для измерения степени, в которой доходы менее состоятельных домашних хозяйств сжались в сравнении со средними показателями по стране или отклонились от них. В таком виде этот показатель не позволяет нам увидеть динамику доли дохода, которую получают состоятельные домашние хозяйства. Как поясняется ниже, именно в этой части могут отмечаться самые значительные расхождения в данных по странам региона.

Два других из упомянутых выше показателей достижения ЦУР 10 – «доля людей с доходом ниже 50 процентов медианного дохода в разбивке по возрастной группе, полу и инвалидности» и «доля доходов трудящихся в ВВП, в том числе заработная плата и выплаты по линии социальной защиты,» – также представляются проблематичными в контексте рассматриваемого региона. Первый из них не отражается в официальной отчетности, предоставляемой статистическими службами большинства стран региона, и хотя оценки медианного дохода по стране можно сделать на основе официальных данных с разбивкой по квинтилям / децилям населения, отсутствие подобных данных «в разбивке по возрастной группе, полу и инвалидности» может, по-

Доля принявших участие в программе «Кавказский барометр» респондентов, которые заявили, что «не имеют личного дохода», в сравнении с долей национального дохода, приходящейся на наименее обеспеченные децили населения, в соответствии с данными национальных статистических служб (2008-2013 годы)

Рисунок 4. Армения

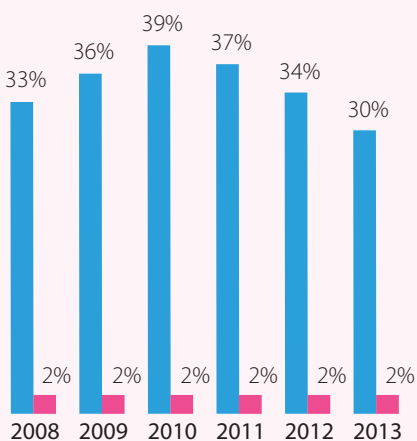

Рисунок 5. Азербайджан

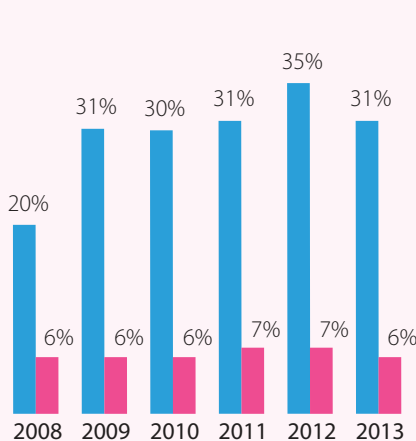
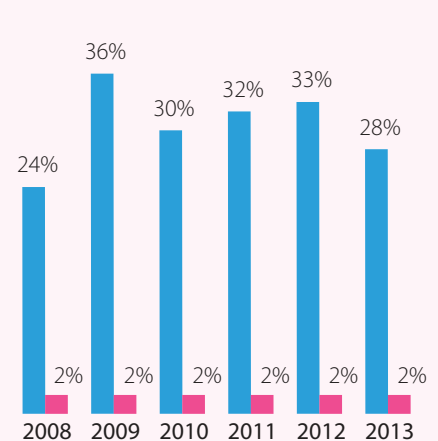

Рисунок 6. Грузия

■ Программа «Кавказский барометр»
■ Национальные стат. службы

■ Программа «Кавказский барометр»
■ Национальные стат. службы

■ Программа «Кавказский барометр»
■ Национальные стат. службы

Источники: Национальные статистические службы и база данных программы «Кавказский барометр» (Caucasus Barometer). В качестве данных статистической службы Грузии взяты расходы на потребление.

Таблица 3. Восприятие неравенства по данным Всемирного обзора ценностей (1990-2014 годы)

	1990-1994	1995-1999	2000-2004	2005-2009	2010-2014
Армения		38%			47%
Беларусь	24%	37%			65%
Грузия		26%			45%
Казахстан					55%
БЮР Македония				54%	56%
Молдова		31%	32%	46%	
Украина		37%		28%	81%

Доля принявших участие в программе «Всемирный обзор ценностей» респондентов, которые в ответ на вопрос о неравенстве доходов поставили баллы в диапазоне от одного до пяти по шкале от одного («следует обеспечить более равномерное распределение доходов») до десяти («необходимо увеличить разницу в уровне доходов, что является стимулирующим фактором»).

видимому, привести к снижению значимости таких оценок.

Показатели доли дохода, генерируемого за счет труда, капитала и других источников, напротив, находят отражение в официальных данных большинства статистических служб стран региона. Однако взаимосвязи между оплатой труда (в сравнении с доходами от капитала), с одной стороны, и показателями неравенства доходов, с другой стороны, не носят непосредственный характер. Например, в период 2006-2014 годов на долю работы по найму в Молдове приходилась более значительная доля дохода домашних хозяйств, относящихся к пятому квинтилю (с доходом выше среднего), чем в случае домашних хозяйств, относящихся к первому квинтилю (с доходом ниже среднего) (59 процентов против 47 процентов, см. рисунок 3). В отличие от оплаты труда, доля дохода, генерируемого за

счет других источников (в том числе дохода от капитала и имущества), была не столь высока для обеих групп (и различия между группами также были невелики). В такой ситуации усилия, направленные на увеличение доли национального дохода, связанной с оплатой труда, могут привести к повышению уровня неравенства доходов, а не к его снижению. Это указывает на сравнительно большие разрывы между уровнем заработной платы работников, имеющих «хорошую» работу в формальном секторе, с одной стороны, и теми, кто занят в неформальном секторе (что во многих случаях предполагает нестабильную или уязвимую занятость), с другой стороны. Различия в распределении трудовых доходов (и в положении на рынке труда в широком понимании) могут дать нам более четкое представление о неравенстве, чем общие данные о доле национального дохода, приходящейся на оплату труда.

Таблица 4. Данные по результатам обследования социального исключения (2009 год)

	Численность страдающих от исключения (А)	Среднее количество лишений (доля в общем) (В)	Балльная оценка индекса социального исключения (А x В x 100)
Казахстан	32%	44%	14
БЮР Македония	12%	45%	5
Молдова	40%	46%	18
Сербия	19%	45%	8
Таджикистан	72%	46%	33
Украина	20%	43%	9

Источник: ПРООН (UNDP, 2011), с. 38.

Измерение неравенства доходов и других видов неравенства

В Молдове в период 2006-2014 годов доля дохода домашних хозяйств, обеспечиваемого за счет государственной социальной поддержки (преимущественно в виде пенсий), была практически в три раза выше в случае домашних хозяйств с доходом ниже среднего (28 процентов), чем в случае домашних хозяйств с доходом выше среднего (10 процентов). Эта тенденция, которая явно прослеживается в большинстве стран региона, имеет особенно большое значение в таких странах, как Азербайджан, Беларусь, Туркменистан и Узбекистан, где значительная доля национального богатства (в особенности включая природные ресурсы), а также крупные предприятия и финансовые учреждения (экономические «командные высоты») находятся в государственной собственности. В этой связи доход от капитала, генерируемый этими активами, в принципе, поступает государству, а не физическим лицам. Государство, в свою очередь, перераспределяет эти доходы домашним хозяйствам, в том числе и через системы социальной защиты и обеспечиваемые (или субсидируемые) государством социальные услуги. В такой ситуации высокие доходы, получаемые собственником капитала (т.е. государством) могут обеспечивать сокращение, а не усиление неравенства.

Относительно благоприятные оценки тенденций изменения неравенства доходов в регионе опираются на допущение о достоверности

лежащих в их основе официальных данных. При тщательном анализе этих данных обнаруживается, что они занижены (возможно, в значительной степени). Для этого есть три причины.

Первая причина кроется в несоответствиях между официальными данными о распределении доходов, предоставляемыми национальными статистическими службами, с одной стороны, и имеющимися по региону неофициальными данными об уровне жизни по результатам опросов, с другой стороны. Например:

- ▶ Данные, полученные в рамках программы «Всемирный обзор ценностей», указывают на то, что значительное и постоянно растущее число респондентов в ряде стран региона согласны с утверждением, что «следует обеспечить более равномерное распределение доходов» (в отличие от утверждения, что «необходимо увеличить разницу в уровне доходов, что является стимулирующим фактором», см. таблицу 3). Эта тенденция особенно четко прослеживается в странах, национальные статистические службы которых регистрируют очень низкие уровни коэффициента Джини для неравенства доходов, таких как Беларусь и Украина.
- ▶ Данные, полученные в рамках программы «Кавказский барометр», указывают на то, что

Рисунок 7. Доля респондентов, не сообщивших сведения в рамках обследования уровня жизни домашних хозяйств в Украине (2010-2012 годы)

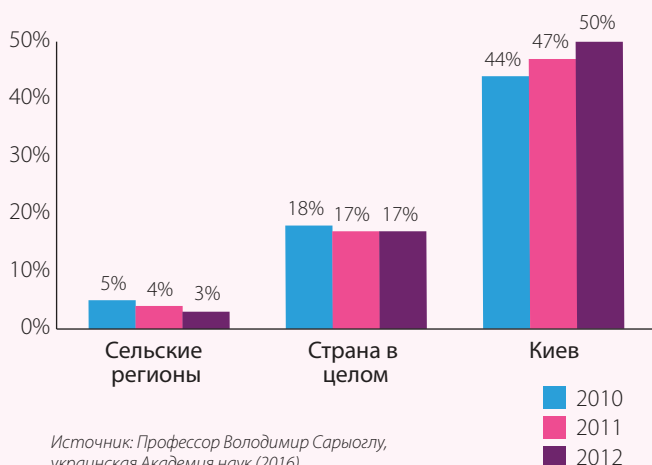
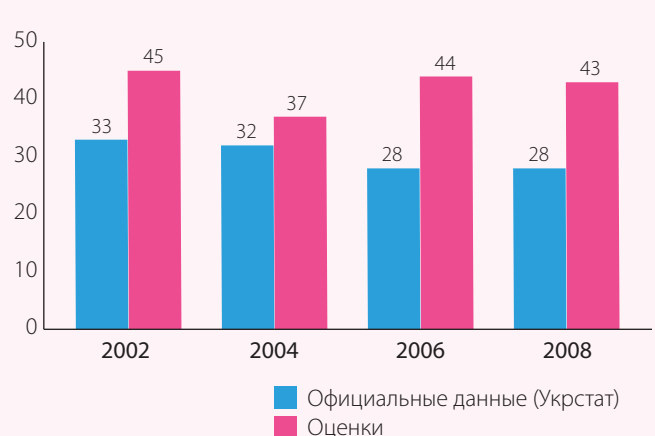

Рисунок 8. Оценки коэффициентов Джини для неравенства доходов в Украине с учетом поправок на деятельность в неформальном секторе (2002-2008 годы)

от 20 до 40 процентов всех респондентов, принявших участие в обследовании в Армении, Азербайджане и Грузии, считают, что они «не имели личного дохода» в период 2008-2013 годов. Даже если сделать поправку на некоторое преувеличение, полученные цифры сложно соотнести

с официальными данными, которые показывают, что 2-7 процентов доходов домашних хозяйств приходятся на те из них, которые относятся к самому низкому децилю в таблице распределения национального дохода (см. рисунки 4-6).

Вставка 1. Разбивка данных по неравенству по регионам для Турции, Боснии и Герцеговины, Казахстана

Средние показатели по стране могут иногда больше скрыть, чем прояснить ситуацию. По этой причине показатели неравенства следует (по мере возможности и необходимости) представлять в разбивке по полу, возрасту, этнической принадлежности и другим критериям уязвимости, включая и географическое местоположение.

Важность представления дезагрегированных показателей неравенства по регионам становится очевидна при анализе данных, собранных для изучения конкретных примеров Турции, Боснии и Герцеговины, Казахстана, которое проводилось параллельно с подготовкой настоящего доклада. В частности:

► Коэффициенты Джини по регионам Турции (на основе данных, собранных в период 2006-2011 годов) указывают на то, что показатели неравенства доходов значительно ниже в черноморском и мраморноморском регионах, чем в материковых, восточных и средиземноморских (южных) регионах страны.

► Данные по Боснии и Герцеговине указывают на отклонение ряда социально-

Турция и ее регионы (данные за 2006-2011 годы*)	Коэффициенты Джини (неравенство доходов)
Восточно-Черноморский регион	31
Восточно-Мраморноморский регион	32
Западно-Черноморский регион	32
Стамбул	36
Западно-Мраморноморский регион	36
Центральная Анатолия	36
Западная Анатолия	37
Северо-Восточная Анатолия	38
Эгейский регион	39
Юго-Восточная Анатолия	39
Турция в целом	39
Средиземноморский регион	40
Центральная Восточная Анатолия	40

* за последний год, по которому имеются данные.

экономических переменных по 17 регионам от средних по стране уровней. Эти переменные выражены в форме составного показателя, отражающего пространственные тенденции изменения показателей неравенства доходов и других видов неравенства. В то время как в 2010 году такой показатель по самом богатому региону страны (Сараевский кантон) примерно на 34 процента превышал средний по стране показатель, наименее развитый регион (Кантон 10) продемонстрировал уровень на 21 процент ниже среднего по стране. Однако к 2015 году диспропорции на региональном уровне сократились: показатель по Сараевскому кантону лишь на 30 процентов превышал средний по стране; в то время как показатель по наименее развитому региону (Унско-Санский кантон) был примерно на 16 процентов ниже среднего по стране показателя. В период 2010-2015 годов в десяти из 17 регионов Боснии и Герцеговины зарегистрировано сокращение отклонений от средних по стране показателей, причем самое значительное улучшение ситуации отмечалось по Кантону 10.

Измерение неравенства доходов и других видов неравенства

Отклонение от средних показателей по стране			
Регион	2010	2015	Изменение*
Сараевский кантон	34%	30%	-3%
Герцеговино-Неретвенский кантон	12%	14%	2%
Округ Брчко	1%	5%	5%
Восточно-Сараевский регион	1%	-3%	-4%
Регион Фоча	-1%	4%	5%
Регион Баня-Лука	-1%	-2%	-1%
Тузланский кантон	-3%	-4%	-1%
Зеницко-Добойский кантон	-3%	-5%	-1%
Среднебоснийский кантон	-4%	-7%	-3%
Регион Требине	-9%	-3%	6%
Боснийско-Подринский кантон	-10%	0%	9%
Регион Добой	-10%	-9%	1%
Унско-Санский кантон	-12%	-16%	-4%
Посавский кантон	-13%	-8%	5%
Регион Биелина	-14%	-13%	1%
Западногерцеговинский кантон	-15%	-6%	9%
Кантон 10	-21%	-11%	10%

* В процентных пунктах

► В Казахстане данные, отражающие изменения доли национального дохода, приходящейся на домашние хозяйства, которые входят в наименее обеспеченные четыре дециля населения (наименее обеспеченные 40 процентов населения), доступны по каждому из 16 регионов страны. Эти данные указывают на то, что в период 2010-2014 годов доля

Регион	Изменение доли доходов, приходящихся на наименее обеспеченные 40 процентов населения, нарастающим итогом (2010-2014 годы)
Город Астана	17%
Павлодарская область	7%
Алматинская область	4%
Актюбинская область	3%
Южно-Казахстанская область	2%
Кызылординская область	1%
Жамбыльская область	0%
Восточно-Казахстанская область	0%
Атырауская область	-1%
Костанайская область	-2%
Акмолинская область	-2%
Город Алматы	-2%
Северо-Казахстанская область	-3%
Карагандинская область	-3%
Мангистауская область	-5%
Западно-Казахстанская область	-5%

доходов, получаемых этими домашними хозяйствами в столице страны (г. Астана), росла на 17 процентов быстрее, чем доля национального дохода, получаемая этой группой населения в целом по стране. В то же время доля домашних хозяйств с низким уровнем

доходов в совокупном доходе сократилась в этот период в ряде западных и северных регионов Казахстана.

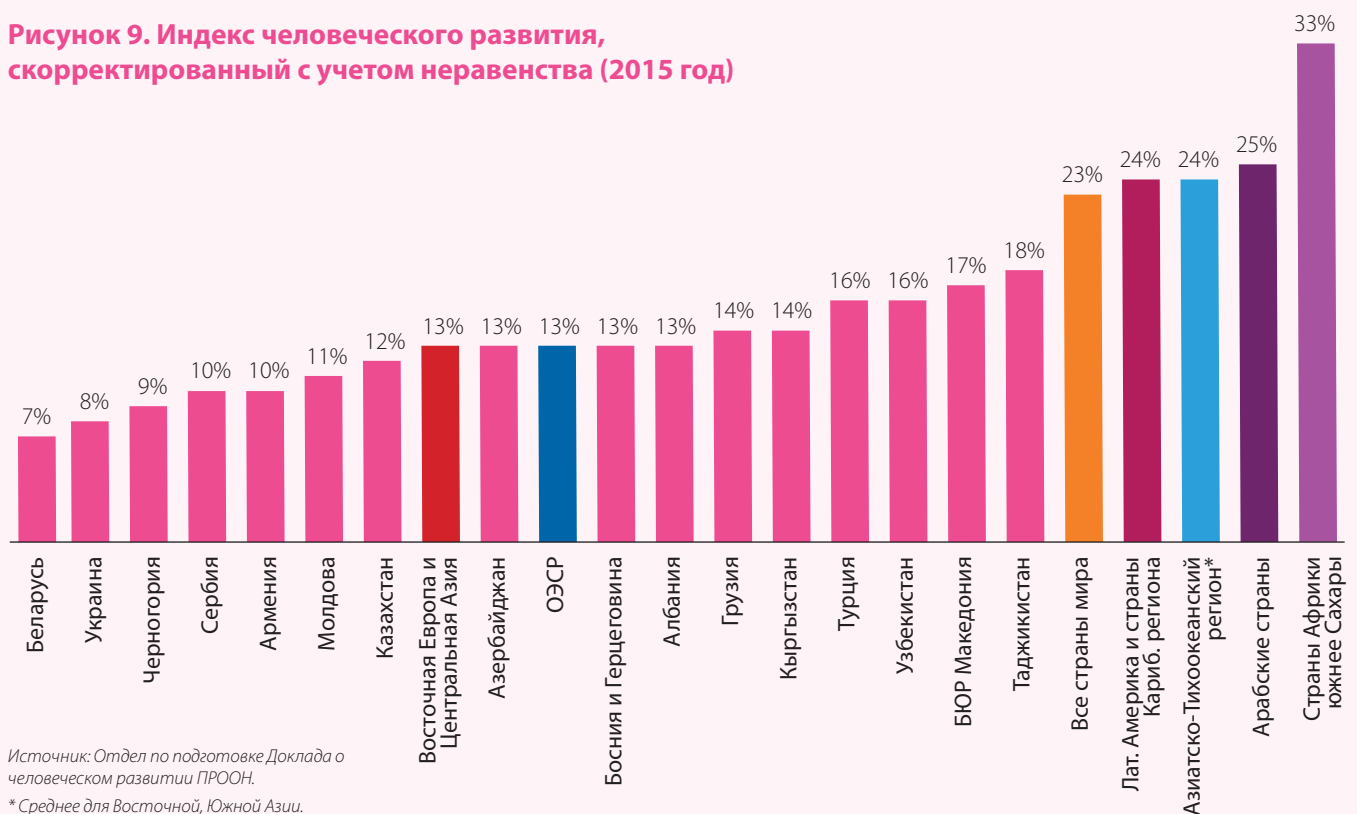
Эти данные показывают, что для целей мониторинга тенденций в области социально-экономического неравенства в регионе на местном уровне может использоваться широкий круг различных показателей. Применение таких показателей может помочь правительствам стран привести политику и программы развития регионов в соответствие с национальными мерами по достижению Целей в области устойчивого развития, особенно в отношении ЦУР 10 («сокращение неравенства внутри стран и между ними»).

Источники: Raziye Selim, Öner Günçavdı and Ayşe Aysin Bayar, <<Türkiye’de Bireysel Gelir Dağılımı Eşitsizlikleri: Fonksiyonel Gelir Kaynakları ve Bölgesel Eşitsizlikler>>, Publication No: TÜSIAD-T/2014-06/554 (June 2014), 123; UNDP-BiH, <<Spatial Development Inequalities in Bosnia and Herzegovina>> (March 2016); и UNDP-Kazakhstan <<Региональные Различия и Неравенство в Казахстане>> (July 2016).

➤ Судя по результатам измерения «индекса социального исключения», представленным в региональном докладе о человеческом развитии ПРООН за 2011 год «От трансформации – к обществу для всех» (UNDP, 2011c), значительное число респондентов в шести принявших участие в обследовании странах сталкивались с многочисленными лишениями (значительной степени интенсивности) по сравнению с господствующими в этих странах тенденциями в социально-экономической и политической сфере (таблица 4).

Вторая причина для предположений о возможном занижении официальных показателей неравенства доходов становится очевидна при рассмотрении данных о распределении расходов на потребление по децилям (что нередко служит представительной переменной для дохода домашних хозяйств). Эти данные указывают на то, что практически никто в регионе не зарабатывает (или, по крайней мере, не тратит) более 100 долл. США в день по паритету покупательской способности. Поскольку ВВП на душу населения в регионе при оценке по паритету покупательской способности,

Рисунок 9. Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом неравенства (2015 год)

Источник: Отдел по подготовке Доклада о человеческом развитии ПРООН.

* Среднее для Восточной, Южной Азии.

Измерение неравенства доходов и других видов неравенства

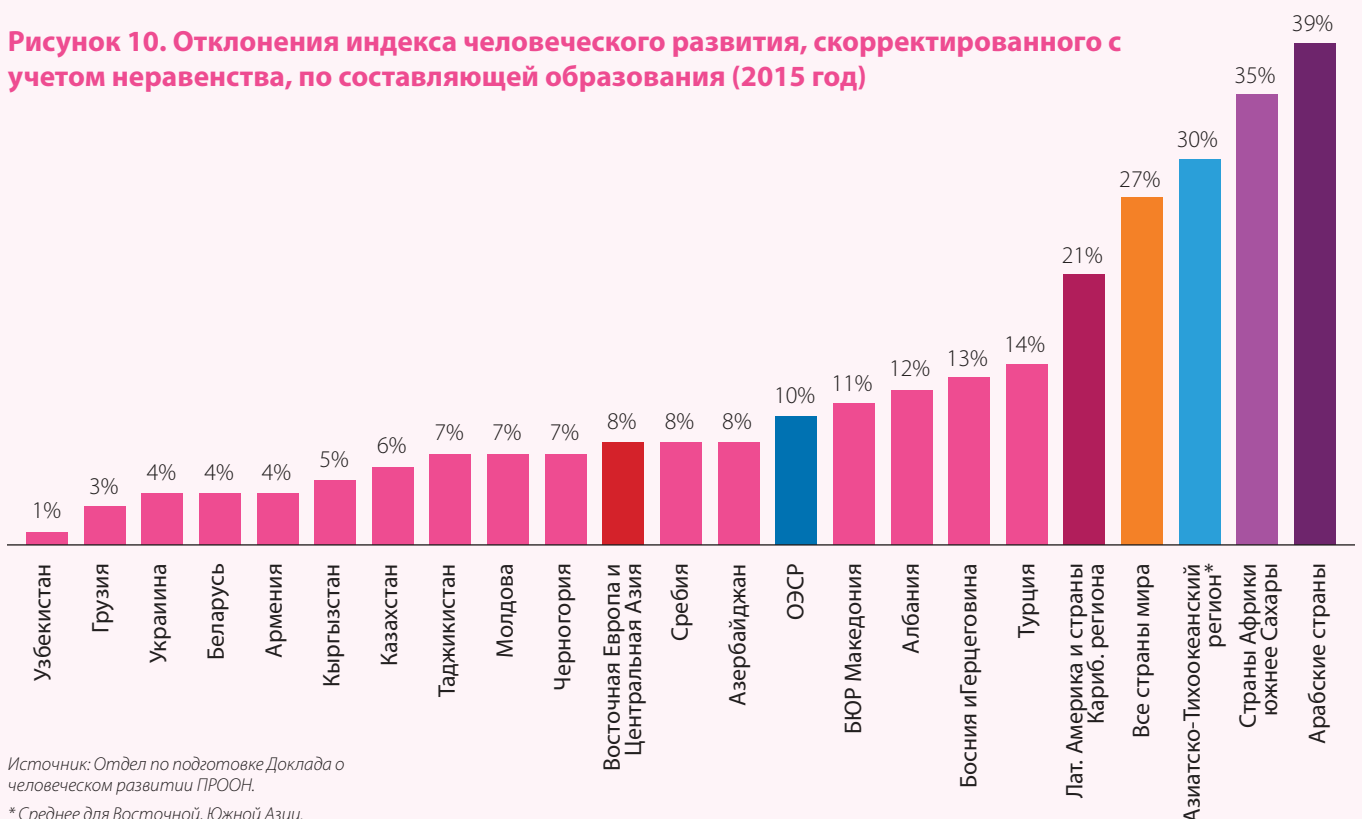
как правило, в 2-3 раза выше, чем ВВП на душу населения в пересчете по рыночным обменным курсам, эти данные подразумевают, что практически никто в регионе не тратит более 50 долл. США в день (в номинальном выражении). Это соответствует расходам на потребление в размере около 1 520 долл. США в месяц или 18 250 долл. США в год. Такие сдержанные показатели расходов, похоже, сложно будет соотнести с тем фактом, что в инфраструктуре розничной торговли в большей части региона преобладают торговые центры и автосалоны премиум класса.

Появляются свидетельства перекоса в выборке, что стало третьей причиной подозревать, что официальные показатели неравенства доходов могут быть занижены. Результаты исследования, проведенного недавно учеными Академии наук Украины, показали, что в данных по распределению доходов, которые поступают в рамках обследований домашних хозяйств в стране, присутствует систематическая тенденция к занижению. Доля респондентов, не сообщивших сведения в рамках обследований условий жизни домашних хозяйств в Киеве (самом богатом

регионе Украины), проводившихся в период 2010-2012 годов, вдвое превышала средние показатели по стране и была во много раз выше, чем в сельских (зачастую значительно более бедных) регионах Украины (рисунок 7). Поэтому вероятность представления информации об условиях жизни статистическим службам в случае менее состоятельных людей в сельских регионах Украины значительно выше, чем в случае более обеспеченных жителей городов. Ученые Академии наук Украины пришли к выводу, что при корректировке этого перекоса коэффициент Джини для неравенства доходов повысился бы на четыре пункта (с 23 до 27). Другие оценки коэффициентов Джини для Украины (скорректированные, например, с учетом более полного отражения доходов, полученных в неформальном секторе, см. следующую публикацию: Тохтарова, 2011) указывают на необходимость внесения еще более значительных «поправок» в официальные данные (рисунок 8).

Тот факт, что официальным оценкам распределения доходов свойственна тенденция к занижению показателей, на самом деле хорошо известен. Например, на вебсайте Всемирного

Рисунок 10. Отклонения индекса человеческого развития, скорректированного с учетом неравенства, по составляющей образования (2015 год)

Источник: Отдел по подготовке Доклада о человеческом развитии ПРООН.

* Среднее для Восточной, Южной Азии.

банка, на котором размещена база данных по бедности и неравенству POVCALNET, отмечается, что «оценки плотности [наблюдений по доходам] у нижнего и верхнего «хвоста» кривой распределения могут оказаться довольно ненадежными». Это указывает на значимость других, субъективных показателей и оценок неравенства доходов, а также показателей других видов неравенства, помимо неравенства доходов. Более того, многие виды неравенства и диспропорций становятся более важными и очевидными на местном уровне (вставка 1).

Показатели других видов неравенства, помимо неравенства доходов

Показатели бедности по уровню дохода не позволяют полностью измерить степень, в которой люди лишены товаров, услуг, возможностей и способностей, которые им необходимы, чтобы прожить долгую, здоровую и приносящую удовлетворение жизнь. В

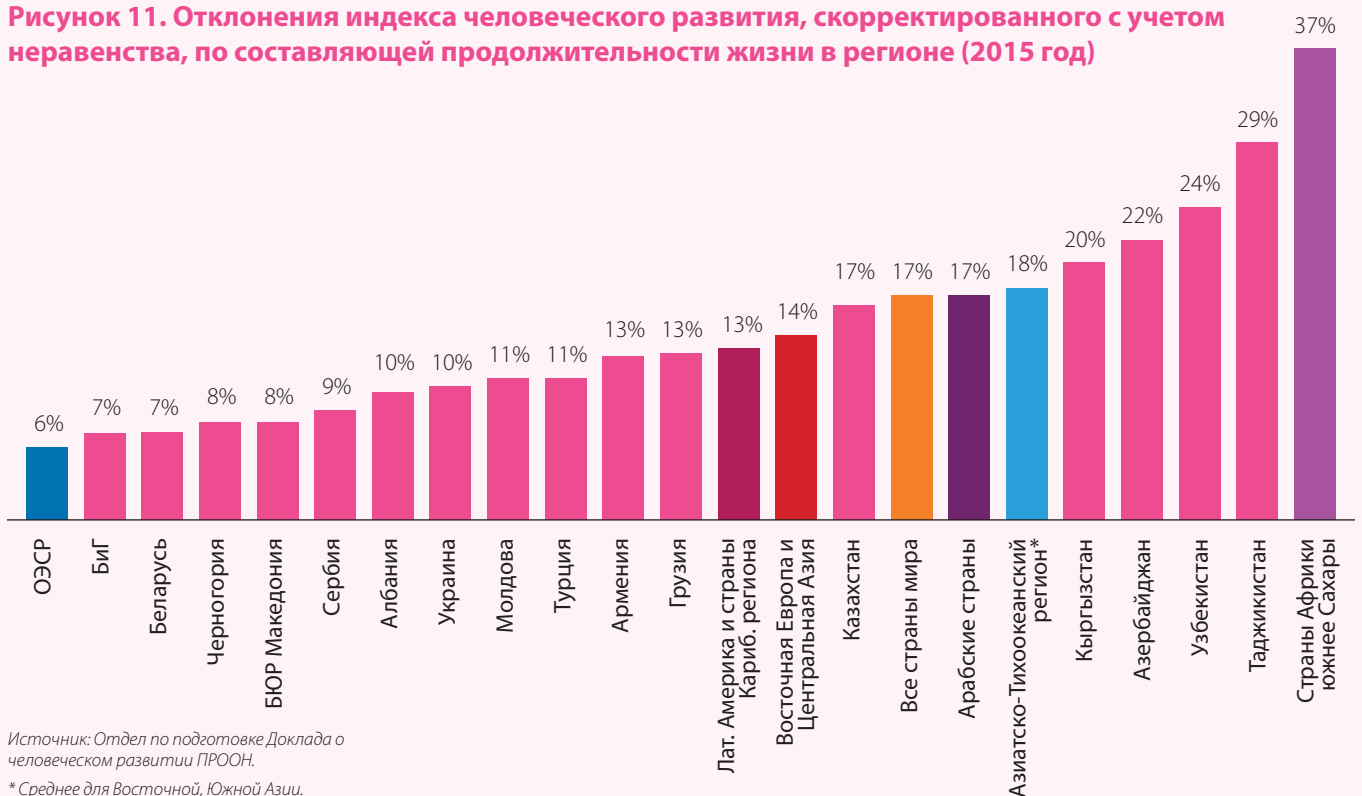
оставшейся части настоящего доклада большое внимание уделяется изучению иных показателей для измерения других видов неравенства, помимо неравенства доходов, и исключения, особенно в том, что касается рынка труда, пола, здоровья, управления, экологических аспектов и других определяющих факторов уязвимости. Составные показатели, такие как индекс человеческого развития (ИЧР) ПРООН, индексы многомерной бедности или показатели, используемые для целей исследования по оценке множественных кластерных индикаторов ЮНИСЕФ, могут стать инструментом для более совершенного измерения прогресса в области развития.³

Что касается отклонений не связанных с доходом показателей благосостояния от средних по стране уровней, источником аналитической информации может служить скорректированный с учетом неравенства индекс человеческого развития ПРООН (ИЧРН) (рисунок 9), поскольку он отражает снижение трех составляющих ИЧР (индексы ВВП на душу населения,

Некоторые социальные достижения допереходного периода теряются.

³ Дополнительную информацию о других видах неравенства в регионе, помимо неравенства доходов, см. в публикации ПРООН: UNDP, 2014.

Рисунок 11. Отклонения индекса человеческого развития, скорректированного с учетом неравенства, по составляющей продолжительности жизни в регионе (2015 год)

Источник: Отдел по подготовке Доклада о человеческом развитии ПРООН.

* Среднее для Восточной, Южной Азии.

Измерение неравенства доходов и других видов неравенства

образования и продолжительности жизни) с учетом неравенства. Судя по ИЧРН, в регионе Восточной Европы и Центральной Азии сохраняется относительно невысокий уровень неравенства по сравнению с остальными странами мира, даже если брать развитые страны ОЭСР. Поскольку неравенство доходов довольно подробно рассматривалось выше, в настоящем разделе внимание будет сосредоточено на анализе тенденций в изменении других видов неравенства в регионе, помимо неравенства доходов, что измеряется посредством ИЧРН.

В сравнении с другими регионами рассматриваемый регион в целом демонстрирует довольно хорошие результаты по ИЧР. Помимо относительно низкого неравенства доходов, что показано в таблице 1 выше, это также отражает относительно равные уровни образования в регионе. Как показано на рисунке 10, в 2015 году неравенство по уровню образования в регионе в среднем было ниже, чем по странам ОЭСР (уже не говоря об остальных странах мира). С другой стороны, данные, приведенные на рисунке 11, указывают на несколько более низкую степень равенства по составляющей ИЧР, связанной со здоровьем. Хотя эти показатели неравенства в регионе находятся на более низком уровне в сравнении со средними по миру, они выше показателей, зарегистрированных по странам Латинской Америки, не говоря уже о странах ОЭСР. (С полной презентацией показателей человеческого развития региона можно ознакомиться в статистических приложениях к настоящему докладу.)

Средний класс в регионе

Во многих исследованиях, посвященных вопросам неравенства, внимание, как и следовало ожидать, сосредоточено на «самых неравных» – на самых богатых и наименее обеспеченных: какова их численность, каковы причины их положения, насколько сильно они отличаются от остальных. Однако анализ «хвостов» кривой распределения доходов косвенно затрагивает и «среднюю часть» распределения, поскольку чем меньше средняя часть, тем длиннее «хвосты» (и наоборот). Таким образом, исследования неравенства можно рассматривать как исследования среднего класса, особенно учитывая то, что озабоченность в связи с ростом неравенства сопровождается беспокойством по поводу

«сокращения среднего класса».

Эти вопросы особенно актуальны для стран с развивающейся и переходной экономикой Восточной Европы и Центральной Азии. До 1990-х годов практически все страны региона с переходной экономикой имели «социалистический» средний класс, который состоял из хорошо образованных рабочих и служащих, инженеров и других представителей технической, творческой и управленческой интеллигенции. Хотя уровни их доходов или благосостояния не обязательно соответствовали уровням среднего класса в странах ОЭСР, до начала переходного периода средний класс региона выступал в качестве основы стабильности и прогресса. Его представители в целом относили себя к среднему классу.

Более того, начиная с 1990-х годов во многих из этих стран (а также в Турции) наблюдался значительный рост дохода на душу населения. В сочетании с относительно низкими уровнями неравенства доходов такой рост личных доходов подразумевает, что миллионы людей, проживающих в странах / территориях региона с уровнем дохода выше среднего (Албания, Азербайджан, Беларусь, Босния и Герцеговина, Казахстан, Косово, Бывшая Югославская Республика Македония, Черногория, Сербия, Турция и Туркменистан), на сегодняшний день могут относиться к «мировому среднему классу», причем их устремления и взгляды могут соответствовать этому статусу.

Насколько велик средний класс региона? Каковы наиболее эффективные способы его определения и измерения? Можно выделить три подхода, которые позволяют дать ответы на эти вопросы:

- **Материальное благосостояние**, которое отражается с помощью таких критериев, как доход на душу населения и владение имуществом / богатствами (например, владение автомобилем (автомобилями), жильем) и соответствующие возможности доступа к определенным услугам (например, образование, здравоохранение, путешествия);
- **Субъективное восприятие** таких аспектов, как образование, социальное происхождение и связанные с этим социальные последствия, на основе личной самоидентификации; и

- **«Ни богатые, ни бедные».** Для того чтобы средний класс (те, кто находятся в средней части кривой социально-экономического распределения) стал полезной категорией для целей социального анализа, он должен качественно и количественно отличаться от тех, кто находится в «хвостах» кривой распределения.

В исследованиях можно найти широкий круг различных подходов к определению и измерению среднего класса (некоторые из них представлены во вставке 2). Ключевым является вопрос о том, следует ли определять средний класс с использованием абсолютных критериев (например, «представители среднего класса имеют доход в диапазоне от «X» до «Y» в день / месяц / год») или относительных критериев (например, «если к богатым относятся 10 процентов населения с самыми высокими доходами, а к бедным – 20 процентов с самыми низкими доходами, то средний класс составляет средние 70 процентов населения»).

В настоящем докладе представлены результаты применения двух таких подходов, которые: (i) основаны на количественных показателях, методологически сопоставимых с представленными выше данными по неравенству доходов; и (ii) отражают как «материальное благосостояние», так и логику «ни богатые, ни бедные», что описывалось выше. Используются следующие подходы:

- Относительный подход, который гласит, что:
 - ❖ Нижние два дециля распределения домашних хозяйств в зависимости от приходящейся на них доли национального дохода относятся к тем, у кого «доход ниже среднего» (т.е. они относительно беднее, чем средний класс);
 - ❖ Средние шесть децилей распределения по доходам относятся к «среднему классу»; и
 - ❖ Верхние два дециля распределения по доходам относятся к тем, у кого «доход выше среднего» (т.е. они относительно богаче, чем средний класс); и
- Абсолютный подход, который гласит, что:
 - ❖ К бедным (с низким доходом) относятся те, кто живет на доход ниже нового порогового уровня бедности, установленного Всемирным банком в размере 3,10 долл. США в день по ППС (причем крайне бедные живут на доход ниже порогового уровня 1,90 долл. США в день по ППС при использовании обменных курсов по ППС 2011 года);
 - ❖ К уязвимым слоям относятся те, кто живет на доход ниже порогового уровня 10 долл. США в день по ППС, но более 3,10 долл. США в день по ППС (при использовании обменных курсов по ППС 2011 года);
 - ❖ К среднему классу относятся те, кто живет на доход ниже порогового

Численность населения региона, живущего в условиях бедности, сократилась с 46 миллионов в 2001 году до около 5 миллионов в 2013 году.

Вставка 2. Примеры методик определения и измерения среднего класса

- МОТ: Представители среднего класса имеют средний доход на душу населения в пределах 4-13 долл. США в день по ППС в развивающихся странах и более 13 долл. США в день по ППС в развитых странах.
- Африканский банк развития: Представители среднего класса имеют средний доход на душу населения в пределах 10-20 долл. США в день по ППС.
- ОЭСР: Представители среднего класса имеют средний доход на душу населения в пределах 10-100 долл. США в день по ППС.
- Аткинсон/Брандолини (Atkinson/Brandolini): Представители среднего класса имеют среднедневной доход на душу населения в пределах 75-125 процентов медианного дохода.

Измерение неравенства доходов и других видов неравенства

уровня 50 долл. США в день по ППС, но более 10 долл. США в день по ППС (при использовании обменных курсов по ППС 2011 года); и

- ✧ К слоям с доходом выше среднего относятся те, кто живет на доход более 50 долл. США в день по ППС (при использовании обменных курсов по ППС 2011 года).

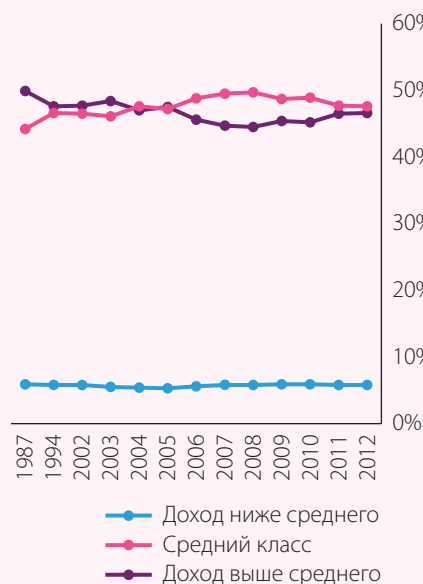
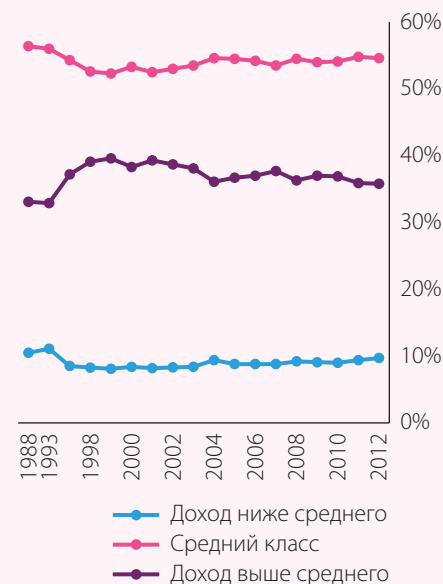
Результаты «относительного подхода».

Тенденции изменения среднего класса в странах Европы, Центральной Азии и в Турции, как правило, аналогичны: доля национального дохода, приходящегося на средний класс, сократилась в 1900-х годах (в период спада на переходном этапе), а затем восстановилась после начала нового тысячелетия. В большинстве из рассматриваемых стран доля национального дохода, приходящаяся на средний класс, в настоящее время находится на уровне, который наблюдался до переходного этапа, или выше этого уровня. Практически все вариации в показателях доли национального дохода, приходящейся на средний класс, можно объяснить компенсирующими изменениями доли национального дохода, приходящейся на класс с доходом выше среднего. Удивительно,

что доли национального дохода, приходящиеся на нижние два дециля, оставались неизменными с течением времени (около 8-10 процентов национального дохода) в большей части региона.

В большинстве стран региона доля национального дохода, приходящаяся на средний класс, в целом была значительно выше доли, которая приходилась на класс с доходом выше среднего. Однако в Грузии и Турции (рисунки 12-13) эти две доли практически постоянны (45-50 процентов национального дохода), в то время как доля национального дохода, приходящаяся на наименее обеспеченные два дециля, в этих странах была самой низкой по региону (и колебалась на уровне около 5 процентов). Страны с самым многочисленным средним классом (например, Беларусь, Казахстан, Косово, Украина, см. рисунки 14-17) также, как правило, характеризуются самыми высокими показателями доли национального дохода, которая приходится на нижние два дециля, и самыми низкими показателями доли национального дохода, получаемой самыми богатыми 20 процентами населения.

Как показали упомянутые выше результаты

Доля национального дохода, приходящаяся на классы со средним доходом, доходом выше и ниже среднего**Рисунок 12. Грузия****Рисунок 13. Турция****Рисунок 14. Беларусь**

Расчеты ПРООН на основе данных POVCALNET

исследования, проведенного в Украине, вполне возможно, что оценки доли дохода, приходящейся на наиболее состоятельные децили населения, занижены. Однако в целом эти данные не указывают на то, что средний класс региона был уничтожен в результате переходного периода или развития. В целом, они, напротив, отражают возврат к показателям доли дохода, которые наблюдались до переходного этапа. Учитывая относительно низкие коэффициенты Джини по региону, такой вывод вполне закономерен. Однако он контрастирует со многими другими исследованиями. Возможно, что действительно значимые изменения происходят внутри децилей (особенно внутри нижних двух из них), а не распределяются по всем децилям, или что количественные данные не в состоянии адекватно отразить действительно тяжелые социальные изменения, через которые прошли эти страны за последние 25 лет. Тем не менее, такие результаты дают пищу для размышлений.

Результаты «абсолютного подхода».

По сравнению с представленным выше анализом данный подход обладает рядом преимуществ, включая следующие: (i) четкая привязка к мировым пороговым значениям для определения бедности, что обеспечивает

взаимосвязь между абсолютными и относительными показателями бедности (т.е. неравенства); (ii) расширение использованного ранее подхода, которые предполагал социальное деление на три уровня, за счет выделения также и слоев, уязвимых к бедности (т.е. находящихся выше черты бедности, но не обязательно относящихся к среднему классу), и (если необходимо) тех, кто живет в условиях крайней нищеты (т.е. ниже нового порогового уровня бедности, установленного Всемирным банком в размере 1,90 долл. США в день по ППС), а также различных уровней внутри среднего класса (т.е. тех, кто живет на доход в пределах от 10 долл. США в день по ППС до 20 долл. США в день по ППС, в отличие от тех, кто живет на доход в пределах от 20 долл. США в день по ППС до 50 долл. США в день по ППС); и (iii) наличие ответов на такие вопросы, как «сколько человек в стране X имеют доход более 20 долл. США в день по ППС?»

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в период 2000-2013 годов численность населения региона, живущего в условиях бедности, сократилась с 46 миллионов в 2001 году до около 5 миллионов в 2013 году (рисунок 18).⁴ (Число живущих в условиях крайней нищеты, что определяется в

4 В этих данных не учитываются Туркменистан и Узбекистан.

Доля национального дохода, приходящаяся на классы со средним доходом, доходом выше и ниже среднего

Рисунок 15. Казахстан

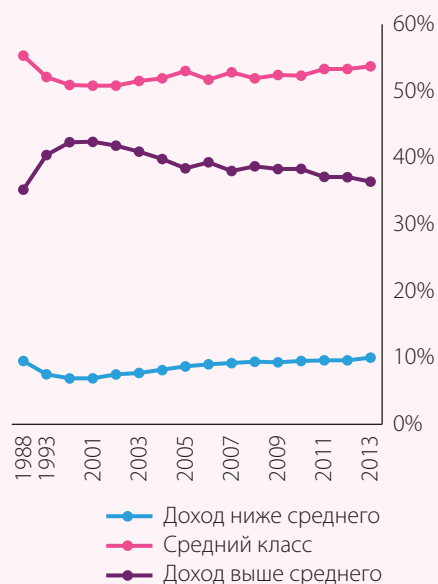

Рисунок 16. Косово

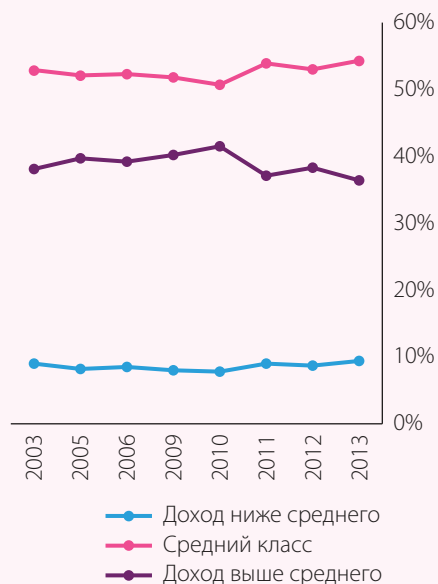
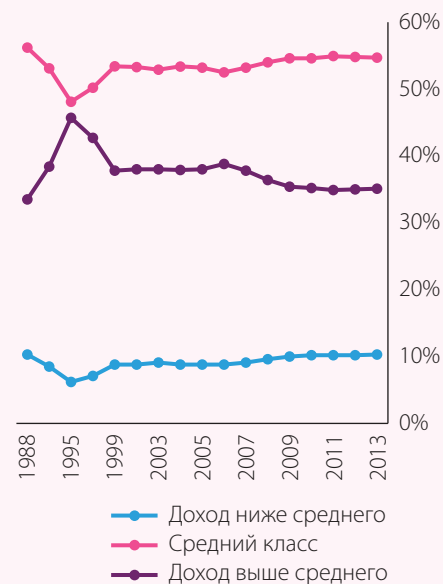

Рисунок 17. Украина

Расчеты ПРООН на основе данных POVCALNET.

Измерение неравенства доходов и других видов неравенства

соответствии с критерием Всемирного банка на уровне 1,90 долл. США в день по ППС, сократилось и составило менее 1 миллиона.) Численность населения, уязвимо к бедности, (т.е. относящегося к диапазону от 3,10 долл. США в день по ППС до 10 долл. США в день по ППС) также сократилась с около 115 миллионов в 2003 году до около 70 миллионов в 2013 году. Численность среднего класса, напротив, выросла с около 33 миллионов в 2001 году до 90 миллионов в 2013 году. Интересен то факт, что после того, как численность «состоятельных» людей (живущих на доход более 50 долл. США в день по ППС) практически сошла к нулю в период 2002-2004 годов, она затем выросла до около 32 миллионов в 2013 году, причем большинство таких людей проживали в Турции и Казахстане. Если добавить к этой цифре 25 миллионов человек, которые, по некоторым оценкам, имеют доход

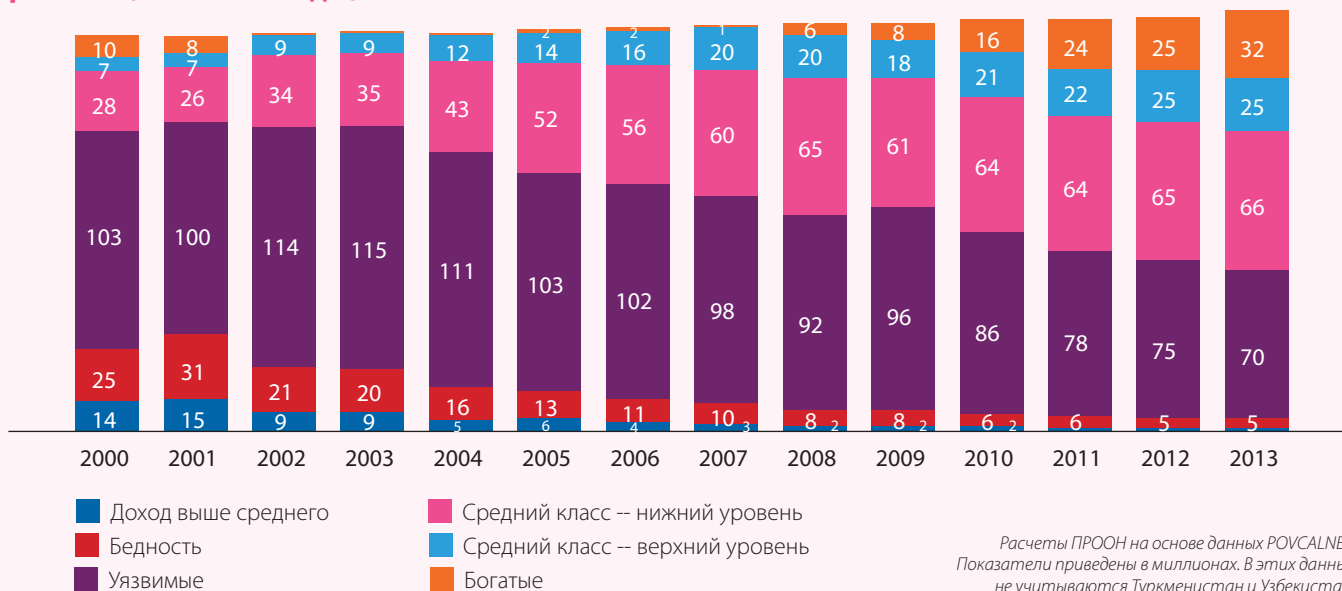
от 20 долл. США в день по ППС до 50 долл. США в день по ППС, видно, что около 60 миллионов человек в регионе достигли такого уровня жизни, который в общем соответствует определению «мирового среднего класса».

Анализ этих тенденций с учетом изменений относительного размера различных классов показывает, что в то время как более трех четвертых населения региона жило в условиях бедности или было уязвимо к бедности в период 2000-2003 годов, к 2013 году их удельный вес сократился и составил менее 40 процентов. Хотя основная часть такого повышения уровня жизни пришла на средний класс, интересно отметить, что доля населения с доходом более 50 долл. США в день по ППС выросла до 16 процентов в 2013 году (практически с нулевого уровня в 2002-2003 годах).

Таблица 5. Коэффициенты Джини для распределения богатства в регионе (2010-2015 годы)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Албания	0.68	0.654	0.657	0.656	0.668	0.658
Армения	0.668	0.644	0.639	0.639	0.668	0.628
Азербайджан	0.612	0.595	0.652	0.651	0.646	0.591
Беларусь	0.648	0.637	0.624	0.622	0.646	0.65
Биг	0.678	0.665	0.659	0.658	0.663	0.67
Грузия	0.703	0.684	0.79	0.68	0.68	0.666
Казахстан	0.658	0.863	0.838	0.867	0.873	0.874
Кыргызская Республика	0.673	0.659	0.66	0.659	0.646	0.633
БЮР Македония	0.727	0.694	0.689	0.688	0.69	0.693
Молдова	0.688	0.671	0.648	0.647	0.68	0.674
Черногория	0.652	0.669	0.635	0.634	0.657	0.658
Сербия	0.645	0.635	0.626	0.625	0.654	0.661
Таджикистан	0.669	0.657	0.638	0.638	0.629	0.624
Турция	0.704	0.844	0.842	0.837	0.843	0.821
Туркменистан	-	-	-	0.68	0.667	0.673
Украина	0.64	0.889	0.892	0.9	0.919	0.916
Африка	0.849	0.872	0.865	0.846	0.856	0.856
Азиатско-Тихоокеанский регион	0.869	0.881	0.889	0.887	0.895	0.892
Китай	0.69	0.697	0.689	0.695	0.719	0.733
Европа	0.799	0.829	0.831	0.83	0.827	0.834
Индия	0.778	0.804	0.813	0.813	0.814	0.831
Латинская Америка	0.785	0.793	0.797	0.806	0.809	0.809
Северная Америка	0.799	0.816	0.842	0.841	0.837	0.842
Все страны мира	0.881	0.893	0.902	0.905	0.911	0.915

Источник: Отчеты Credit Swiss «Global Wealth Reports» (2010-2015 годы).

Рисунок 18. Динамика абсолютной численности представителей среднего и других классов в регионе (2000-2013 годы)

В самых общих чертах эти результаты соответствуют тому, что было получено с применением описанного выше «относительного подхода» к определению среднего класса региона. Кроме того, результаты указывают на то, что средний класс региона не был уничтожен в период перехода. Однако между этими двумя подходами прослеживается существенная разница в оценке состоятельного класса. В то время как относительный подход показывает, что доля национального дохода, приходящаяся на класс с доходом выше среднего, остается практически неизменной или сокращается в большинстве стран региона, результаты абсолютного подхода указывают на быстрый рост доли этой группы в совокупном доходе, которая увеличилась практически с нуля в 2003 году до 16 процентов спустя десятилетие. Это может объяснять широко распространенную озабоченность в связи с усилением неравенства в регионе даже несмотря на то, что распределение домашних хозяйств в зависимости от получаемой ими доли совокупного дохода (измеряемое в децилях) изменилось не столь радикально.

Насколько богаты обеспеченные слои населения в регионе?

Мировое богатство неравномерно распределяется между домашними хозяйствами: число миллионеров в мире оценивается на уровне 31 миллиона, а число миллиардеров составляет более тысячи (в долларовом выражении). В одном авторитетном источнике сказано: «На долю половины населения мира с более низкими доходами в совокупности приходится менее 1 процента мирового богатства. На долю самых состоятельных 10 процентов населения, напротив, приходится 86 процентов мирового богатства, причем доля 1 процента самых состоятельных людей составляет 46 процентов мировых активов.» (Credit Suisse Global Wealth Databook, 2013).

Хотя некоторые страны региона представляют данные о распределении благосостояния, они, похоже, ограничиваются обычно данными о сберегательных счетах и некоторых личных активах. Более широкие показатели личного богатства найти сложно. Ряд выводов можно сделать на основании оценок коэффициентов Джини для распределения благосостояния в регионе и в мире по данным отчета Credit Swiss

Измерение неравенства доходов и других видов неравенства

«Global Wealth Report» (таблица 5). Во-первых, за исключением Казахстана, Турции и Украины, неравенство распределения благосостояния в регионе, в целом, оставалось неизменным или снижалось в 2010-2015 годах. Во-вторых, неравенство по показателю благосостояния в большинстве стран региона находится на уровне ниже среднемирового. Это также можно рассматривать как наследие социалистического прошлого стран региона, когда отсутствовали примеры частного владения значительными активами. (Учитывая то, что большая доля активов остается в руках государства в большей части региона, в некоторых странах такое наследие может по-прежнему иметь значение.) Хотя эти оценки и интересны, их сложно будет соотнести с широко распространенной озабоченностью в связи с концентрацией богатств и власти в некоторых странах региона в руках тех, кого иногда относят к олигархическим социально-политическим структурам.

Выводы

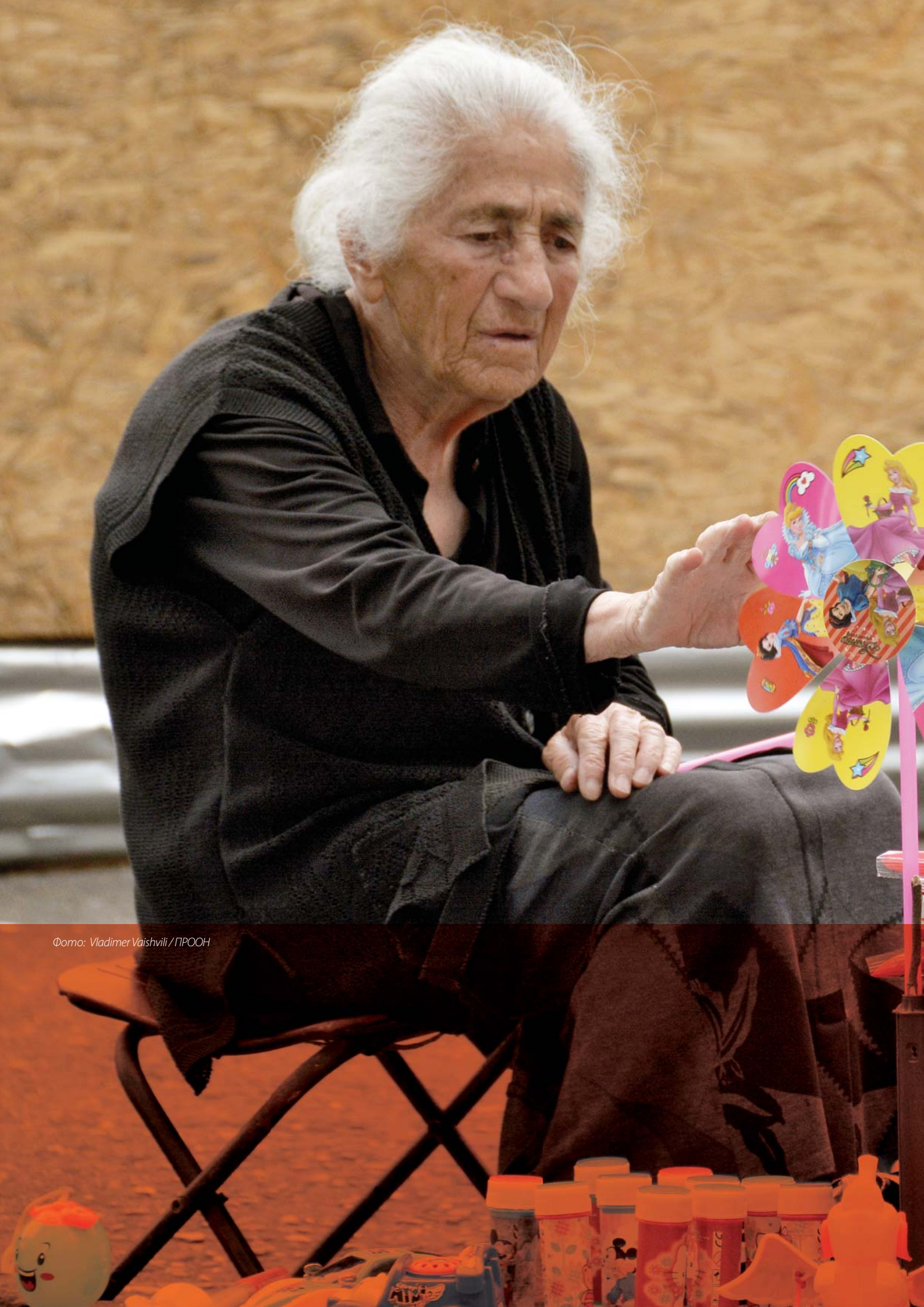
Для тех, кого беспокоят глобальные последствия усиления неравенства, картина, представленная в настоящей главе, выглядит ободряюще. За незначительным исключением, в большинстве стран с развивающейся и переходной экономикой региона Европы (включая Турцию) и Центральной Азии (за несколькими исключениями) регистрируются низкие или снижающиеся уровни неравенства доходов; международные сопоставления оценок равенства распределения благосостояния дают такие же результаты. Однако эта картина противоречит многим общепринятым интерпретациям ситуации в регионе, которые обычно указывают на значительное и усиливающееся неравенство распределения доходов, благосостояния и неравенство по другим важным аспектам человеческого развития. Эти результаты также сложно соотнести с неофициальными данными опросов общественного мнения, а также с оценками независимых экспертов.

В этой связи встает вопрос: где ошибка – в данных или в восприятии? Не вызывает сомнений то, что качество данных по неравенству доходов и распределению благосостояния в регионе не является безукоризненным. Например, общепризнанным является тот факт, что данные обследований бюджетов домашних хозяйств, на основе которых составляются показатели неравенства доходов, попадающие как в национальные, так и в международные базы данных, не включают данные о доходах как очень бедных (которые, как правило, не охвачены национальными обследованиями), так и, по крайней мере, части очень богатых. Использование обследований с опорой на информацию о потреблении, которые ложатся в основу международно сопоставимых баз данных, таких как POVCALNET, также может объяснять некоторые из этих расхождений. Такие обследования не отражают доходы, полученные, но не потраченные на потребление, что (в случае состоятельных домашних хозяйств, характеризующихся высокой склонностью к накоплению сбережений) может вести к дополнительному занижению доли

национального дохода, которую получают состоятельные домашние хозяйства. Однако данные о распределении расходов на потребление также представляются противоречивыми, особенно в связи с тем, что они подразумевают, что в регионе практически никто не тратит более 100 долл. США в день по ППС. Если применить рыночные обменные курсы, годовые расходы оказываются в пределах от 12 000 долл. США до 18 000 долл. США. Такие цифры выглядят просто неправдоподобно.

Тем не менее, не следует сходу отбрасывать эти данные. Снижение неравенства доходов во многих странах Латинской Америки убедительно подтверждается документальными доказательствами,⁵ и нет причин полагать, что другие развивающиеся регионы не могут регистрировать аналогичные тенденции. Более серьезные вопросы, возможно, заключаются в том, смогут ли те страны региона, которые продемонстрировали самый значительный прогресс в сокращении (или поддержании низкого уровня) неравенства доходов, сохранить эти достижения в свете социально-экономических вызовов, с которыми они сталкиваются в настоящее время.

⁵ См., например, публикацию: Luis et al., 2009.

Фотო: Vladimer Vaishvili / ПР00Н

Глава 2

Неравенство, занятость и
социальная защита

Основные тезисы

- **В основе связанных с неравенством вызовов, с которыми сталкивается регион, лежат неравенство и исключение на рынках труда.** Это имеет место как в части самих рынков труда, так и в связи с тем, что доступ к системе социальной защиты нередко увязан с официальным участием на рынке труда. При отсутствии хорошей работы люди сталкиваются с более высокими рисками бедности, уязвимости и отсутствия доступа к социальным услугам и системе социальной защиты. Неравенство на рынках труда также является центральной проблемой, которая нашла отражение в повестке региона по достижению Целей в области устойчивого развития при акценте на вовлечение и принципе «не оставить никого в стороне».
- **Неравенство на рынках труда имеет особенно важное значение с точки зрения возможностей формальной занятости.** Поскольку повсеместно в регионе широко распространена практика неформальной, нестабильной занятости, привлечения мигрантов и другие формы уязвимой занятости, занятость не обязательно служит защитой от бедности и социального исключения, особенно в менее богатых странах региона. Женщины, молодые работники, мигранты, длительно безработные, люди с ограниченными возможностями, цыгане и другие люди, находящиеся в неравном положении на рынке труда, особенно уязвимы к рискам бедности и исключению в более общем плане. Хотя в некоторых странах и в отношении некоторых групп населения отмечаются тенденции к улучшению ситуации, в других странах наблюдается усиление неравенства на рынках труда.
- **Многие из широко используемых показателей рынков труда дают лишь ограниченное представление о функционировании этих рынков и их взаимосвязи с неравенством.** Со всей очевидностью это прослеживается при рассмотрении двух взаимосвязанных статистических показателей «занятости» и «безработицы», а также находящихся в открытом доступе данных по рынкам труда, которые нечасто представляются в разбивке по полу, этнической принадлежности и другим критериям уязвимости. Разные статусы людей на рынке труда (неактивный, безработный, частично занятый, занятый в неформальном секторе, занятый в формальном секторе, трудовой мигрант и т.д.) представляют собой точки многомерного континуума рынка труда при частичном наложении многих из них и постоянном переходе лиц из одной категории в другую. Неравенство среди работающих может быть столь же велико или даже выше, чем неравенство между работающими и безработными.
- **Критически важны четыре направления работы, нацеленной на обеспечение официального оформления занятости:** (i) снижение фактической налоговой нагрузки на труд; (ii) укрепление институционального потенциала структур, отвечающих за регулирование рынков труда, с тем, чтобы усилить защиту прав работников в формальном секторе; (iii) отмена тех положений, регулирующих рынки труда, соблюдение которых государственные органы не в состоянии надежно обеспечить, что нередко ведет к занятости в неформальном секторе; и (iv) увеличение инвестиций в активные меры политики на рынке труда, профессиональное образование и другие меры, направленные на повышение производительности работников и расширение доступа к рабочим местам в формальном секторе (и их привлекательности).

➤ **Необходимо укреплять взаимосвязь между мерами политики на рынке труда и мерами социальной защиты.**

Хотя недостаточная согласованность мер социальной политики может вести к ослаблению стимулов для участия на рынке труда и найма работников, это не является основанием для сокращения расходов на систему социальной защиты и сужения ее охвата. Напротив, необходимо по мере возможности снижать налогообложение оплаты труда для целей финансирования социальных пособий, отдавая предпочтение другим источникам финансирования, к которым могут относиться следующие: (i) повышение налогов на виды деятельности, которые носят экологически неустойчивый характер; (ii) сокращение бюджетных субсидий, которые поступают состоятельным слоям населения или поддерживают экологически неустойчивые виды деятельности; (iii) активизация мер по сокращению незаконных финансовых потоков, а вместе с ними – и перенаправления доходов бюджета в офшоры для уклонения от налогов; и (iv) более устойчивое направление ресурсов, выделяемых на цели государственных закупок и подряда, тем компаниям (например, социальным предприятиям), которые в явной форме способствуют социальному вовлечению. Надежной платформой для решения этих проблем могут стать минимальные национальные уровни социальной защиты.

- **Система социальной защиты также связана с социальными услугами и экономикой ухода за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями.** Нарращивание инвестиций в обеспечение социальными услугами, особенно в части ухода за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями, может содействовать росту участия на рынке труда и расширению программ профессионального образования, особенно для женщин. В Турции, например, увеличение расходов

государственного бюджета на услуги социального ухода до среднего по странам ОЭСР уровня позволило бы создать около 719 000 рабочих мест в этой сфере, что более чем в 2,5 раза превышает общее количество рабочих мест, которые были бы созданы при расходовании того же объема бюджетных средств на строительные / инфраструктурные проекты. По некоторым оценкам, 84 процента работников, принятых на эти рабочие места в сфере социального ухода, работали бы на основе постоянных контрактов, обеспечивающих более значительные гарантии занятости (в отличие от 25 процентов в строительстве); 85 процентов таких работников были бы охвачены программами социального обеспечения (в отличие от 30 процентов в строительстве).

- **Во многих странах наблюдается значительная и усиливающаяся разница между юридическими гарантиями социальной защиты и фактическим доступом к социальным пособиям и услугам.** Эти недостатки можно было бы устранить за счет сбалансированного сочетания механизмов социальной защиты и занятости с более гибкими механизмами обеспечения вовлечения, которые действуют на местном уровне и больше сосредоточены на индивидуальных потребностях.
- **Многие из тех, кто оказались за пределами рынка труда, не охвачены и традиционными программами активных мер политики на рынке труда.** Это отчасти объясняется недостатками охвата уязвимых общин (например, этнических меньшинств, низкоквалифицированных работников в сельских общинах), но при этом связано также и с хронической нехваткой финансирования.

Введение

Как показано в предыдущей главе, в большинстве стран региона достигнут значимый прогресс в снижении уровней или в поддержании относительно низких уровней неравенства доходов. Однако в ней также отмечается, что эти относительно положительные результаты, возможно, отчасти являются отражением статистических искажений и, судя по всему, противоречат преобладающему мнению о присутствии значительного неравенства во многих странах. В этой связи необходимо более детально изучить характер неравенства в регионе и определяющие его факторы. В этом плане особое значение имеет рынок труда (поскольку именно он обеспечивает основную часть доходов населения в регионе) и система социальной защиты (которая призвана, среди прочего, смягчать шоки, воздействующие на трудовые доходы).

Неравенство возможностей на рынке труда выражается не только в различиях между работающими и безработными, но и в различиях между работающими. В большинстве стран региона риск бедности и исключения тех, кто занят на нестабильных, низкооплачиваемых, низкопроизводительных рабочих местах или работает в неформальном секторе, может быть таким же (а иногда даже выше), как и в случае тех, кто не имеет работы. При анализе низких показателей уровня экономической активности населения, занятости и высоких уровней безработицы (в некоторых странах) в регионе становится очевидно, что проблемы отсутствия доступа к рынку труда характерны для значительной части населения трудоспособного возраста. Такое отсутствие доступа может подрывать социальное единство общества, а также может вести к хронически низкому уровню использования значительного человеческого капитала региона.

Исключение значительной части трудовых

ресурсов не всегда находит отражение в стандартных показателях бедности или ситуации на рынках труда. Хотя такие показатели могут обеспечивать сопоставимость данных на международном уровне, они зачастую не в состоянии учесть критически важные аспекты рынка труда и социального неравенства в более общем плане. По сути, они могут стать ненадежной основой для разработки и реализации мер политики. Даже если брать занятое население, на благосостояние отдельных лиц и домашних хозяйств влияет неравенство, о чем свидетельствуют данные о «работающих бедных», о неформальной и уязвимой занятости. Многие из тех, кто относится к самым малообеспеченным группам, не могут позволить себе «не работать»; у них, возможно, не остается выбора, кроме как соглашаться на низкокачественную или неустойчивую занятость. Учитывая низкие уровни и ограниченность периода поддержки зарегистрированных безработных, многие работники, оказавшись без работы, не регистрируются для получения пособий по безработице. Они либо покидают рынок труда, либо соглашаются на низкокачественную занятость, либо присоединяются к армии трудовых мигрантов.

Количественная оценка доли работников, имеющих достойную работу, представляет собой чрезвычайно сложную задачу. Некоторые исследователи используют понятие двойных рынков труда для отражения различий между формальной и неформальной занятостью или достойной и недостойной работой. Но даже в этом случае реальность зачастую сложнее чем ее дихотомические описания с четким делением на плохое и хорошее. Например, работники бюджетного сектора могут иметь больше гарантий занятости и более широкий доступ к системе социальной защиты, однако их заработная плата может быть столь низкой, что они попадают в разряд «работающих бедных».

В неформальном секторе работники могут не иметь возможности пользоваться трудовыми правами или социальной защитой, но они могут получать доход, который достаточен для обеспечения уровня жизни этих работников и их семей выше черты бедности. Более того, даже официально занятые работники могут получать значительную часть своей заработной платы «в конвертах» неофициально (и, следовательно, без уплаты налогов).

В Докладе о человеческом развитии ПРООН за 2015 год «Труд во имя человеческого развития» говорится, что достойная работа может иметь фундаментальное значение для человеческого развития. Человеческое развитие подчеркивает значимость расширения вариантов выбора для людей во всех аспектах их жизни, включая труд. Хотя работа является средством получения дохода, обеспечения человеческого достоинства, свободы выбора и безопасности, с точки зрения человеческого развития другие виды труда (неоплачиваемый труд, социальная работа, добровольный или творческий труд) также могут способствовать росту благополучия. Не все виды труда обеспечивают человеческое развитие: работа, сопряженная с повышенной опасностью, работа в сфере секс-услуг, принудительный и детский труд могут стать причиной утраты человеческого достоинства и потенциала. Труд может вести к усилению неравенства в сфере человеческого развития, особенно если он сочетается с неравным доступом к услугам образования и здравоохранения, что, в свою очередь, может закрепить неравенство между поколениями. Трудовое неравенство сохраняется во всем мире и охватывает неравенство между оплачиваемыми и неоплачиваемыми работниками, квалифицированными и неквалифицированными кадрами, трудом и капиталом, мигрантами и гражданами стран, а также между мужчинами и женщинами.

Низкокачественная работа, дискриминация, эксплуатация и отсутствие защиты трудовых прав также могут вести к снижению потенциального положительного вклада труда в человеческое развитие.

В региональном докладе о человеческом развитии ПРООН за 2011 год «От трансформации – к обществу для всех» (UNDP, 2011c) говорится о том, что отсутствие доступа к формальным рынкам труда может быть связано со многими формами лишений, которые, в свою очередь, усиливают индивидуальные риски социального исключения. Обнаружено, что отсутствие доступа к рынку труда является главным определяющим фактором исключения из участия в экономической жизни, что, в свою очередь, усиливает исключение из участия в социальных и политических процессах.

Отсутствие равных возможностей для занятости в регионе привело к значительной внутренней и внешней миграции, причем во многих случаях эти потоки характеризуются высокой степенью нестабильности / неформальности. В то время как миграция может обеспечить рост доходов и расширение возможностей для развития мигрантов и их семей, данный процесс сопряжен и с многочисленными рисками и угрозами для безопасности. Он также может способствовать развитию новых форм неравенства, прежде всего неравенства между домашними хозяйствами, которые включают трудовых мигрантов и имеют доступ к денежным переводам, и теми домашними хозяйствами, которые этого лишены. Более того, хотя денежные переводы могут обеспечить сокращение бедности, они могут также вести и к усилению неравенства. В Молдове, например, данные обследований бюджетов домашних хозяйств указывают на то, что в период 2006-2014 годов на долю денежных переводов приходилось 14 процентов доходов домашних хозяйств, относящихся к наиболее

Неравенство, занятость и социальная защита

состоятельным 20 процентам населения, и лишь 10 процентов доходов домашних хозяйств, относящихся к наименее обеспеченным 20 процентам населения (рисунок 3 выше).

К определяющим факторам отсутствия доступа к рынку труда относятся модели интенсивного капиталоемкого и ресурсоемкого (а не трудоемкого) экономического роста, которые укоренились в значительной части региона (особенно в странах СНГ) и нередко ведут к нехватке хороших рабочих мест в формальном частном секторе за пределами добывающей отрасли. Хотя это объясняется целым рядом факторов, ключевую роль играет то, что занятость нередко считается задачей второстепенной важности, а это отражает (ошибочное) мнение, что экономический рост автоматически будет генерировать больше более качественных рабочих мест. Хотя в настоящее время присутствует широкое понимание того, что взаимосвязи между ростом ВВП и ростом числа рабочих мест не являются автоматическими, правительства некоторых стран не спешат создавать институциональные основы, необходимые для разработки и реализации всеобъемлющей национальной политики занятости. Меры, направленные на решение проблемы несоответствия квалификации работников требованиям, предъявляемым к ним на рынке труда, что во многих случаях объясняет отсутствие доступа к рынку труда (особенно для молодых работников), оказались не столь результативными.

Для стимулирования процесса преобразования экономического роста в возможности достойного трудоустройства требуются целостные подходы при участии всего государства, особенно в контексте взаимосвязи между мерами политики занятости и социальной защиты. Большинство стран региона унаследовало системы социальной защиты, которые создавались в условиях

и с учетом полной или практически полной занятости. Однако в ситуации укоренившейся незанятости предложения компенсировать отсутствие возможностей формальной занятости за счет обеспечения минимального дохода или использования социальной защиты для достижения более «революционных» результатов на рынке труда нередко сталкиваются с противодействием. Внимание обычно сосредотачивается на, возможно, чрезмерной нагрузке на бюджет и негативных стимулах для участия на рынке труда; в результате этого сформировались более ограничительные (а не расширенные) системы социальной защиты. Многие работники соглашались на неформальную занятость, попадая при этом в порочный круг и, таким образом, теряя также доступ к социальному страхованию (например, медицинскому и пенсионному страхованию), к другим льготам (например, декретный отпуск) и мерам защиты, номинально гарантированным по закону. Другие домашние хозяйства полагаются на денежные переводы и другие механизмы решения этой проблемы или просто опустились ниже черты бедности. В этой связи для более эффективной борьбы с социальным исключением необходимо усовершенствовать системы социальной защиты с учетом текущей ситуации на рынках труда. Среди прочего, это будет предполагать пересмотр традиционных подходов к финансированию социальной защиты и, в частности, поиск иных источников, помимо налогообложения оплаты труда, для расширения имеющегося фискального пространства.

Неравенство на рынках труда, человеческое развитие и Цели в области устойчивого развития

При рассмотрении проблем неравенства на рынках труда через призму человеческого развития понимание сложности этого вопроса можно сочетать с принципами ориентации на интересы человека в процессе развития. Такой подход делает выбор человека главным определяющим фактором его благосостояния; а для того, чтобы человек мог делать выбор, необходимо решить проблему неравенства возможностей на рынке труда.

В Докладе о человеческом развитии ПРООН за

2015 год «Труд во имя человеческого развития» говорится, что в то время как достойная работа может вносить положительный вклад в человеческое развитие, недостойная работа (например, принудительный труд или работа без социальной защиты) может оказаться разрушительной для человеческого развития. В региональном докладе о человеческом развитии ПРООН за 2011 год «От трансформации – к обществу для всех» отмечается, что институты относятся к ключевым определяющим факторам неравенства и социального исключения. В нем также подчеркивается, что отсутствие доступа к рынку труда может вести к формированию порочного круга социального исключения, когда люди, не имеющие возможности участвовать в формальном рынке труда, сталкиваются с ограниченностью возможностей и вариантов человеческого развития. Изменения в мире

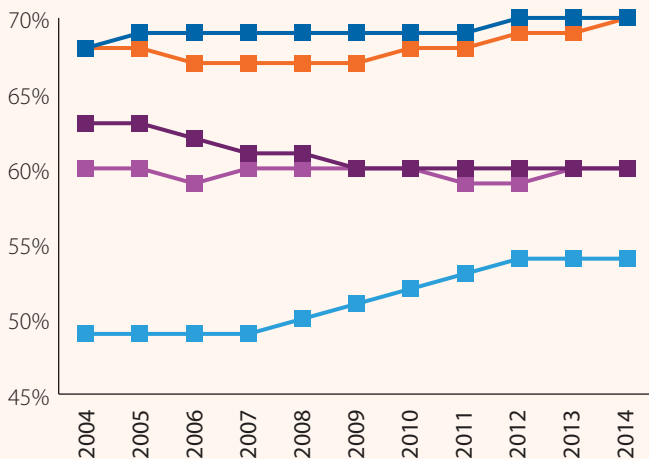
Вставка 3. Труд и Цели в области устойчивого развития

ЦУР 8 «Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех» подходит к решению проблемы неравенства на рынках труда с нескольких сторон.

- Она призывает применить принцип «не оставить никого в стороне» к рынку труда, особенно с точки зрения равного охвата женщин и мужчин, молодежи и лиц с ограниченными возможностями;
- Она подчеркивает значимость прав работников и безопасности условий труда. Кроме того, она призывает к ликвидации видов труда, которые непосредственно оказывают негативное воздействие на человеческое развитие, таких как принудительный и детский труд;
- Она призывает к формулировке экономической и социальной политики, которая стимулирует рост числа достойных рабочих мест при одновременном обеспечении экологической устойчивости. Это предполагает замену разрушающую среду труда на устойчивые альтернативные варианты занятости (например, рекультивация или устойчивый туризм) и продвижение эффективного использования ресурсов.

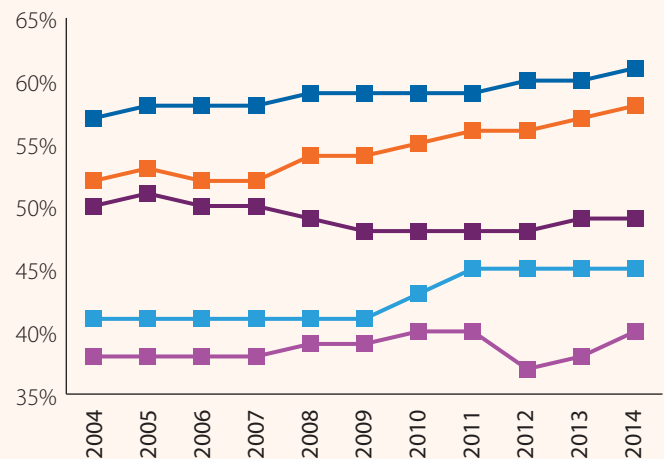

Эти вопросы также явно прослеживаются в задачах, сформулированных в других Целях в области устойчивого развития. Проблемы качества занятости отражены в задаче 1.3, которая нацелена на внедрение на национальном уровне соответствующих систем социальной защиты (что также затрагивается и в задаче 10.4). Аспект, связанный с вовлечением, включен в ЦУР 10, где акцент делается на сокращении неравенства и поощрении активного участия всех людей в социальной, экономической и политической жизни. Достижение ЦУР 8 также должно сопровождаться реализацией задач в рамках ЦУР 12 (устойчивое потребление и производство).

Рисунок 19. Показатели уровня экономической активности населения, по субрегионам (2004-2014 годы)

Невзвешенные средние показатели доли населения трудоспособного возраста (в возрасте 15 лет и старше), входящего в состав трудовых ресурсов. Расчеты ПРООН на основе данных публикации МОТ: ILO <<Key Labour Market Indicators>> 9th ed., таблица 1а.

■ Центральная Азия
■ Южный Кавказ
■ Западные страны СНГ
■ Западные Балканы
■ Турция

Рисунок 20. Уровни занятости, по субрегионам (2004-2014 годы)

Невзвешенные средние показатели доли занятого населения трудоспособного возраста (в возрасте 15 лет и старше). Расчеты ПРООН на основе данных публикации МОТ: ILO <<Key Labour Market Indicators>> 9th ed., таблица 2а.

■ Центральная Азия
■ Южный Кавказ
■ Западные страны СНГ
■ Западные Балканы
■ Турция

труда, глобализация отдельных рынков и рост доли нестандартной занятости (например, краткосрочная занятость на основе нерегулярных контрактов) усиливают проблемы обеспечения положительного вклада труда в человеческое развитие.⁶ Подходы, ориентированные на интересы людей, могут помочь обеспечить такой положительный вклад труда в человеческое развитие, снять негативные последствия экономических и деловых циклов и усилить устойчивость к воздействию структурных кризисов.

Концепция человеческого развития также явно прослеживается в Целях в области устойчивого развития, где акцент делается на результатах на рынке труда, которые могут содействовать экономической и экологической (а также социальной) устойчивости (вставка 3). Цель состоит в том, чтобы обеспечить не просто экономический рост, а такой экономический рост, который ведет к созданию рабочих мест, которые, в свою очередь, должны: (i) оказывать благоприятное воздействие на человеческое развитие; и (ii) не наносить непоправимый ущерб окружающей среде (тем самым, создавая угрозу для рабочих мест для будущих

поколений). Эти проблемы и подход с позиций устойчивости нашли отражение в глобальной Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, которая была согласована всеми странами-членами Организации Объединенных Наций в 2015 году.

Результаты на рынке труда: общие тенденции

На практике сложно разделить неравенство с точки зрения уровней экономической активности населения и возможностей занятости. В некоторой части региона это находит отражение в виде высоких уровней безработицы; в других странах это проявляется в форме низких уровней участия на рынке труда и занятости. Однако в случае всех стран для определения действительной картины эффективности рынка труда и его взаимосвязей с неравенством в более общем плане требуется уделить особое внимание неформальной, уязвимой занятости и труду мигрантов, в также лежащим в основе этих явлений причинам.

В разных странах региона наблюдаются разные результаты на рынке труда, что становится

⁶ UNDP 2015, Доклад о человеческом развитии 2015: Работа во имя человеческого развития

Неравенство, занятость и социальная защита

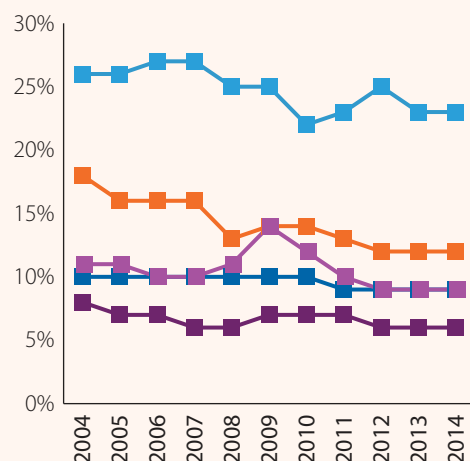
очевидным при анализе национальных показателей уровня экономической активности населения, которые варьируются от практически 80 процентов в Казахстане до менее 50 процентов в Молдове (для взрослого населения, рисунок 19). В то время как в западных странах СНГ показатели участия на рынке труда снижались, в странах Центральной Азии и Южного Кавказа они находились на высоком уровне и росли, что также присутствовало и в Турции (хотя показатели были на значительно более низком уровне). По уровню занятости в регионе наблюдаются практически сходные тенденции (рисунок 20). Если брать страны Центральной Азии и Южного Кавказа, показатели уровня занятости были высоки и росли, причем в целом был восстановлен их уровень, который наблюдался до переходного этапа. В странах Западных Балкан, напротив, лишь около трети населения трудоспособного возраста относится к формально занятым.

Мировой финансовый кризис 2008-2009 годов оказал явное влияние на тенденции в сфере занятости в странах Западных Балкан, западных странах СНГ и в Турции, где уровень

занятости по-прежнему значительно ниже регистрируемой в странах Южного Кавказа и Центральной Азии. Низкие уровни занятости в странах Западных Балкан также отражают показатели уровня безработицы, которые зачастую намного превышают 20 процентов и являются одними из самых высоких в мире (по странам, не находящимся в состоянии конфликта). Национальные уровни безработицы, регистрируемые в Боснии и Герцеговине, Косово и Бывшей Югославской Республике Македония, нередко превышают 30 процентов. Как показано на рисунке 21, их показатели намного выше уровней безработицы, регистрируемых в большинстве остальных стран региона.

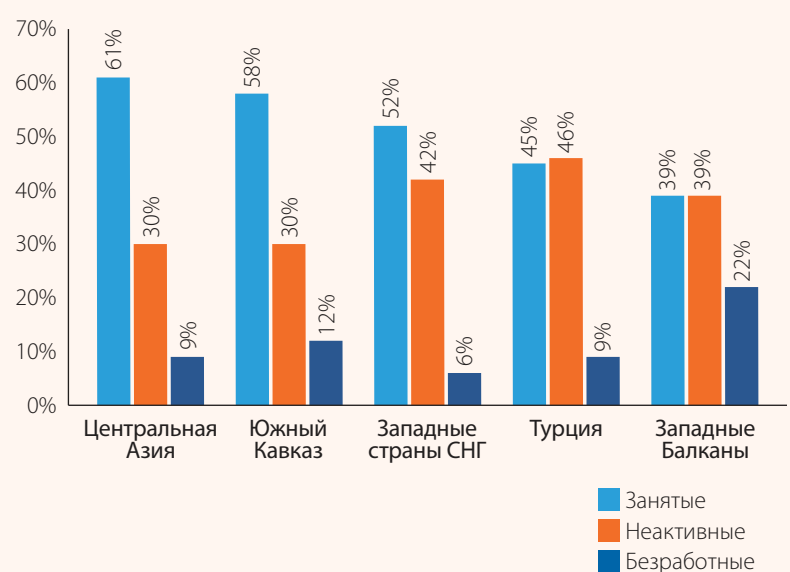
В целом, эти данные подчеркивают значительные различия в эффективности рынков труда внутри региона (рисунок 22). С одной стороны, в странах Центральной Азии и Южного Кавказа отмечаются высокие уровни экономической активности населения и занятости и, соответственно, низкие уровни безработицы. В противоположной части спектра находятся страны Юго-Восточной Европы, где регистрируются чрезвычайно

Рисунок 21. Уровни безработицы, по субрегионам (2004-2014 годы)

Незвешенные средние показатели доли работников, которые безуспешно пытаются трудоустроиться. Расчеты ПРООН на основе данных публикации МОТ: ILO <<Key Labour Market Indicators>> 9th ed., таблица 9а. Данные приведены для лиц в возрасте 15 лет и старше.

Рисунок 22. Распределение трудовых ресурсов, по субрегионам (2014 год)

Расчеты ПРООН (незвешенные средние показатели) на основе данных публикации МОТ: ILO <<Key Labour Market Indicators>> 9th ed., таблица 2а.

Вставка 4. Определения: Стандартные показатели рынка труда⁷

Уровень занятости – отношение численности занятого в экономике населения к общей численности населения. Это может предполагать работу по найму или самозанятость. Эти данные, как правило, берутся из результатов обследований рабочей силы, где респондентам задается вопрос о том, выполняли ли они работу в определенный отчетный период (как правило, это одна неделя). Для того чтобы отнести респондента к группе занятых, обычно достаточно, чтобы он занимался любой трудовой деятельностью вне зависимости от количества отработанных часов или полученной заработной платы.

Уровень экономической активности населения – отношение численности экономически активного населения к общей численности населения трудоспособного возраста. В этом контексте экономическая активность подразумевает любое участие на рынке труда лиц определенной возрастной группы, будь то в форме занятости или в форме намерений (т.е. в форме поиска работы: безработные, которые активно занимаются поиском работы). Общую численность **экономически активного населения** также называют трудовыми ресурсами. В то же время долю населения, которое не участвует на рынке труда, часто называют **экономически неактивным**.

Уровень безработицы: для получения статуса безработного человек должен не иметь работы, быть готов работать и активно заниматься поиском работы в отчетный период. Уровни безработицы обычно рассчитываются как отношение численности экономически активного населения, классифицированного как безработные, к общей численности экономически активного населения. Однако статус безработного нередко увязывается с правом на получение пособий, а некоторые страны применяют более жесткие критерии в связи с тем, что использование стандартного определения для установления права на пособия создает нагрузку на бюджет.

Длительная безработица – это состояние безработицы, непрерывно длящееся на протяжении длительного периода времени, обычно более одного года. Как правило, данный показатель выражается в процентах от общей численности безработных.

Уровень незанятости – отношение суммы численности безработных и экономически неактивного населения, т.е. незанятого населения трудоспособного возраста, к численности населения трудоспособного возраста. Хотя данный показатель обычно не используется в качестве стандартного, он может дать полезную информацию о ситуации на рынках труда, особенно в случае, когда применение ограничительных критериев для статуса безработного не позволяет отнести к безработным некоторых работников, несмотря на то, что они активно ищут работу.

низкие уровни занятости, что объясняется как высокой безработицей, так и низким уровнем экономической активности населения. Неактивность на рынке труда особенно явно выражена и в Турции, а также и в западных странах СНГ, где данное явление соотносится с относительно низким уровнем безработицы. Однако следует отметить, что с 2014 года тенденции на рынках труда приобрели значительно более негативный характер во многих странах СНГ, что было вызвано низкими ценами на сырьевые товары, падением денежных переводов и замедлением

экономической активности на ключевых экспортных рынках.

В целом, стандартные показатели рынка труда указывают на присутствие вызывающих беспокойство диспропорций в результатах на рынке труда, что, в свою очередь, предполагает существование значительного неравенства возможностей для занятости. Эти показатели также отражают существенные различия результатов на рынке труда внутри региона, причем показатели по странам Юго-Восточной Европы вызывают наибольшие опасения. Однако, как говорится ниже, стандартные

⁷ Источник: определения стандартных показателей рынка труда по МОТ.

Неравенство, занятость и социальная защита

показатели могут не в полной мере отражать диспропорции на рынках труда в регионе, что преимущественно связано с тем, что они не учитывают качество занятости. В странах Центральной Азии могут наблюдаться более высокие уровни участия на рынке труда и более низкие уровни безработицы в сравнении со странами Юго-Восточной Европы, но мало кто возьмется отстаивать мнение, что в странах Центральной Азии качество занятости выше или что уровень уязвимости ниже.

Ограниченность стандартных показателей занятости

Описанные выше стандартные показатели рынка труда (уровни экономической активности населения, занятости и безработицы, см. вставку 4) в силу ряда причин не в состоянии сами по себе в полной мере отразить неравенство на рынке труда в регионе. Прежде всего, показатели занятости отражают долю населения трудоспособного возраста, которое

занято производительной деятельностью вне зависимости от того, соотносится ли эта деятельность с полной, регулярной, формальной и достойной занятостью. Данный показатель не позволяет провести различие между теми, кто работает «нормальное» или стандартное количество часов на основе стандартных контрактов, и теми, кто трудится по укороченному или нестабильному рабочему графику. Он также не позволяет увидеть, связана ли деятельность с работой в формальном или неформальном секторе и, следовательно, обеспечивается ли для рассматриваемых работников защита их прав, безопасные условия труда и социальное страхование. Таким образом, данный показатель не отражает качество занятости различных групп рабочей силы и степень распространения неполной занятости или низкокачественного, низкооплачиваемого труда.⁸ Человек, который трудится 40 часов в неделю и является работником предприятия в формальном секторе, будет относиться к занятым так же, как и человек, выполняющие временную работу 1-2 часа в день, или самозанятый фермер, работающие неформально на небольшом участке земли. Например:

Вставка 5. Оценка качества занятости

Нестабильная занятость не обеспечивает защиту прав, которая ассоциируется с достойной постоянной работой, хотя на практике она эквивалента такой работе.

Неформальная занятость делится на следующие две основные категории: работа на неформальных (незарегистрированных) предприятиях; и оплачиваемая работа в формальном секторе (на зарегистрированных предприятиях), но на неформальной основе («черная зарплата» без предоставления базовых льгот, соблюдения прав работников или оформления письменного контракта). В то время как первая категория чаще встречается в сельских регионах (где значима занятость на сельскохозяйственных работах), вторая категория чаще присутствует в городских регионах.

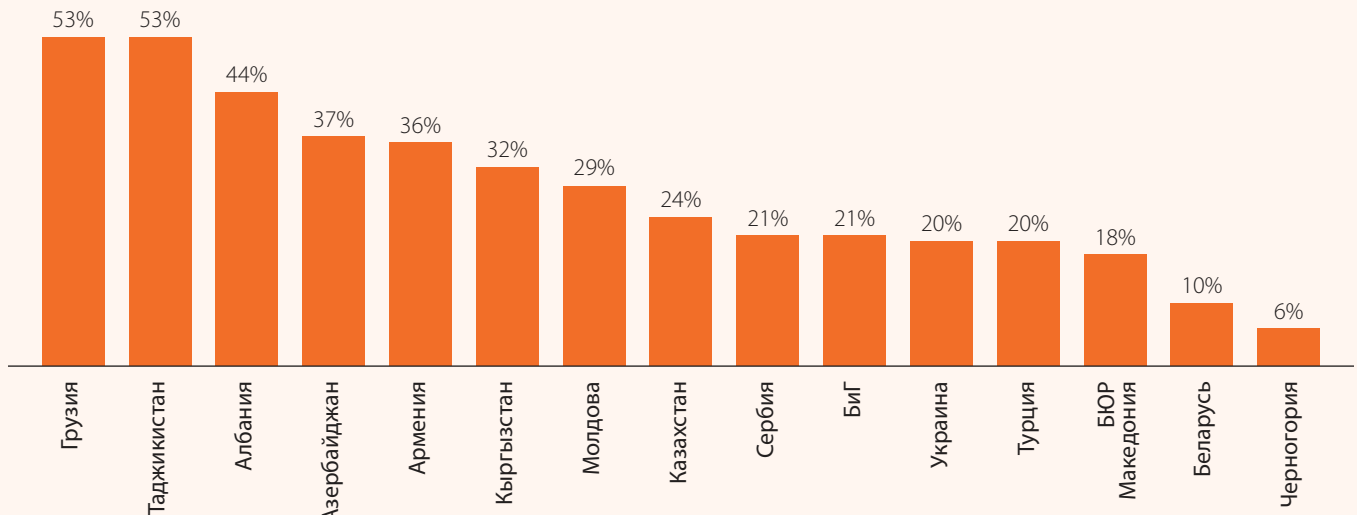
Уязвимая занятость определяется МОТ как общее число (неоплачиваемых) членов семьи, помогающих вести бизнес, и самостоятельно выполняющих работу (самозанятых) работников. В случае таких групп ниже вероятность их формальной занятости и, следовательно, они зачастую не обеспечены достойными условиями труда и защитой или адекватной оплатой труда.

Скрытая безработица означает выполнение определенных видов (низкоквалифицированных, сезонных) работ в целях выживания при отсутствии достойной занятости и адекватной поддержки безработных. В регионе часто встречаются такие примеры скрытой безработицы, как работа в низкопроизводительном нетоварном сельскохозяйственном производстве и в неформальной торговле.

Эти категории не являются взаимоисключающими. Определенный работник может, например, относиться к категории и неформальной, и уязвимой занятости.

⁸ См. стандартное определение по МОТ. Это определение используется для расчета показателей занятости на основе данных обследований рабочей силы.

Рисунок 23. Доля занятости в сельском хозяйстве в общей занятости (2014 или последний год, по которому имеются данные)

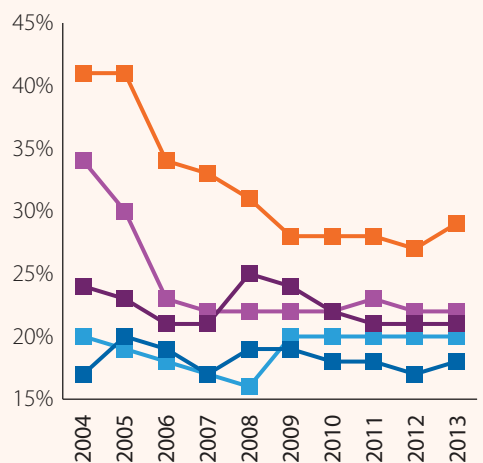

Источник: ILO, <<Key Labour Market Indicators>>, 9th ed., таблица 4а

- В то время как в Казахстане традиционно отмечаются самые высокие уровни занятости в регионе, практически треть лиц, которые классифицируются как занятые, являются самозанятыми, причем большинство из них занимаются мелкомасштабной низкопроизводительной сельскохозяйственной деятельностью (Kazakhstan State Statistical Committee, 2015);
- В то время как Азербайджан ненамного отстает от Казахстана по официальным показателям уровня занятости, 37 процентов рабочей силы (или 44 процента женской рабочей силы) занято в сельском хозяйстве, на долю которого приходится лишь немногим более 5 процентов ВВП (Lubyova, 2013; World Bank, 2015a). Эти диспропорции ведут к формированию низких уровней производительности труда и доходов в сельском хозяйстве;
- В Кыргызстане и Таджикистане отмечаются не только высокие показатели участия на рынке труда, но и самые высокие показатели доли работающих бедных, трудовых мигрантов и уязвимой занятости в регионе, что подчеркивает остроту проблем качества и количества возможностей для занятости.

Во-вторых, уровень безработицы принято рассматривать как показатель отсутствия возможностей для занятости, т.е. как долю

Рисунок 24. Тенденции изменения доли занятости в сельском хозяйстве в общей занятости (2004-2013 годы)

Расчеты ПРООН на основе данных МОТ: ILO, <<Key Labour Market Indicators>>, 9th ed., таблица 4а.

— БЮР Македония
— Молдова
— Сербия
— Турция
— Украина

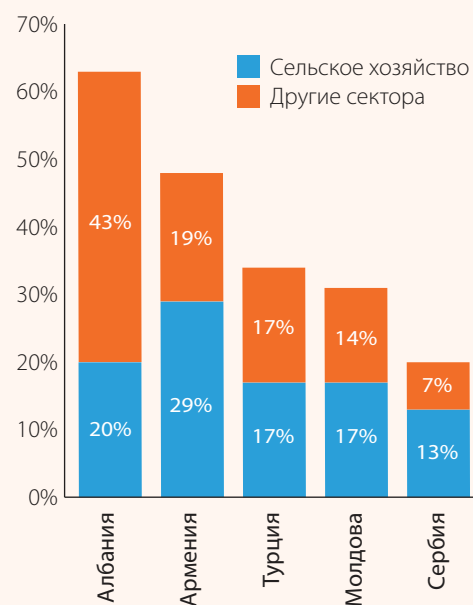
населения, которая не имеет работы, но «активно» ищет работу. Это определение проблематично, особенно в тех странах, где наблюдаются низкие уровни экономической

Неравенство, занятость и социальная защита

активности населения. Как отмечает один аналитик: «большинство “потенциально” безработных либо не занимаются “активным” поиском работы, попадая в категорию “отчаявшихся работников”, либо ищут возможности зарабатывать на жизнь в переполненной неформальной части экономики, что нередко описывается как “скрытая безработица»» (Ghai, 2003). Различия в критериях для определения права на выплаты в рамках страхования по безработице (и длительность их получения) также могут влиять на заинтересованность людей регистрироваться в качестве безработных или заниматься поиском работы. В некоторых странах региона пособия получают менее одного процента безработных (ILO, 2014/15). С этой точки зрения сложно оправдать использование уровня безработицы в качестве показателя, охватывающего тех, кто пострадал из-за отсутствия возможностей для занятости.

И, наконец, оценки результатов на рынке труда в регионе иногда носят смешанный характер в связи с проблемой качества данных, которые используются при расчете представляемых показателей. Разница в официальных показателях уровня безработицы иногда отражает разные подходы к методике сбора исходных данных (например, обследования рабочей силы или данные о зарегистрированных безработных, предоставляемые службами занятости, или

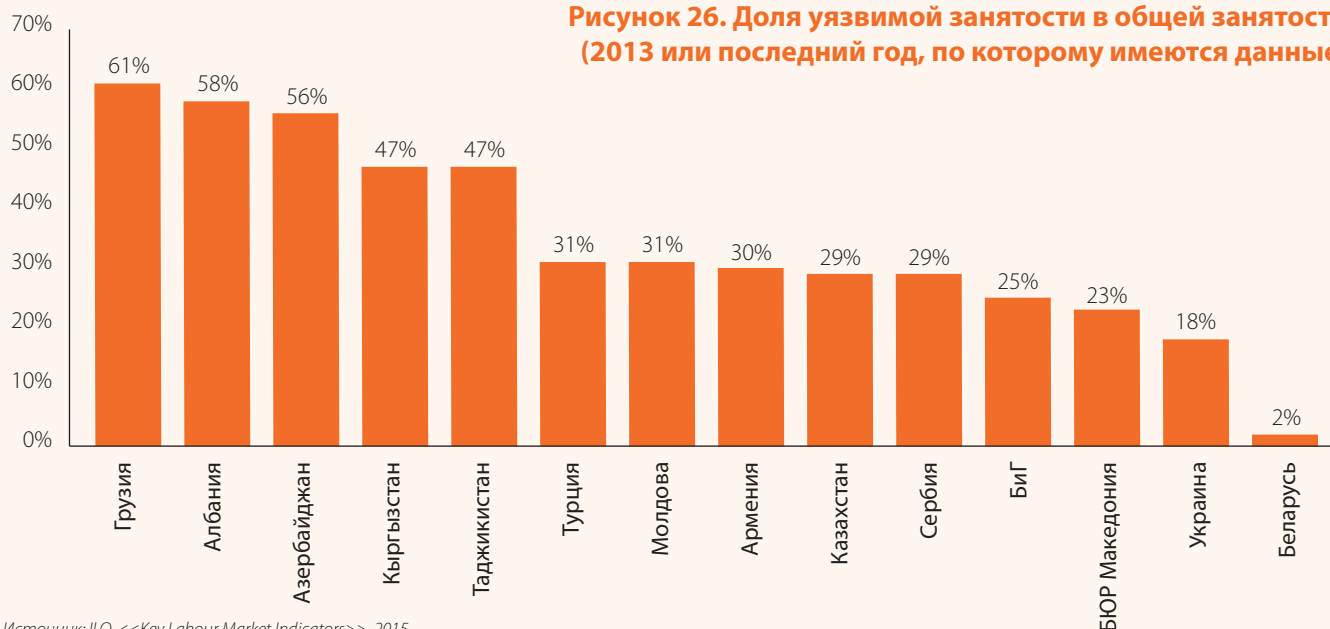
Рисунок 25. Доля неформальной занятости в общей занятости (2013 год)

Расчеты ПРООН на основе данных МОТ: ILO, <<Key Labour Market Indicators>>, 8th ed., таблица 8.

данные о приеме на работу и увольнении, представляемые нанимателями). Под влиянием больших круговых и нерегулярных миграционных потоков в регионе формируется тенденция к занижению регистрируемых

Рисунок 26. Доля уязвимой занятости в общей занятости (2013 или последний год, по которому имеются данные)

Источник: ILO, <<Key Labour Market Indicators>>, 2015.

Косово: Национальный уровень безработицы часто превышает 30 процентов. Профессионально-технические навыки и поддержка открытия мелкого бизнеса оказались жизненно необходимы. Фото: Arben Llapashtica / ПРООН

уровней экономической активности населения в странах происхождения, поскольку мигранты, занятые за рубежом, могут включаться в численность населения страны (в соответствии с национальными данными переписи населения), но не учитываются в рамках обследований рабочей силы в качестве участников рынка труда или занятых. Хотя эта проблема не уникальна для рассматриваемого региона, такие пробелы дополнительно осложняют задачу интерпретации данных по рынкам труда в регионе.

Мероприятия по повышению качества статистики рынков труда критически важны для выработки более эффективных мер политики. В равной степени важны и шаги, нацеленные на повышение периодичности публикации данных о занятости и миграционных потоках с разбивкой по социально-экономическим критериям уязвимости (пол, возраст, проживание в городском или сельском регионе, влияние конфликтов). Также необходимо выработать инновационные подходы к сочетанию количественных и качественных данных при сборе и анализе информации, что позволит получить более глубокое представление о неравенстве среди занятых и

препятствиях, с которыми сталкиваются лица, не участвующие на рынке труда.

Качество занятости и социально ущемленные работники

Хотя МОТ определены десять различных аспектов, позволяющих оценить работу как «достойную» (ILO, 2012), все они соотносятся с: (1) продуктивной работой, обеспечивающей справедливый доход; (2) безопасностью рабочего места; и (3) доступом к системе социальной защиты для работников и их семей. Недостойная работа не соответствует некоторым или всем этим критериям (см. вставку 5).

Хотя неформальную занятость в силу самой ее природы сложно определить количественно, многие показатели указывают на то, что большое число работников в регионе заняты на разного рода неформальных работах. Неформальная занятость может негативно влиять на человеческое развитие по ряду направлений. Работники неформального сектора, как правило,

Вставка 6. Трудовая миграция и денежные переводы в Таджикистане⁹

Трудовая миграция представляет собой важную характеристику рынка труда Таджикистана, где примерно в каждой четвертой семье есть хотя бы один член семьи, работающий за рубежом. Наиболее важной движущей силой при этом выступает отсутствие возможностей на рынке труда. В Таджикистане отмечается самый высокий показатель доли работающих бедных в регионе, а также самые низкие уровни производительности труда, что большей частью объясняется высокой долей чаще всего неформальной занятости в нетоварном сельскохозяйственном производстве. В Таджикистане трудовая миграция стала альтернативой неформальной занятости в родной стране, особенно в сельскохозяйственном секторе (Abduloev et al. 2011a).

Подавляющее большинство таджикских мигрантов проживают в России, что указывает на наличие тесных взаимосвязей между рынками труда и экономиками Таджикистана и Российской Федерации. До 2015 года денежные переводы составляли около 50 процентов ВВП, причем в некоторых исследованиях отмечается, что на их долю приходилось свыше половины доходов примерно двух третьих домашних хозяйств Таджикистана (ILO, 2010). Таким образом, денежные переводы являются вторым по важности источником дохода (после заработной платы) для всего общества (World Bank, 2015b).

Эта ситуация ведет к формированию ряда источников уязвимости. Прежде всего, с 2014 года в связи с ухудшением тенденций в российской экономике и недавними изменениями в законодательстве, направленными на ужесточение контроля за экономической миграцией, потоки трудовой миграции в Россию оказались под угрозой. Это объясняет резкое сокращение денежных переводов в 2015 году. В результате этого усиливается нестабильность занятости для мигрантов. Более того, учитывая значимость денежных переводов для получающих их семей, эта ситуация может привести к формированию неравенства между домашними хозяйствами, получающими денежные переводы, и теми из них, которые лишены этого источника доходов (Peterski et al., 2013).

не в полной мере обеспечены защитой по закону и, следовательно, могут оказаться в ситуации правовой неопределенности и уязвимости. В их случае также мала вероятность уплаты отчислений в системы социального страхования, в связи с чем они, возможно, не смогут получать пенсии по возрасту, пособия по безработице или пользоваться услугами здравоохранения. В результате этого во многих странах уязвимость к бедности работников неформального сектора выше.

С другой стороны, в некоторых ситуациях неформальная работа может обеспечить более высокий уровень доходов, чем формальное участие на рынке труда. Можно привести широкий диапазон таких примеров: от молодых работников в сфере информационных технологий, которые могут находить работу онлайн, до трудовых мигрантов, чей правовой статус в принимающей стране не позволяет им получить оплачиваемую работу в формальном секторе. Занятость в формальном секторе также не всегда является «достойной» и может быть

связана с низкой заработной платой и высокими рисками бедности. Например, хотя работники бюджетного сектора в Казахстане могут работать на основе постоянных контрактов и пользоваться системой социальной защиты, данные по результатам обследования бюджетов домашних хозяйств 2009 года показали, что до 50 процентов малообеспеченных в некоторых регионах страны являлись членами домашних хозяйств, во главе которых стояли работники бюджетного сектора (Asian Development Bank/UNDP (2012), с. 19). В целом, наиболее актуальные данные МОТ указывают на то, что в большей части региона значительное число тех, кто находится ниже черты бедности в международном определении, являются членами домашних хозяйств, в которых хотя бы один из их членов работает по найму.

Неформальная занятость в регионе, похоже, особенно широко распространена в сельском хозяйстве, на долю которого во многих странах приходится более трети общей занятости (рисунок 23). В Украине, например,

⁹ На основе данных исследования, представленных в публикации: UNDP, *Labour Migration, Remittances, and Human Development in Central Asia* (2015).

по некоторым оценкам, сельское хозяйство обеспечивало две трети неформальной занятости (ILO, 2013). Это нередко представляет собой сезонную, низкопродуктивную самозанятость на небольших участках земли. Доходы от такой работы весьма нестабильны в связи с плохим урожаем или колебаниями закупочных цен. В этой связи занятость в сельском хозяйстве нередко подпадает под критерии недостойной работы: она обеспечивает низкий и нестабильный доход и предполагает недостаточный охват мерами социальной защиты. Более того, на протяжении многих лет отмечалось снижение доли занятости в сельском хозяйстве в общей занятости, однако начиная с 2008-2009 годов в ряде стран этот показатель стабилизировался или даже вырос (рисунок 24). Это подчеркивает степень, в которой нетоварное сельскохозяйственное производство по-прежнему служит «предохранительным клапаном» для уязвимых работников, которые не имеют возможностей для более достойного трудоустройства.

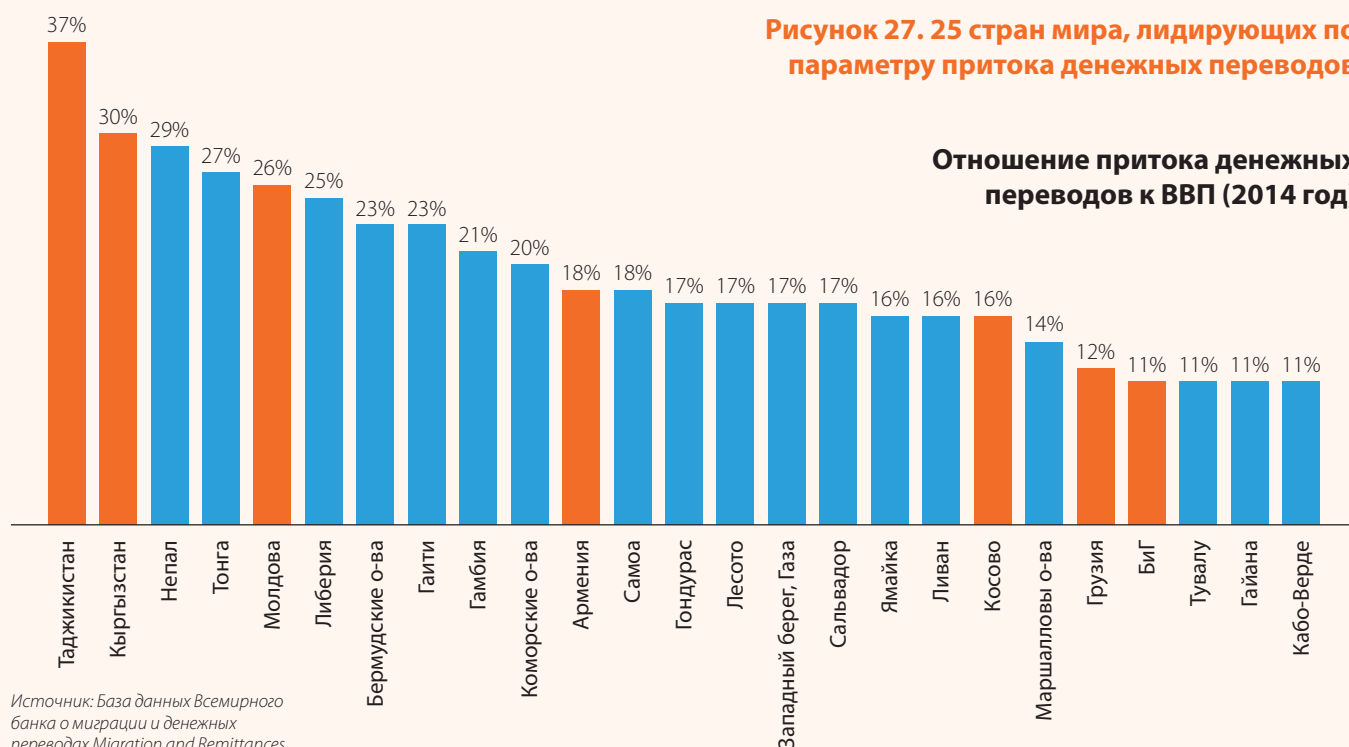
Сельское хозяйство не является единственным сектором, в котором значительное число работников трудятся на условиях неформальной занятости. На рисунке 25 представлены данные,

которые показывают, что в ряде стран региона на долю промышленности и сферы услуг также приходится значительные доли неформальной занятости. Другие виды труда также могут классифицироваться как недостойная или «уязвимая» занятость, которая определяется МОТ как «работники, занятые в качестве неоплачиваемых членов семьи, помогающих вести бизнес, и самозанятые работники». Как видно на рисунке 26, масштабы уязвимой занятости в регионе могут превосходить масштабы неформальной занятости. Кроме того, приведенные на этом рисунке данные указывают на то, что хотя работники могут испытывать больше сложностей с поиском работы в странах Западных Балкан по сравнению с другими частями региона, в случае их трудоустройства вероятность занятости на достойной работе выше.

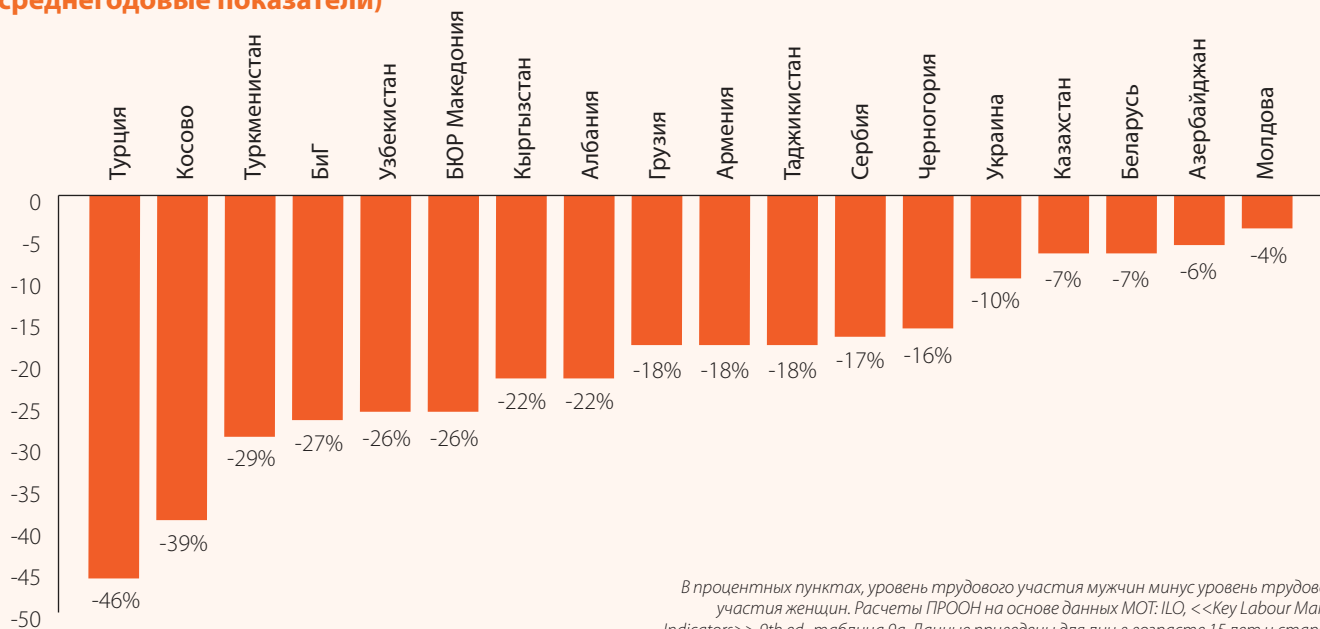
Опросы общественного мнения, которые проводятся для сбора данных о личном восприятии статуса занятости, могут также служить источником информации о качестве и нестабильности занятости. Например, данные, полученные в рамках программы «Кавказский барометр» за 2013 год, указывают на то, что число людей, которые сообщают, что имеют работу, меньше, чем можно предположить,

Рисунок 27. 25 стран мира, лидирующих по параметру притока денежных переводов

Отношение притока денежных переводов к ВВП (2014 год)

Источник: База данных Всемирного банка о миграции и денежных переводах Migration and Remittances.

Рисунок 28. Разница в показателях трудового участия мужчин и женщин (2004-2014 годы, среднегодовые показатели)

исходя из показателей уровня занятости, составляемых на основе данных обследований рабочей силы. В Армении эти показатели составили 44 процента (программа «Кавказский барометр») и 53 процента (обследование рабочей силы); в Азербайджане – 41 процент (программа «Кавказский барометр») и 63 процента (обследование рабочей силы); в Грузии – 40 процентов (программа «Кавказский барометр») и 56 процентов (обследование рабочей силы). Подобные расхождения подкрепляют позиции тех, кто считает, что неформальная занятость в сельском хозяйстве нередко воспринимается скорее как механизм адаптации, а не форма занятости.

Результаты подобного обследования в странах Западных Балкан позволили выявить некоторые (хотя и меньшие) расхождения между официальными показателями уровня занятости и данными самоотчетов (Regional Cooperation Council, 2015). Многие респонденты также отмечали высокие уровни неопределенности относительно их занятости в будущем. Около четверти респондентов (50 процентов в Албании) не были уверены, что смогут сохранить работу в предстоящие 12 месяцев, а при увеличении временного горизонта до двух лет доля респондентов, не уверенных в том, что у них будет работа, возросла до 60-70 процентов.

Это позволяет сделать вывод, что категории занятости, неформальной занятости, безработицы, отчаявшихся работников и экономической неактивности следует рассматривать как точки непрерывного континуума, а не как обособленные категории. Между этими категориями может наблюдаться значительный переток, а границы между ними могут быть весьма подвижны. Тем не менее, не вызывает сомнений тот факт, что значительная доля трудовых ресурсов в регионе занята в сфере неформальной, нестабильной и уязвимой занятости.

Трудовые мигранты

Трудовая миграция и генерируемые в результате этого потоки денежных переводов представляют собой широко распространенные меры реагирования на неравенство доступа к возможностям на рынке труда. Это особенно четко прослеживается в рассматриваемом регионе, где, по данным Всемирного банка, расположены три (Таджикистан, Кыргызская Республика и Молдова) из пяти и семь (Армения, Косово, Грузия, Босния и Герцеговина) из 25 стран мира, лидирующих по параметру притока денежных переводов (что измеряется как отношение притока денежных переводов к ВВП, см. рисунок 27). Кроме того, Албания, Черногория и Узбекистан обычно также

попадают в группу 35 таких стран. Миграция варьируется по своему характеру (регулярная, нерегулярная), по природе (сезонная, круговая, постоянная) и по параметру пересечения границ (внутренняя и внешняя миграция).

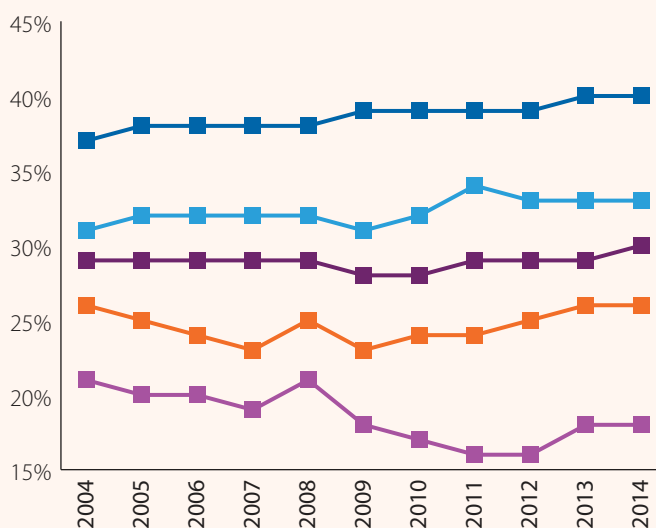
Судя по всему, внутренняя миграция относительно невелика в сравнении с потоками внешней миграции. Например, в Казахстане лишь около 12 процентов трудовых мигрантов, работающих в качестве домашней прислуги, являются внутренними мигрантами. Однако в Узбекистане внешняя и внутренняя миграция, похоже, имеет более сопоставимые масштабы. Тем не менее, для многих из уязвимых домашних хозяйств региона, особенно в сельских регионах, внешняя миграция стала главной стратегией адаптации в условиях отсутствия возможностей для достойной занятости. Денежные переводы также стали альтернативой систем социальной защиты для семей мигрантов (IOM, 2015).

Миграция и денежные переводы приобрели особую значимость в странах Центральной Азии: по состоянию на середину 2015 года граждане Казахстана, Таджикистана и Узбекистана составляли около трети иностранцев, зарегистрированных

Федеральной миграционной службой России (несмотря на отсутствие общих границ), и практически три четверти иностранцев, зарегистрированных в Казахстане (UNDP, 2015c). В то время как Российская Федерация является главным направлением для трудовых мигрантов из стран Кавказа и Центральной Азии, страны ЕС стали основным целевым направлением для мигрантов из Западных Балкан: ежегодно страны ЕС выдают гражданам стран Западных Балкан свыше 100 000 временных видов на жительство. Потоки мигрантов из Украины и Молдовы распределяются более равномерно.

Такие потоки миграции и денежных переводов явно могут содействовать сокращению бедности. К примеру, данные обследований бюджетов домашних хозяйств в Кыргызстане свидетельствуют о том, что денежные переводы ежегодно обеспечивают сокращение числа людей, находящихся ниже черты бедности в национальном определении, на 250 000-300 000. В Молдове, как показало недавнее исследование, значимость денежных переводов с точки зрения сокращения бедности гораздо выше, чем значимость трансфертов в рамках системы социальной защиты (Молдова, Министерство экономики, 2015): денежные

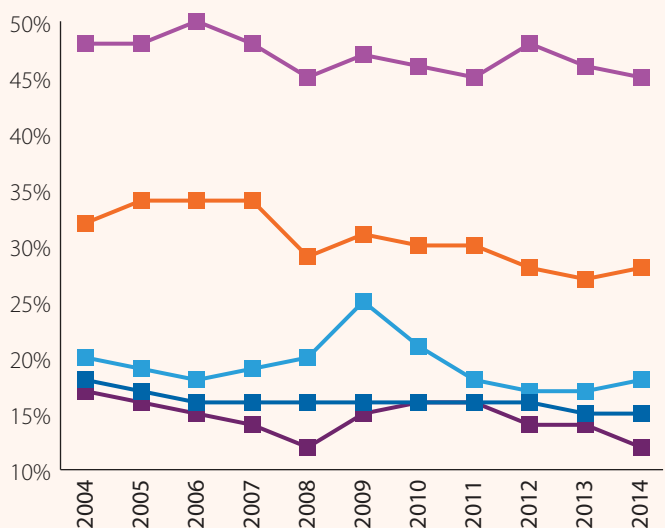
Рисунок 29. Уровни занятости молодежи (2004-2014 годы)

Отношение занятого населения в возрасте 15-24 лет к общей численности населения этой возрастной группы. Расчеты ПРООН на основе данных МОТ: ILO <<Key Labour Market Indicators>> (2015), 9th ed., таблица 2a.

■ Центральная Азия
■ Южный Кавказ
■ Западные страны СНГ
■ Западные Балканы
■ Турция

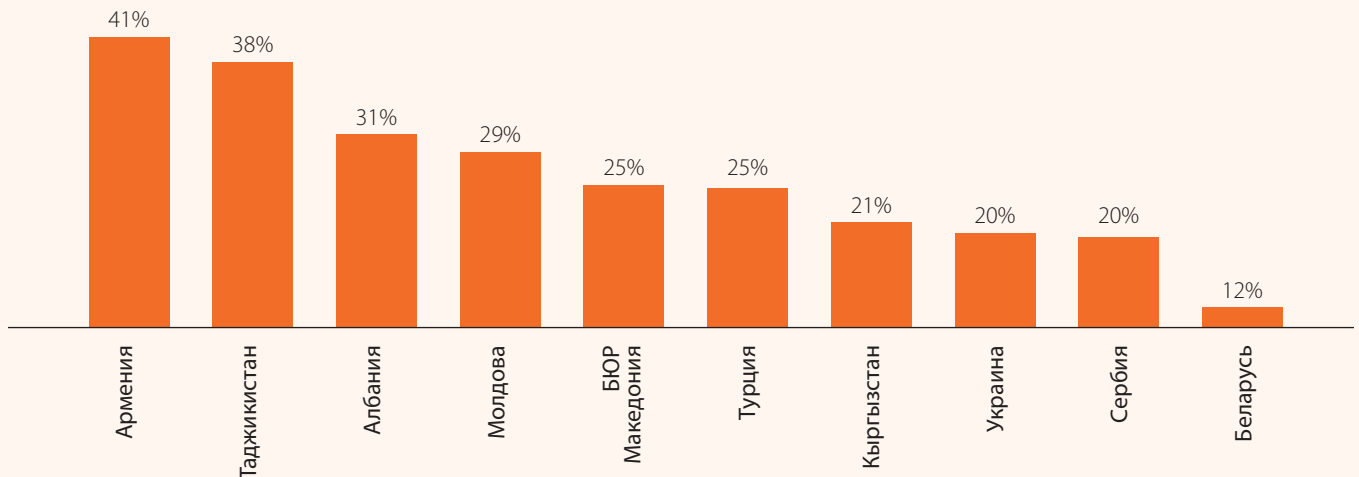
Рисунок 30. Уровни безработицы среди молодежи (2004-2014 годы)

Отношение безработных в возрасте 15-24 лет к общей численности населения страны этой возрастной группы. Расчеты ПРООН на основе данных МОТ: ILO <<Key Labour Market Indicators>> (2015), 9th ed., таблица 10a.

■ Центральная Азия
■ Южный Кавказ
■ Западные страны СНГ
■ Западные Балканы
■ Турция

Рисунок 31. Доля молодых людей, которые ни учатся, ни работают (2014 год или последний год, по которому имеются данные)

Источник: ILO <<Key Labour Market Indicators>> (2015), 9th ed., таблица 10с.

переводы обеспечивают сокращение национального уровня бедности примерно на 15 процентов, в то время как меры социальной защиты – лишь примерно на один процентный пункт. В Докладе о человеческом развитии ПРООН по Косово за 2014 год говорится, что трудовая миграция ежегодно поглощает от одной трети до половины новых участников рынка труда в Косово. Косовские мигранты отмечают, что после работы за рубежом их шансы найти достойную работу по возвращении домой возрастают (UNDP, 2014a).

Однако такие потоки имеют и свои недостатки. Помимо того, что они носят проциклический характер и создают угрозы для домашних хозяйств и социального единства и нагрузки на системы социальной защиты (см. вставку б), нерегулярный характер многих из таких потоков нередко не оставляет трудовым мигрантам выбора, кроме работы в сфере нестабильной занятости при отсутствии социальной защиты. Более того, как отмечается в случае Молдовы (рисунок 3), денежные переводы могут как обеспечивать сокращение бедности, так и вести к ее росту.

Группы, подверженные особому риску отсутствия доступа к рынку труда

Для составления правдивой картины неравенства на рынках труда необходимо сделать акцент на тех, кто подвержен особому риску отсутствия доступа к этому рынку. Гендерные различия на рынке труда значимы во всех странах региона, особенно в Центральной Азии, но также в Турции и странах Западных Балкан (рисунок 28). Гендерное неравенство на рынке труда нередко отражает отраслевую сегрегацию занятости и чрезмерно высокое представительство женщин в секторе неоплачиваемой работы по уходу за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями. (Эти виды неравенства более детально рассматриваются в следующей главе.)

Молодежь региона часто сталкивается с особыми сложностями на рынке труда. Лишь треть молодежи стран региона относится к занятым (рисунок 29), а данные недавнего исследования МОТ показали, что в предстоящие пять лет ожидается рост безработицы среди молодежи (ILO, 2015). Самые высокие уровни безработицы среди молодежи регистрируются в странах Западных Балкан (рисунок 30), причем в течение последнего десятилетия эти

показатели находятся на уровне 50 процентов и выше в Боснии и Герцеговине, Косово, Бывшей Югославской Республике Македония и Сербии (Elder et al., 2013; Mojsavska et al., 2014). Это одни из самых высоких показателей уровня безработицы среди молодежи в мире. Показатели уровня безработицы среди молодежи, как правило, особенно высоки среди менее образованных лиц: в Украине, например, практически 70 процентов молодых людей, имеющих только начальное образование, являются безработными (Elder et al., 2015a). Для молодежи стран региона миграция стала стандартным механизмом решения этой проблемы.

Данные о занятости среди молодежи могут вводить в заблуждение, поскольку молодые люди могут улучшить свои перспективы на рынке труда, дольше продолжая свое обучение вместо того, чтобы активно искать работу. Однако во многих странах региона от четверти до одной трети молодежи «ни учатся, ни работают». Приятно отметить, что многие страны регистрируют снижение доли молодых людей,

которые «ни учатся, ни работают»: в Бывшей Югославской Республике Македония и Турции, к примеру, эти показатели сократились примерно на 20 процентных пунктов за последние десять лет. Тем не менее, как видно на рисунке 31, возможен и более значительный прогресс. Среди молодых женщин вероятность того, что они ни работают, ни учатся, выше чем среди молодых мужчин. Эта разница особенно явно выражена в странах Центральной Азии, где доля молодых женщин, которые ни учатся, ни работают, в среднем составляет 37 процентов против 19 процентов среди молодых мужчин (Mauro et al. 2015). Аналогичная тенденция прослеживается в Турции, где доля молодых женщин, которые ни учатся, ни работают, составляет 35 процентов (против 15 процентов среди молодых мужчин).

Хотя уровни безработицы среди молодежи и процент молодых людей в регионе, которые «ни учатся, ни работают», вызывают беспокойство, не менее важной проблемой является и качество занятости работающей молодежи. Как показывают имеющиеся

Рисунок 32. Уровни безработицы среди цыган (2011 год)

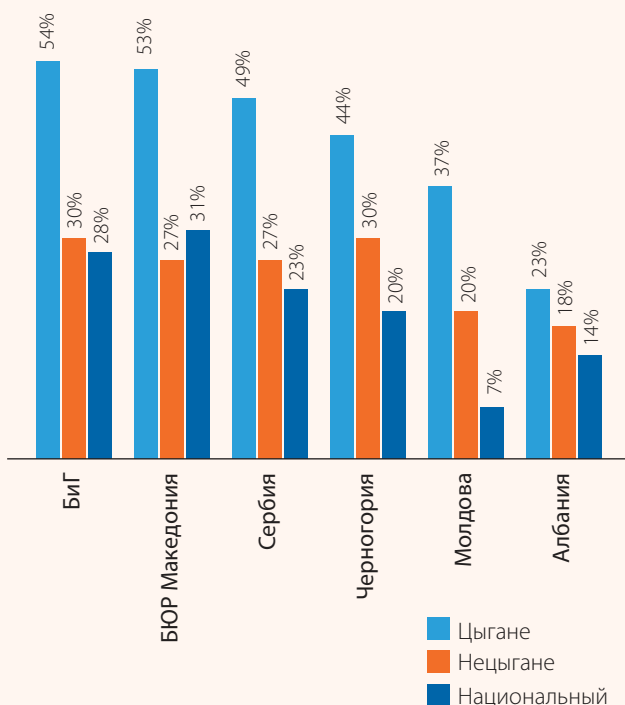
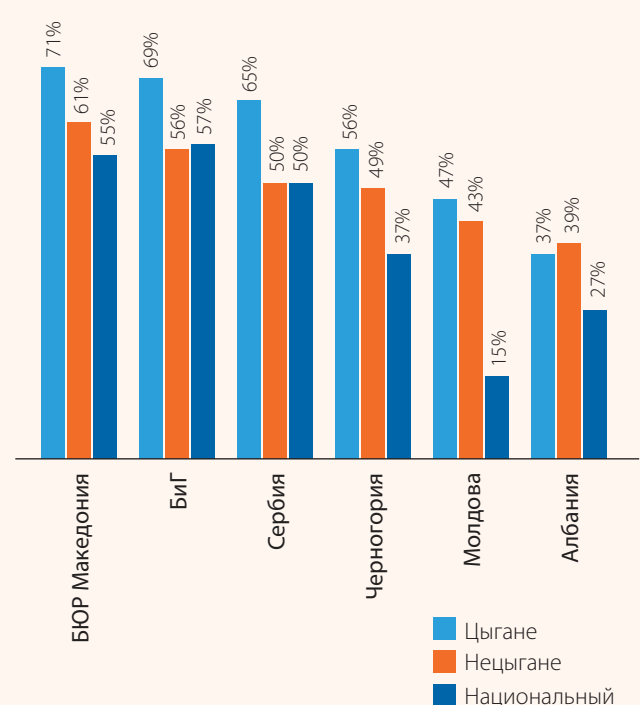

Рисунок 33. Уровни безработицы среди молодых цыган (2011 год)

Источники: Региональное обследование цыган, проведенное ПРООН, Всемирным банком и Европейской комиссией (UNDP/World Bank/European Commission Regional Roma Survey, 2011); и ILO, <<Key Labour Market Indicators>>, 9th ed.

Примечание: Данные по «нецыганским общинам» собирались при обследовании нецыганских общин, расположенных в непосредственной близости от цыганских поселений или районов.

Неравенство, занятость и социальная защита

данные, среди молодежи выше вероятность неформальной занятости при отсутствии письменного трудового контракта или занятости в качестве членов семьи, помогающих вести бизнес, что нередко предполагает отсутствие социальной защиты или выплаты регулярного вознаграждения. В Армении и Бывшей Югославской Республике Македония данная форма занятости, по некоторым оценкам, соответственно составляет 17 процентов и 22 процента общей занятости среди молодежи (Elder and Abdulloev, 2015). В Кыргызстане, как показало одно исследование, более трети сельской молодежи на протяжении шести лет после окончания школы трудятся на семейных фермах (или в семейном бизнесе) (European Training Foundation, 2013).

Цыгане. Цыгане (одно из крупнейших этнических меньшинств региона) служат наглядным примером группы, сталкивающейся с повышенным риском отсутствия доступа к рынку труда и исключению в более общем плане. Судя по данным обследования,¹⁰ уровни безработицы среди цыган в 2011 году в ряде стран Юго-Восточной Европы достигали 50 процентов, что значительно выше не только общенациональных показателей уровня безработицы, но и уровней безработицы, регистрируемых в нецыганских общинах, расположенных в непосредственной близости от цыганских поселений или районов (рисунок 32). Данные этого обследования также показали, что уровни безработицы среди цыганской молодежи намного превышают

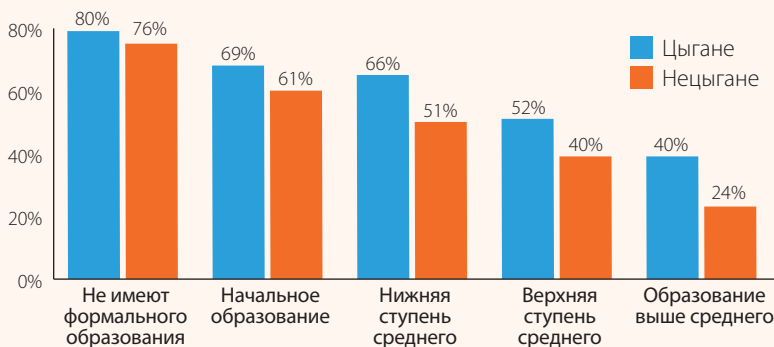
средние по стране показатели, а также и показатели по другим, нецыганским общинам, расположенным в непосредственной близости. В таких странах, как Бывшая Югославская Республика Македония, Босния и Герцеговина, Сербия, уровни безработицы среди цыганской молодежи составляют две трети всего молодого населения и даже более (рисунок 33). Неравные результаты на рынке труда также очевидны, если брать заработную плату, получаемую теми цыганами, которым удается найти работу. Заработная плата цыган в 2011 году составила 45-80 процентов от заработной платы представителей нецыганских общин. Заработная плата представителей цыганских общин женского пола составила лишь 45 процентов заработной платы мужчин и 54 процента заработной платы женщин нецыганских общин.

Эти данные также дают основания полагать, что дискриминация способствует исключению цыган на рынке труда. Как показано на рисунке 34, различия в уровне незанятости (т.е. доли населения трудоспособного возраста, которое либо относится к безработным, либо является экономически неактивным) цыган и представителей нецыганских общин, проживающих в непосредственной близости от цыганских поселений, минимальны для лиц, не имеющих формального образования. Однако, в то время как уровни незанятости сокращаются по мере повышения уровней образования как цыган, так и нецыган, в случае последних наблюдается гораздо более существенное снижение этого показателя. Поскольку ни уровень образования, ни местоположение не могут объяснить эти различия, частичным объяснением может выступать нежелание работодателей нанимать «чужаков».

Эти данные обследования также указывают на то, что вероятность участия цыган в неформальной экономике в пять раз выше в сравнении с соседними нецыганскими общинами. Если брать работающих представителей цыганских общин в Албании, 87 процентов мужчин и 79 процентов женщин, судя по некоторым данным, были заняты в неформальном секторе в 2011 году. Интенсивность неформальной занятости была особенно высока в Боснии и Герцеговине, а также в Черногории. Поскольку занятость в формальном секторе является условием для получения права на многие формы социальной защиты, активное участие домашних хозяйств цыганских общин в неформальном секторе

¹⁰ В рамках регионального обследования цыган, проведенного ПРООН, Всемирным банком и Европейской комиссией (UNDP/WB/EC Regional Roma Survey, 2011), социально-экономическое положение цыганских общин сравнивалось с положением нецыганских общин, проживающих в непосредственной близости от цыганских поселений или районов на территории Албании, Боснии и Герцеговины, Косово, Бывшей Югославской Республики Македония, Молдовы, Черногории и Сербии (а также в странах-новых членах ЕС).

Рисунок 34. Уровни незанятости цыган и нецыган в странах Западных Балкан, по уровню образования (2011 год)

Источник: Региональное обследование цыган, проведенное ПРООН, Всемирным банком и Европейской комиссией (UNDP/World Bank/European Commission Regional Roma Survey, 2011).

Примечание: Данные по «нецыганским общинам» собирались при обследовании нецыганских общин, расположенных в непосредственной близости от цыганских поселений или районов.

Узбекистан: Женщины могут быть инженерами нефтяных и газовых скважин. При акценте на вопросе «у кого есть (или нет) сколько денег» можно упустить из виду более важные определяющие факторы различий, такие как пол, возраст, классовая, этническая принадлежность. Фото: Anastasiya Kasyanova / ПРООН

может также подразумевать их исключению из систем социальной защиты и социальных услуг. Более половины респондентов из состава цыганских общин, принявших участие в обследовании 2011 года, отмечали сложности, связанные с отсутствием возможности позволить себе приобретение медикаментов, в то время как среди респондентов из состава нецыганских общин такой ответ давал лишь каждый четвертый (Ivanov and Kagan, 2014). И это несмотря на существенные успехи, достигнутые в сокращении разрыва в уровне образования между респондентами из цыганских и нецыганских общин в период 2005-2011 годов.

Люди с ограниченными возможностями. По данным Всемирного доклада об инвалидности за 2011 год, подготовленного Всемирной организацией здравоохранения, до 15 процентов населения в мире имеет какие-либо формы инвалидности, причем из них 2,2 процента людей испытывают значительные трудности в повседневном функционировании. В рассматриваемом регионе вопросы неравных возможностей для людей с ограниченными возможностями на рынке труда однозначным образом охвачены нормами законодательства и мерами политики.¹¹ Тем не менее, отсутствие надежных базовых данных о ряде лиц с

ограниченными возможностями во многих странах¹² означает, что зачастую невозможно оценить и отследить фактическое влияние эти мер на вовлечение на рынок труда. В недавних отчетах по Сербии, Армении и Таджикистану отмечались проблемы отсутствия доступа к рынку труда, с которыми сталкиваются многие люди с ограниченными возможностями:

- По данным переписи населения 2011 года, в Сербии проживает около 572 000 людей с ограниченными возможностями, что составляет 8 процентов всего населения страны. Благодаря положениям принятого в 2009 году законодательства, которые открыли возможности для многих форм занятости для людей с ограниченными возможностями, около 10 000 таких лиц смогли найти работу. Однако лишь около 20 770 из таких людей (6 880 из которых составляют женщины) были зарегистрированы в качестве безработных в 2011 году и, таким образом, имели доступ к мерам по поддержке занятости. Учитывая небольшое число людей с ограниченными возможностями, которые фактически регистрируются в качестве безработных, в 2013 году в бюджете национальной службы занятости на цели поддержки возможностей

¹¹ Все страны региона подписали либо ратифицировали Конвенцию ООН о правах инвалидов (за исключением Таджикистана).

¹² Судя по официальным данным о численности людей с ограниченными возможностями, оценки частоты случаев инвалидности в регионе среди общей численности населения варьируются от менее 2% в Таджикистане до почти 11% в Черногории, в то время как в большинстве стран этот показатель находится на уровне 3-5% (UNDP, 2013).

Неравенство, занятость и социальная защита

именно этой группы населения на рынке труда также была выделена очень малая сумма в размере около 0,06 процента ВВП;

- В Армении зарегистрировано около 186 000 людей с ограниченными возможностями (более 6 процентов всего населения страны). По данным исследования 2014 года, доля занятых людей с ограниченными возможностями трудоспособного возраста составляла 21 процент, однако лишь 9 процентов из них работали (вне сельскохозяйственного сектора) (Nesporova et al., 2014). В этом же исследовании также отмечалось, что основными препятствиями для вовлечения на рынок труда являлись отношение нанимателей и коллег по работе, а также недостаточное знание прав и возможностей людей с ограниченными возможностями. Для людей с ограниченными возможностями эти препятствия в сочетании с отсутствием подходящих рабочих мест, фаворитизмом, возрастом и слабым здоровьем становятся основными

факторами, затрудняющими поиск работы. Как и в любых других странах мира, доля безработных женщин с ограниченными возможностями выше в сравнении с долей мужчин;

- В Таджикистане на сегодняшний день зарегистрировано около 147 000 людей с ограниченными возможностями (почти 2 процента населения), из них дети составляют почти 25 000. Однако принято считать, что эти цифры, основанные на данных регистрации, не в полной мере отражают общую численность людей с ограниченными возможностями в Таджикистане, поскольку не все взрослые регистрируются для получения пенсии по инвалидности, а родители в некоторых случаях скрывают своих детей-инвалидов (UNDP, 2015).¹³ В Государственной стратегии развития рынка труда Республики Таджикистан на 2011-2020 годы описывается система квот, используемая для обеспечения дополнительных гарантий для граждан,

¹³ Анализ правовых, функциональных и экономических последствий ратификации Таджикистаном Конвенции ООН о правах инвалидов (UNDP, 2015).

Вставка 7. Социальная защита и Цели в области устойчивого развития

Цели в области устойчивого развития признают факт существования сложных взаимосвязей между мерами политики, что следует учитывать при создании хорошо функционирующей системы социальной защиты.

- ЦУР 1 («повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах») в части задачи 1.3 явно указывает на необходимость внедрения на национальном уровне соответствующих систем социальной защиты и мер социальной защиты для всех для существенного охвата бедных и уязвимых слоев населения.
- ЦУР 3 («обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию») в части задачи 3.8 призывает к обеспечению всеобщего охвата услугами здравоохранения, включая защиту от финансовых рисков, доступ к качественным основным медико-санитарным услугам и к лекарственным средствам и вакцинам для всех.
- ЦУР 5 («гендерное равенство») в части задачи 5.4 призывает к признанию и оценке неоплачиваемого труда по уходу и работы по ведению домашнего хозяйства за счет предоставления государственных услуг, развития инфраструктуры и мер политики социальной защиты.
- ЦУР 8 («достойная работа и экономический рост») призывает к полной и производительной занятости для всех (задача 8.5) при защите трудовых прав и обеспечении безопасных условий работы для всех.
- ЦУР 10 («сокращение неравенства внутри стран и между ними») призывает к обеспечению устойчивого роста доходов наименее обеспеченных слоев населения (задача 10.1), расширению прав и возможностей для всех и поощрению активного участия всех в социальной, экономической и политической жизни (задача 10.2), а также к принятию мер бюджетно-налоговой политики, политики заработной платы и социальной защиты для поступательного усиления равенства (задача 10.4).
- ЦУР 16 («мир, правосудие и эффективные учреждения») призывает к созданию эффективных, подотчетных и прозрачных учреждений на всех уровнях (задача 16.6), чтобы обеспечить принятие решений на основе принципов реагирования на потребности, социального вовлечения, коллегиальности и репрезентативности.

которые нуждаются в социальной защите и испытывают сложности с поиском работы. Эта система квот позволяет людям с ограниченными возможностями сохранять свою пенсию по инвалидности и получать заработную плату при занятости на условиях 6-часового рабочего дня в государственном секторе, что считается полной занятостью. Это может рассматриваться как неравное (привилегированное) положение по сравнению с остальными, трудоспособными работниками, которые не могут работать и получать пенсию. Однако данное положение основывается на том, что работники с ограниченными возможностями имеют дополнительные медицинские потребности, которые невозможно финансировать только за счет заработной платы, и что им могут потребоваться дополнительные вспомогательные услуги (будь то дома или на рабочем месте). Однако на практике реальным препятствием для получения доступа к поддержке является тот факт, что местные службы поддержки недостаточно развиты; поэтому даже если у человека имеются средства для оплаты их услуг, эти услуги просто отсутствуют.

Попытки усовершенствовать нормативно-правовую базу и основы политики, а также изменить устоявшееся отношение к занятости людей с ограниченными возможностями в регионе наталкиваются на наследие глубоко укоренившихся старых подходов, которые основаны на мнении, что инвалидность необходимо лечить или «исправлять». Такое «лечение» обычно предполагает проживание / изоляцию в интернатах под профессиональным присмотром в течение длительного срока (в некоторых случаях на всю жизнь). Однако иногда причиной ограниченности возможностей является сочетание различных барьеров (правовых, социальных и инфраструктурных) и устойчивые нарушения (физические, умственные, интеллектуальные или сенсорные), от которых страдает человек,¹⁴ а не его физические характеристики как таковые. Реабилитация, надлежащий уход и вспомогательные услуги должны помогать людям с ограниченными возможностями подготовиться к выходу на рынок труда, а не вести к сужению их возможностей для занятости.

Многие страны предпринимают шаги по устранению препятствий для вовлечения на

рынок труда, используя такие инструменты, как «защищенные мастерские», принимающие на работу людей с ограниченными возможностями, социальные предприятия, субсидирование заработной платы, системы квот, поддержка занятости инвалидов и создание соответствующих условий на рабочих местах. В то время как «защищенные мастерские» теоретически могут служить средством перехода на открытый рынок труда, в реальной действительности это происходит редко. Слишком часто их первоочередная задача состоит в том, чтобы «поместить» людей с ограниченными возможностями в такую среду, которая предлагает им возможность осуществлять трудовую деятельность, а производство считается вторичной задачей. Взаимодействие с полностью дееспособными лицами и открытыми рынками труда в лучшем случае носит ограниченный характер. В этой связи подобные структуры могут закрепить (а не сократить) отсутствие доступа к рынку труда для людей с ограниченными возможностями.

Во многих странах региона имеются системы квот для найма людей с ограниченными возможностями в государственном или в частном секторе (иногда – в обоих секторах). Во многих странах введены штрафы для нанимателей, которые не соблюдают эти квоты. Поступления от штрафов должны идти на финансирование занятости людей с ограниченными возможностями через субсидирование заработной платы, инвестиции в приспособление рабочих мест и другие меры. На практике редко встречаются механизмы мониторинга уплаты штрафов, поэтому объемы таких средств остаются ограниченными.

Для многих людей с ограниченными возможностями (а также для цыган и членов других уязвимых групп) препятствия для вовлечения на рынок труда начинаются с системы образования. В регионе по-прежнему распространено мнение, что люди с определенными типами нарушений способны выполнять только некоторые виды работ (например, незрячие должны быть массажистами). Такие препятствия, связанные с установками и средой, ограничивают образовательные возможности (а впоследствии

Риск бедности и исключения тех, кто занят на нестабильных, низкооплачиваемых, низкопроизводительных рабочих местах или работает в неформальном секторе, может быть таким же, как и в случае тех, кто не имеет работы.

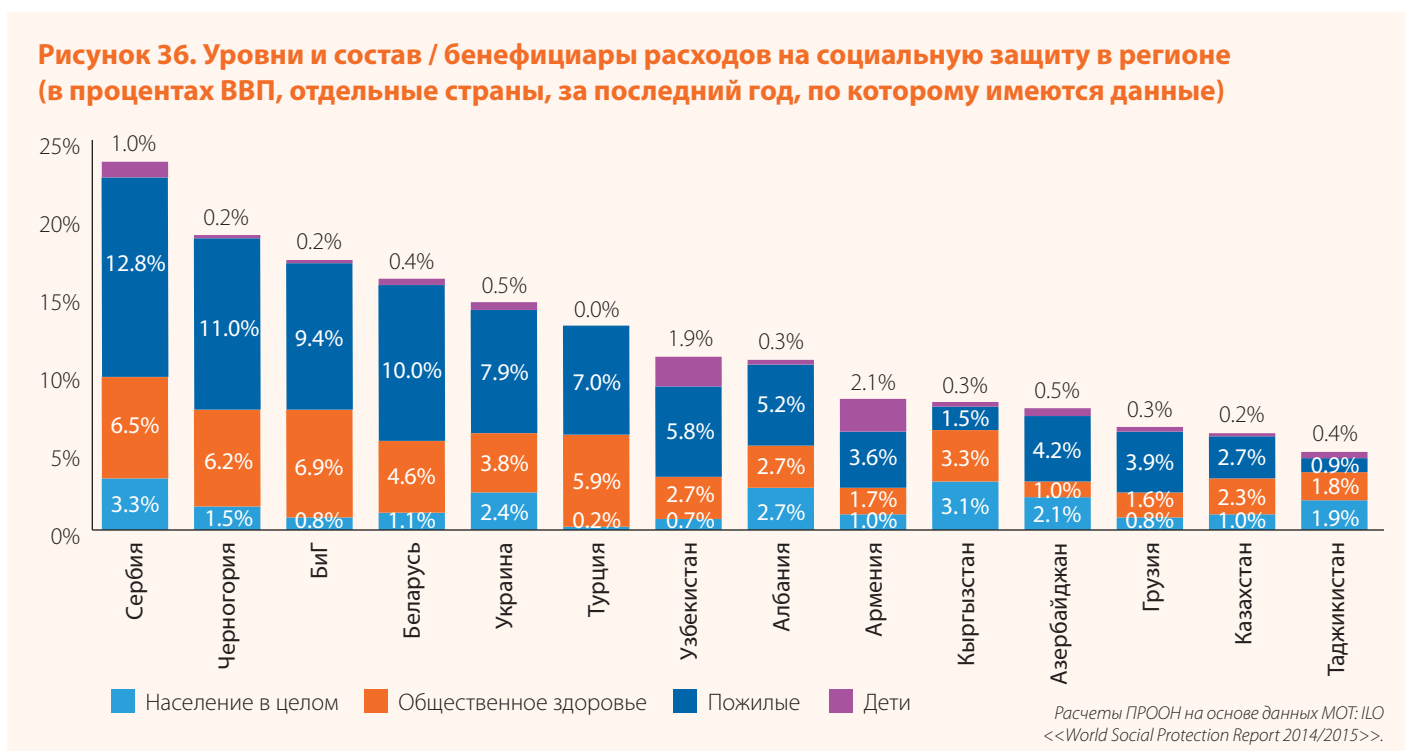
¹⁴ Конвенция ООН о правах инвалидов.

Неравенство, занятость и социальная защита

и возможности на рынке труда). Люди, которые сумели преодолеть такие препятствия, могут затем столкнуться с дополнительными сложностями в системе социальной защиты. Люди с ограниченными возможностями явно нуждаются в социальной защите, в том числе и для выравнивания возможностей

участия на рынке труда. Однако, чтобы воспользоваться этими правами, людям с ограниченными возможностями бывает необходимо предоставить подтверждение повышенной степени ограниченности возможностей и иждивенчества, что, в свою очередь, может ухудшить их положение на

рынке труда. В то время как социальные системы и системы здравоохранения делают акцент на иждивенчестве и неспособности действовать, рынки труда ожидают увидеть независимость и «способность». Люди с ограниченными возможностями, ищущие работу, нередко испытывают затруднения в преодолении противоречивой логики двух систем. В качестве платформы для устранения этих барьеров развитие получили социальные предприятия (компании или неправительственные организации, стремящиеся реализовать социальные цели, сохраняя при этом свою финансовую стабильность), которые одновременно предлагают и услуги поддержки, и продуктивную занятость. Социальные предприятия, которые принимают на работу людей с ограниченными возможностями (или которыми руководят представители этой группы), могут также влиять на более общие изменения в обществе.

Социальная защита и вовлечение на рынок труда

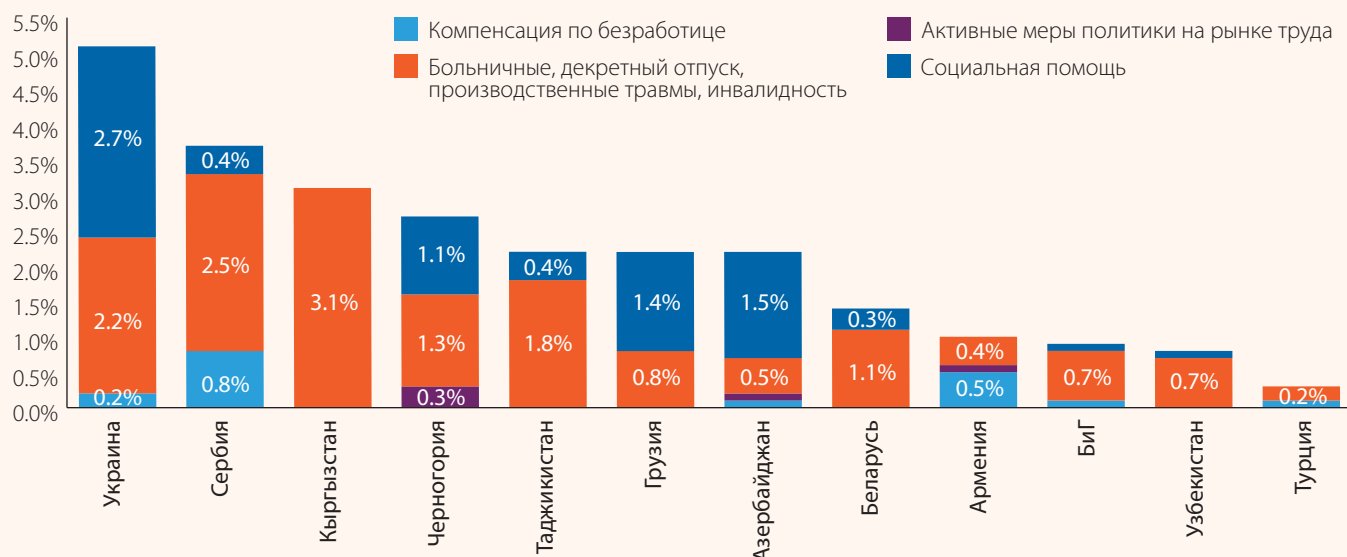
Неравенство возможностей для занятости и связанные с этим риски социального

исключения имеют важные последствия для систем социальной защиты. Формирование широкомасштабной неформальной занятости привело к тому, что системы социальной защиты в регионе, которые разрабатывались для функционирования в условиях практически полной занятости, столкнулись со значительными финансовыми ограничениями. Эти ограничения вынудили реформировать социальную политику, делая акцент на сокращении размера социальных пособий и охвата системы (несмотря на нехватку достойной работы). В результате этого в значительной части региона системы социальной защиты не в состоянии удовлетворить потребности тех, кто сталкивается с самым серьезным риском исключения на рынке труда или социального исключения.

Для определения понятия социальной защиты могут использоваться разные подходы. В настоящем докладе это включает:

- пенсии социального страхования, больничные, пенсии по инвалидности, а также нередко и пособия по беременности и родам, пособия по безработице и медицинское обслуживание – на основе отчислений;

Рисунок 37. Уровни и состав расходов на меры социальной защиты населения в целом в регионе (в процентах ВВП, отдельные страны, за последний год, по которому имеются данные)

Расчеты ПРООН на основе данных МОТ: ILO <<World Social Protection Report 2014/2015>>.

Неравенство, занятость и социальная защита

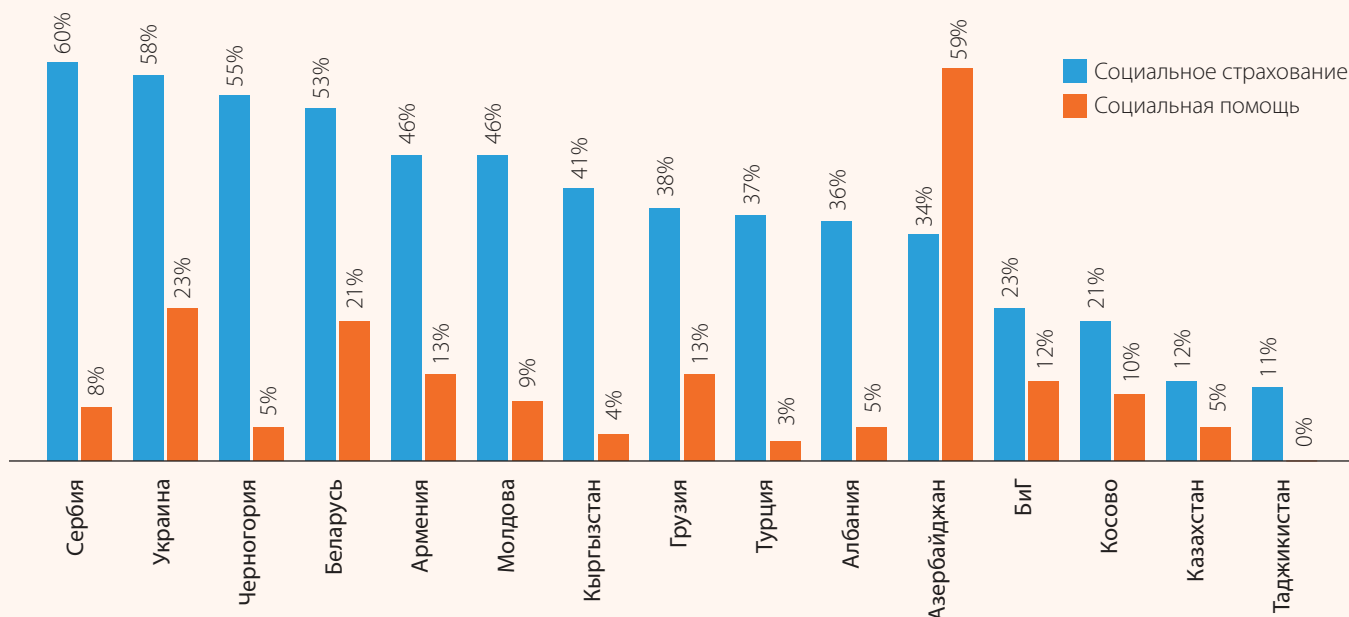
- социальную помощь, основанную на поддержке малообеспеченных и уязвимых слоев населения за счет налоговых поступлений;
- услуги социальной помощи домашним хозяйствам, предоставляемые на местном и общенациональном уровне (например, уход за одинокими престарелыми людьми или помощь по уходу для семей, в состав которых входят люди с ограниченными возможностями и т.д.); и
- активные меры политики на рынке труда, нацеленные на оказание помощи безработным в поиске работы.

Системы социальной защиты могут выполнять самые разнообразные функции с учетом каждого из этих четырех компонентов или их различных сочетаний. Во-первых, это превентивная функция, когда (за счет механизмов социального страхования, призванных обеспечить «сглаживание потребления») граждан защищают от риска (например, риска обнищания в пожилом возрасте). Во-вторых, это защитная функция или функция обеспечения, что позволяет оградить

граждан от воздействия внешних шоков и риска скатывания в состояние крайней нищеты и социального исключения за счет имеющихся базовых социальных (минимальный доход) трансфертов и услуг. Превентивная и защитная функции могут содействовать усилению социально-экономической устойчивости к воздействию шоков за счет мер социальной защиты. В-третьих, социальная защита может выполнять функцию содействия развитию, расширяя доступ к источникам существования и дохода. Это обычно обеспечивается посредством содействия расширению доступа к оплачиваемой занятости (например, за счет активных мер политики на рынке труда) в целях развития личного потенциала. И, наконец, социальная защита может выполнять трансформационную функцию: расширение прав и возможностей малообеспеченных и подвергающихся социальному исключению слоев населения за счет устранения социальных (установочных), правовых и институциональных определяющих факторов социального исключения.

При условии тщательной проработки меры социальной защиты могут исполнять

Рисунок 38. Влияние мер социальной защиты на бедность в регионе (процентное сокращение регистрируемого уровня бедности, отдельные страны, за последний год, по которому имеются данные)

Примечание: Социальное страхование и социальная помощь означают системы социальных пособий, предусматривающих и не предусматривающих отчисления, соответственно.

Источник: база данных Всемирного банка ASPIRE.

Вставка 8. Реформа системы социальной помощи в Грузии

Хотя в Грузии доля расходов на социальную защиту в ВВП не столь велика, стране, похоже, удалось достичь сравнительно хороших результатов применения мер политики социальной защиты для сокращения бедности и неравенства. Учитывая нехватку финансирования и административного потенциала, Грузия отдала предпочтение кардинальному упрощению своей системы социальной защиты, отменив практически все пособия, за исключением безусловных пенсий по возрасту и пенсий определенным категориям граждан. В Грузии не предоставляются пособия по безработице, что, вполне возможно, влияет на низкие регистрируемые уровни безработицы и высокие показатели массовой скрытой безработицы в форме широкомасштабной занятости в низкопроизводительном натуральном сельскохозяйственном производстве. (Все лица трудоспособного возраста в сельских регионах, владеющие участком земли, считаются занятыми в Грузии вне зависимости от дохода или активности.) Хотя на долю сельского хозяйства приходится около половины всей занятости, его вклад в ВВП Грузии составляет около 10 процентов (Rutkowski, 2013).

Важную роль в этой системе играет программа адресной социальной помощи (АСП), которая была внедрена в 2006 году. Эта программа призвана обеспечить прожиточный минимум и использует способ опосредованной проверки нуждаемости для определения уровня поддержки нуждающихся семей. Степень адресности программы АСП, похоже, очень высока: спустя год после ее внедрения, показатели уровня бедности сократились на 2,4 процентного пункта, а показатели крайней нищеты – на 2 процентных пункта. С тех пор расходы на выплату пособий увеличились, в результате чего к 2011 году 63 процента пособий поступало наименее обеспеченному квинтилю населения (причем охват составил 38 процентов домашних хозяйств этого квинтиля). Тем не менее, на сегодняшний день программа АСП составляет 10 процентов всех расходов на нужды социальной защиты или 0,7 процента ВВП (World Bank, 2015с). Размер пособий остается недостаточным, поскольку такой трансферт обычно не покрывает даже прожиточный минимум, устанавливаемый государством. Кроме того, не понятно, достаточно ли высоко влияние этих пособий, чтобы оправдать административные издержки, связанные с применением способа опосредованной проверки нуждаемости для выплаты пособий.

Такие системы безусловных денежных трансфертов нередко критикуются в связи с тем, что они ослабляют стимулы для поиска работы. По данным недавнего исследования,¹⁵ в котором сравнивались сходные домашние хозяйства, находящиеся немногим выше и немногим ниже порогового значения для получения пособия (получающие и не получающие такие пособия), программа АСП может усиливать отрицательные стимулы для участия на рынке труда. Это преимущественно наблюдается среди женщин, проживающих в сельских регионах и имеющих детей, которые предпочитают заботиться о своих детях, а не работать в натуральном сельскохозяйственном производстве («скрытая безработица») или не работают в связи с отсутствием доступных по цене услуг по уходу за детьми.

Хотя программа АСП может обеспечить необходимый доход для некоторых потенциальных бенефициаров, другие не могут получить доступ к ней или все же продолжают трудиться на непродуктивных рабочих местах после того, как становятся получателями АСП. Хотя АСП может содействовать сокращению бедности и социального исключения, сама по себе она не в состоянии фундаментальным образом улучшить ситуацию на рынке труда в Грузии. Это подчеркивает важность приведения программ социальной помощи в соответствие с программами активных мер на рынке труда, которые практически отсутствуют в Грузии начиная с 2007 года.

¹⁵ Там же.

Неравенство, занятость и социальная защита

все указанные выше функции, содействуя вовлечению на рынках труда и социальному вовлечению подверженных риску групп населения и отдельных лиц и выступая в качестве не только систем обеспечения тех, кто испытывает неотложные потребности, но и превентивных систем, которые усиливают устойчивость к шокам и поощряют социальное вовлечение (Babajanian et al., 2012).

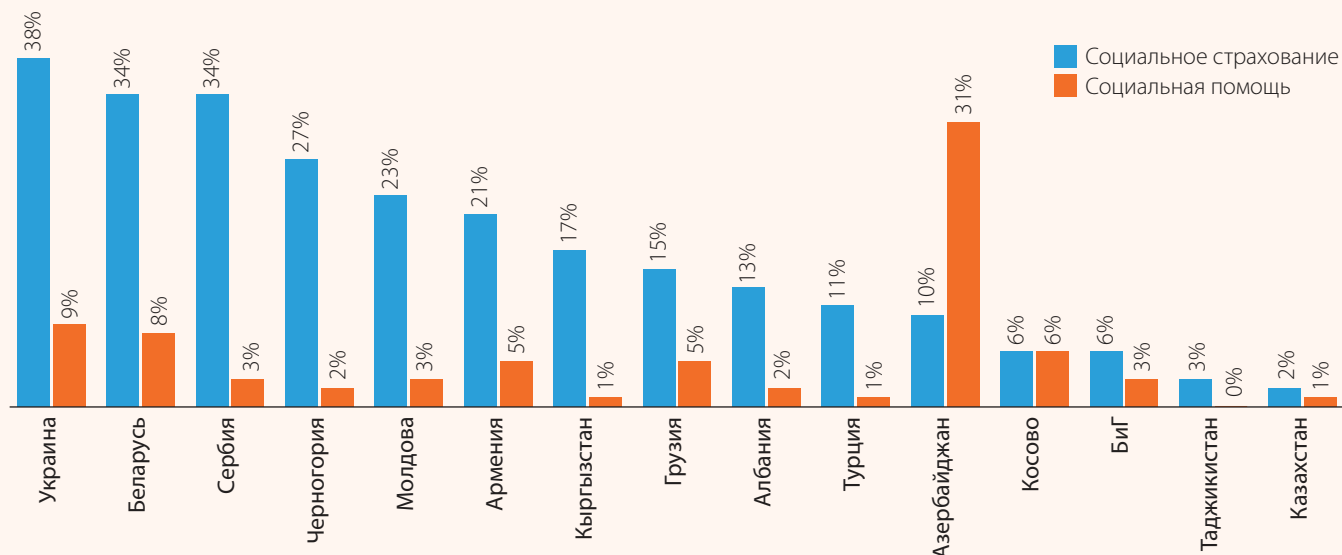
Социальная защита в регионе

Во всех странах региона, за исключением Турции, общие системы социальной защиты, имеющие компоненты, как предусматривающие, так и не предусматривающие отчисления, были созданы в период до 1990-х годов. В сочетании с, как правило, высоким спросом на рабочую силу на рынках труда, субсидированием базовых товаров и услуг и значительными государственными инвестициями в обеспечение услугами здравоохранения, образования и другими социальными и коммунальными услугами (некоторые из которых предоставлялись по месту работы), это обеспечивало высокую степень экономической безопасности для домашних

хозяйств. Доступ ко многим из этих услуг основывался на кодифицированных законных / конституционных «правах» на «бесплатное» медицинское обслуживание, образование и т.п. Однако в силу своей бюрократической природы эти системы нередко оказывались менее эффективными с точки зрения решения многих проблем социального исключения, которые в большинстве случаев требовали локальных решений или не могли решаться в рамках программ регионального развития или общественных работ.

В период экономической трансформации в 1990-х годах эти системы социальной защиты столкнулись с огромными проблемами. Образование масштабного неформального сектора на рынке труда и большие нерегулярные потоки миграции, что нередко сопровождалось демографическими тенденциями, ведущими к росту числа пенсионеров по отношению к числу работающих, поставили под угрозу финансовую устойчивость пенсионных систем, основанных на отчислениях, и привели к росту числа работников, (частично или полностью) не охваченных системами социального страхования. Государства отреагировали на эту ситуацию повышением отчислений на

Рисунок 39. Влияние мер социальной защиты на неравенство доходов в регионе (процентное снижение коэффициентов Джини, отдельные страны, за последний год, по которому имеются данные)

Примечание: Социальное страхование и социальная помощь означают системы социальных пособий, предусматривающих и не предусматривающих отчисления, соответственно.

Источник: база данных Всемирного банка ASPIRE.

социальное страхование и других налогов на труд, что, в свою очередь, вынудило еще больше работников переходить в неформальный сектор. В результате в рассматриваемом регионе налоговая нагрузка на работников, занятых в формальном секторе, в настоящее время является одной из самых высоких в мире (рисунок 35).

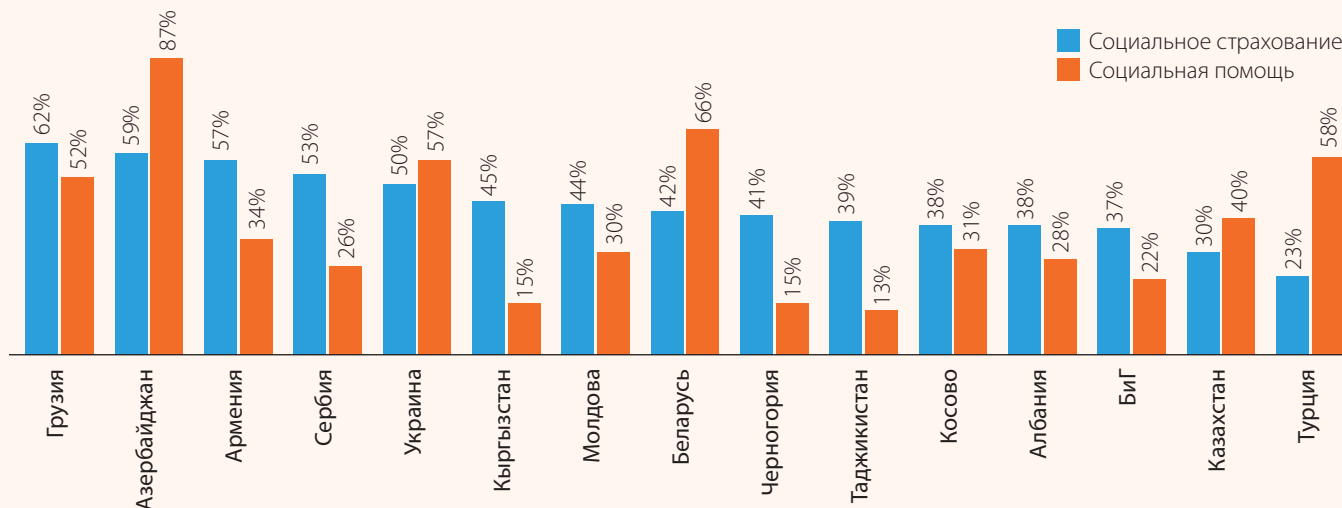
Программы социальной помощи были расширены с тем, чтобы компенсировать снижение защищенности на рынке труда и сокращение субсидирования базовых товаров и услуг. Однако такие факторы, как нагрузка на бюджет, озабоченность в связи с ослаблением стимулов для участия на рынке труда и технические сложности с определением надлежащих критериев доступа к социальной помощи (в интересах минимизации ошибок в части вопросов социального вовлечения и исключения), привели к ограничению охвата и действенности этих программ. Более того, некоторые страны сосредоточили внимание на том, чтобы предоставлять социальную помощь «достойным» социальным группам (например, ветеранам войны в странах Западных Балкан), члены которых не обязательно относятся к наименее обеспеченным или самым уязвимым.

После 25 лет переходного периода наблюдаются значительные различия между странами региона и их системами социальной защиты с точки зрения доли ВВП, идущей на нужды социальной защиты, и проводимой политики. В большинстве этих стран отмечаются относительно высокие показатели доли пенсий (для пожилых) и расходов на общественное здоровье (рисунок 36). Они особенно высоки в странах Западных Балкан и западных странах СНГ, учитывая старение и сокращение численности их населения.

Данные об уровнях и составе расходов на меры социальной защиты населения в целом (для всего населения трудоспособного возраста, см. рисунок 37) указывают на то, что значительный акцент делается на пособия по инвалидности и другие льготы, связанные с работой, а также на пособия по беременности и родам и по временной нетрудоспособности. Если брать расходы на страхование по безработице и активные меры политики на

Хотя работа является средством получения дохода, обеспечения человеческого достоинства, свободы выбора и безопасности, неоплачиваемый труд, социальная работа, добровольный или творческий труд также могут способствовать росту благополучия.

Рисунок 40. Доля домашних хозяйств наименее обеспеченного квинтиля, которые получают социальные пособия (отдельные страны, за последний год, по которому имеются данные)

Примечание: Социальное страхование и социальная помощь означают системы социальных пособий, предусматривающих и не предусматривающих отчисления, соответственно.

Источник: база данных Всемирного банка ASPIRE.

Неравенство, занятость и социальная защита

рынке труда, то наблюдается противоположная ситуация: только в Сербии и Армении эти расходы (преимущественно на страхование по безработице) превышали 0,5 процента ВВП. Это дополнительно подчеркивает проблему несбалансированности мер политики с учетом ситуации на рынках труда в регионе, которые облагаются высокими налогами, но в ответ получают умеренные бюджетные инвестиции. Усилия по сокращению таких дисбалансов за счет стимулирования активности на рынке труда при одновременном предоставлении помощи в доступе к системе социальной защиты тем, кто в ней нуждается, крайне важны для поощрения вовлечения на рынках труда в регионе.

В результате неадекватности расходов или недостаточной адресности социальных пособий часто формируются значительные пробелы. С одной стороны, как показывают данные Всемирного банка, программы социального страхования и социальной помощи обеспечивают сокращение и уровень бедности, и неравенства доходов (измеряемого посредством коэффициентов Джини) во всех

странах региона (рисунки 38, 39). Программы социального страхования (преимущественно пенсии по возрасту) во всех странах региона (за явным исключением Азербайджана) оказывают более значительное влияние, что является отражением относительно большого размера выплат и большого числа бенефициаров.

С другой стороны, судя по данным Всемирного банка, из всех стран региона только в Азербайджане, Беларуси, Грузии, Турции и Украине более половины домашних хозяйств, относящихся к квинтилю наименее обеспеченного населения, получают выплаты в рамках социальной помощи (рисунок 40). Хотя такие недостатки в охвате частично компенсируются за счет влияния пенсий и других пособий, основанных на отчислениях, они требуют внимания к сохраняющимся проблемам адресности в системах социальной защиты региона. Похоже, что Казахстан, Кыргызская Республика и Таджикистан демонстрируют особенно слабые результаты, если рассматривать в сумме их совокупные бюджетные расходы, адресность и влияние

Вставка 9. Интегрированные пакеты денежных трансфертов и услуг поддержки¹⁶

Интегрированные пакеты денежных трансфертов и услуг поддержки позволяют обеспечивать согласованность и повышение действенности мер политики на рынке труда и социальной политики в целях более эффективного удовлетворения потребностей тех, кто больше всего подвержен риску бедности и социального исключения.

Для интеграции денежных трансфертов и услуг поддержки требуется:

- упрощение процедур оценки бенефициаров и критериев для определения права на помощь; и
- назначение специалистов по личным делам, которые отвечают за организацию, координацию и мониторинг комплексов денежных трансфертов и услуг поддержки, которые могут формироваться с учетом потребностей уязвимых лиц и семей.

Работая с бенефициарами, специалисты по личным делам:

- разрабатывают планы поощрения социальной реинтеграции, помогая обеспечить надлежащий доступ к услугам и программам;
- выступают от имени своих клиентов; и
- обеспечивают учет недостатков в услугах на более высоком уровне при планировании местных, региональных и общенациональных программ.

Необходимые социальные услуги и услуги служб занятости могут предоставлять как коммерческие, так и некоммерческие организации.

¹⁶ По материалам публикации Всемирного банка и ПРООН: World Bank and UNDP, 2010, Croatia – Social Impact of the Crisis and Building Resilience.

мер (на сокращение бедности и неравенства). Результаты Азербайджана, Беларуси, Черногории, Сербии и Украины, напротив, выглядят относительно хорошо в целом в сравнении с большинством остальных стран региона.

Хотя во всех странах региона охват и покрытие системами социальной защиты в целом сохранен на бумаге,¹⁷ на практике сформировались большие пробелы в их охвате и достаточности. Недостатки в части доступа к рынкам труда, таким образом, расширяются и усиливаются. То же самое отмечается в отношении социального исключения. Ограниченность возможностей государств выполнять свои обязательства в области социальной защиты нередко ведет к созданию таких механизмов адаптации, как миграция и нестабильная занятость, а также поддержка со стороны семьи. Такая «неформализованная» социальная защита может предполагать значительные расходы на приобретение необходимых услуг за свой счет, что дополнительно усиливает риск социального исключения (Drahokoupil et al., 2009).

Социальные услуги являются еще одним важным компонентом системы социальной защиты, который призван играть центральную роль в содействии равному доступу к рынку труда, особенно для уязвимых групп населения. По сути, препятствия, с которыми сталкиваются социально ущемленные работники, такие как цыгане и люди с ограниченными возможностями, явно указывают на необходимость трехуровневых подходов, которые: (i) приводят в соответствие правовые системы и основы политики в различных секторах (образование, здравоохранение, социальная защита и занятость); (ii) расширяют права и возможности малообеспеченных и решают проблему социальных структур, которые ведут к сохранению бедности и социального исключения, (такие как позитивные действия; кампании против дискриминации и т.д.); и (iii) включают дополнительные услуги, обеспечивающие доступ к рынкам труда (физическая доступность, социальные предприятия, социальное наставничество, уход за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями). Эти услуги должны быть тщательно продуманы и финансироваться таким образом, чтобы обеспечить их непрерывный характер и стандарты качества.

В целом, социальные услуги критически важны для того, чтобы системы социальной защиты могли выполнять свои функции содействия развитию и трансформации. Их основная роль состоит в поощрении социального вовлечения, что понимается как ряд мер и процедур, обеспечивающих доступ населения, живущего в условиях бедности или подвергающегося риску бедности и социального исключения, к возможностям и ресурсам, необходимым для полноценного участия в экономической, социальной и культурной жизни и достижения уровня жизни, который считается стандартным в том обществе, в котором они живут. Хотя программы поддержки доходов могут стимулировать рост покупательской способности (если суммы этой поддержки не чрезмерно малы), они не решают проблемы первопричин, а затрагивают лишь последствия социального исключения. Для устранения определяющих факторов социального исключения требуются дополнительные, вспомогательные меры политики и программы (Babajanian et al., 2012). Для ликвидации многоаспектных барьеров для вовлечения на рынок труда, следовательно, необходимо обеспечить прочную взаимосвязь между интегрированными подходами в области рынков труда и социальной защиты и мерами политики в сфере образования и экономической политики.

Установление надлежащих взаимосвязей между мерами политики социальной защиты и политики на рынке труда

В сочетании с мерами политики рынка труда меры социальной защиты могут: (i) содействовать достойной занятости (при предоставлении социального страхования); (ii) обеспечивать поддержку тех, кто не имеет работы за счет субсидирования их доходов и услуг службы занятости; и (iii)

Для стимулирования процесса преобразования экономического роста в возможности достойного трудоустройства требуются целостные подходы при участии всего государства.

¹⁷ Согласно данным Доклада МОТ о социальной защите в мире за 2014/2015 годы, системы социальной защиты практически всех стран региона охватывают все основные направления социальной политики в рамках определенных программ и, таким образом, заслуживают рейтинга как обеспечивающие «всестороннее правовое покрытие». К существенным исключениям относятся Грузия (почти всестороннее правовое покрытие), где не существует программы пособий по безработице, и Таджикистан (ограниченное правовое покрытие), где отсутствует защита на случай производственных травм и пособия семьям.

Неравенство, занятость и социальная защита

поощрять вовлечение тех, кто сталкивается с многочисленными препятствиями при трудоустройстве, включая дискриминацию и предрассудки. Если системы социальной защиты неэффективны, потеря или отсутствие работы могут вести к формированию порочного круга исключения. Это, в свою очередь, может усугубляться отсутствием реформирования и надлежащей координации действий государственной службы занятости, которая делает акцент в своей работе на администрировании пособий, и органов социальной защиты, которые сосредотачивают внимание на посреднических функциях. Ответственность за меры политики в сфере профессионального образования, рынка труда и социальной защиты нередко разделена между различными структурами государственного аппарата при отсутствии надлежащей межведомственной координации. Эти проблемы могут дополнительно осложняться тем, что данные о рынке труда и его показатели не всегда соответствуют целевому назначению, что отмечалось выше.

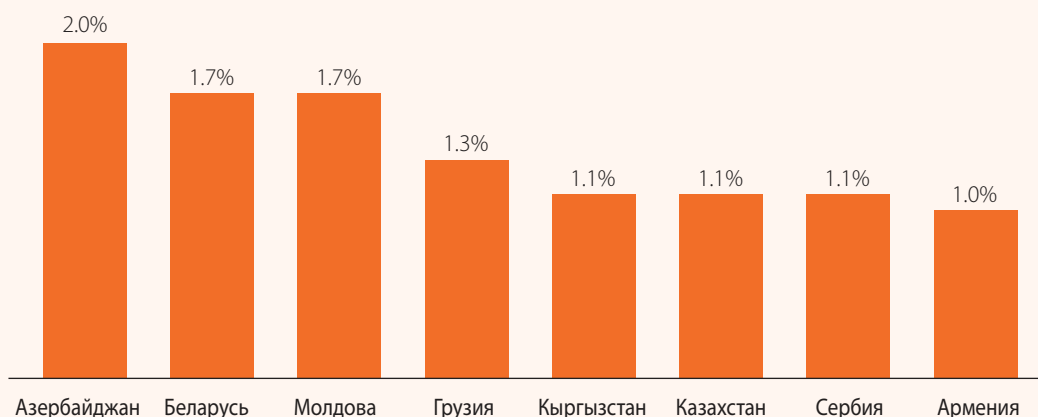
В результате развитости неформальной занятости в регионе значительное число работников не могут пользоваться системами социальной защиты, а устойчивость их финансового положения находится под угрозой. Многие государства отреагировали на эти вызовы (дальнейшим) повышением и без того высоких налогов на социальное страхование (рисунок 30); причем налоговый клин может оказаться еще больше для работников с низкой заработной платой и занятых неполный день.

Однако эти высокие налоги в сочетании с низким средним уровнем заработков являются главным определяющим фактором для перетока занятости и хозяйственной деятельности в неформальный сектор. В этой связи усилия, направленные на то, чтобы разорвать этот порочный круг, должны быть сосредоточены на снижении такой налоговой нагрузки на труд.

Существование подобного порочного круга указывает на возможность преувеличения озабоченности в связи с тем, что социальная помощь ослабляет стимулы для участия на рынке труда. Напротив, именно ожидаемая потеря пособий (или других пособий) в сочетании с высоким налогообложением труда в формальном секторе снижает заинтересованность работников отказываться от неформальной занятости. Ряд исследований по странам региона подтверждают этот вывод. В Армении, например, получение социальной помощи, судя по всему, не влияет на формальное участие на рынке труда (World Bank, 2011).

При тщательной согласованности с продуманными активными мерами политики на рынке труда системы социальной защиты могут обеспечить дальнейшее усиление стимулов для формального участия на рынке труда и сокращение рисков социального исключения (Kuddo, 2009; Lehmann and Muravyev, 2011). К другим социальным услугам, которые могут поощрять вовлечение на рынок труда, относятся уход за детьми, пожилыми и другими лицами, нуждающимися в такой помощи. К сожалению,

Рисунок 41. Оценки доходов бюджета при обложении внешнеторговых операций, совершаемых при фальсификации данных в счетах, налогом по ставке 10 процентов (в процентах ВВП)

Расчеты ПРООН на основе данных публикации: 2004-2013 «Global Financial Integrity», IMF-WEO (среднегодовые показатели).

Организации гражданского общества в Украине работали, чтобы убедиться, что люди с ограниченными возможностями могут осуществлять свои права на образование, транспорт, инфраструктуру и другие услуги. Фото: Olexandr Voloshynskyi / ПРООН

в таких странах, как Азербайджан, Казахстан, Таджикистан и Турция, государственные услуги по уходу за детьми отсутствуют (World Bank, 2012). Меры по поддержке частичной формальной занятости также могут содействовать вовлечению на рынок труда, особенно в случае женщин и молодежи, чьи прочие обязательства не позволяют им работать полный рабочий день. Это подразумевает корректировку налоговой нагрузки или отчислений на социальное страхование с учетом количества отработанных часов и введение норм, разрешающих использование ряда гибких контрактов для частичной занятости.

Обсуждение на национальном уровне возможности введения минимальных норм социальной защиты в регионе может помочь определить наиболее оптимальные подходы к обеспечению согласованности мер политики на рынке труда и социальной защиты, например, за счет расширенного использования «интегрированных пакетов денежных трансфертов и услуг поддержки» (вставка 9). Инициатива ООН по введению минимальных норм социальной защиты (SPF-I) может поддержать усилия по предоставлению или расширению базовых гарантий социальной защиты, обеспечивающих всеобщий доступ к важнейшим услугам здравоохранения и стабильность дохода. Минимальные нормы социальной защиты делают акцент на таких аспектах, как минимальный

гарантированный базовый доход (в форме оплаты труда или трансфертов), полноценный и достаточный доступ к качественным услугам здравоохранения, образования и социальным услугам. Социальные услуги особенно важны для людей, не имеющих стажа работы, длительно безработных, людей с ограниченными возможностями и женщин (например, для ухода за детьми). При адаптации этой глобальной инициативы к региональному контексту обнаруживается настоятельная потребность интегрировать:

- минимальный гарантированный доход в форме поддержки занятости или дохода;
- единый базовый доход для детей;
- базовый доход («социальные пенсии») для всех пенсионеров старше определенного возраста;
- обеспечение качественными и доступными услугами образования, здравоохранения и социальными услугами на местном уровне, включая поддержку для семей (детей и людей с ограниченными возможностями) социальными службами; и
- поддержку, предоставляемую в целях расширения доступа к средствам к существованию и рынкам труда (совместно с институтами рынков труда и государственными службами занятости).

Наличие хорошо развитых институтов социальных работников и использование механизма специалистов по личным делам являются ключевыми условиями для организации и обеспечения социальными услугами с учетом институтов и программ на рынке труда. Также необходима определенная степень институциональной гибкости, особенно с учетом местного контекста. Высокие уровни безработицы (длительной безработицы и иных ее видов) среди молодежи, цыган и других этнических меньшинств, людей с ограниченными возможностями и других лиц подчеркивают важность выработки индивидуальных подходов к решению проблем занятости. Для сокращения численности длительно безработных требуются специальные инициативы по повышению квалификации взрослых работников и созданию возможностей для молодых людей, которые ни работают, ни учатся.

Многие из таких мер, конечно же, будут оказывать влияние на бюджет. Однако сокращение доходов бюджета в результате снижения налогов на труд можно компенсировать за счет повышения налогов на другие виды деятельности, а также за счет сокращения расходов бюджета, которые преимущественно несут выгоды домашним хозяйствам с доходами выше среднего. К таким мерам относятся (Ortiz et al., 2015):

Повышение налогов, не относящихся к налогам на труд. В интересах экономической эффективности следует не облагать налогами труд (общественное благо), а повышать налоги на «общественное зло». В опубликованном в 2016 году «Панамском досье» отмечались проблемы политики, связанные с незаконными финансовыми потоками, а также возможные доходы, которые государственные бюджеты могли бы получать, если бы больше таких средств можно было обложить налогами. В докладе организации «Global Financial Integrity» «Незаконные финансовые потоки из развивающихся стран: 2004-2013 годы» говорится, что страны региона в среднем теряют около 65 миллиардов долл. США в год в связи с внешнеторговыми операциями, совершаемыми при фальсификации данных в счетах. Если бы 10 процентов стоимости этих потоков поступали в бюджет в форме налогов, дополнительные бюджетные доходы составили бы 6,5 миллиарда долл. США. В случае восьми стран региона эта сумма дополнительных доходов бюджета

составила бы не менее 1 процента ВВП (рисунок 41). Кроме того, повышение налогов на виды деятельности, которые носят экологически неустойчивый характер, может помочь решить две задачи: увеличение государственных доходов и содействие развитию экологически более устойчивых экономик.

Перераспределение расходов.

Правительство может перераспределять средства, сокращая государственные расходы на субсидирование ископаемого топлива и других видов деятельности, которые носят экологически неустойчивый характер. Возможны шаги по сокращению масштабов программ трансфертов с низкой адресностью, которые преимущественно получают домашние хозяйства с доходом выше среднего. Также могут реализовываться меры, направленные на обеспечение участия в процессе государственных закупок социальных предприятий, которые обслуживают потребности уязвимых сообществ, и компаний, придерживающихся деловой практики на основе принципов социальной и экологической устойчивости.

Меры политики и программы обеспечения вовлечения на рынок труда

Значительное число работников в регионе сталкиваются с риском отсутствия доступа к рынку труда, что вполне может привести к риску социального исключения в более общем плане. Проблема состоит не просто в отсутствии рабочих мест, а в отсутствии достойной работы. Поскольку заработная плата является основным источником дохода для малообеспеченных и уязвимых домашних хозяйств, для изменения моделей экономического роста с тем, чтобы рост приносил больше всего пользы домашним хозяйствам с низким уровнем доходов, требуется, прежде всего, ускоренное формирование возможностей для развития хорошо оплачиваемой занятости, которая обеспечивает доходы для домашних хозяйств. Действенные и устойчивые решения этих проблем предполагают применение интегрированных подходов, особенно в плане усиления согласованности политики занятости и активных мер политики на рынке труда с мерами политики, направленными на обеспечение социальной защиты, социальное вовлечение, повышение качества образования, повышение квалификации работников и региональное развитие. Более того, если при разработке политики в полной мере учитывать более общие выгоды занятости с точки зрения человеческого развития (а не оценивать «рабочие места» в узком, рыночном смысле), параметры принимаемых решений могут заметно измениться. Безработица влечет за собой много издержек, а учитываются обычно только некоторые из них.

В этой связи акцент в работе по обеспечению достойной занятости и укреплению социальной защиты в регионе необходимо сделать не на разрозненных реформах, а на нескольких взаимосвязанных аспектах. Такие усилия следует направить на то, чтобы:

Повысить значимость политики занятости в рамках общей системы мер политики. «Создание надлежащих общих основ для экономического роста» и совершенствование среды для деловой и хозяйственной деятельности являются необходимыми, но недостаточными условиями для роста

занятости. Необходимы также и подходы к обеспечению занятости при условии работы всего государства, когда ответственность за реализацию национальных стратегий содействия занятости четко закрепляется за всеми соответствующим государственными органами.

Уделять больше внимания разработке и реализации национальных стратегий содействия занятости. Это предполагает:

- четкое распределение политической ответственности;
- определение четких целей и количественно измеримых задач, обеспеченных достаточными бюджетными ассигнованиями;
- наличие действенных механизмов координации работы министерств и ведомств на национальном уровне, а также различных органов на национальном и местном уровне;
- привлечение к работе социальных партнеров, частного сектора и неправительственных организаций; и
- сбор более качественных данных, отражающих различные формы занятости с разбивкой по ряду критериев (возраст, пол, инвалидность, географическое местоположение и т.д.).

Устранять определяющие факторы неформальной занятости за счет:

- **Развития институционального потенциала органов, регулирующих рынки труда**, чтобы обеспечить более действенную защиту прав трудящихся в формальном секторе. Слишком часто при выявлении в ходе проверок нарушений законодательства в сфере хозяйственной деятельности, труда, миграции или социальной защиты проблемы с инспекторами решаются с помощью неофициальных платежей, которые рассматриваются как необходимый источник обеспечения прожиточного

Неравенство, занятость и социальная защита

минимума для государственных служащих, работающих в таких инспекциях. Необходимо реформировать государственную службу и систему государственного управления с тем, чтобы повысить заработную плату в бюджетном секторе и сократить определяющие факторы коррупции и злоупотребления служебным положением, которые вызывают перекосы в регулировании рынков труда.

- **Пересмотра налогов и нормативных положений, если невозможно убедительно обеспечить соответственно их сбор или исполнение** государственными ведомствами, а также если они ведут к занятости в неформальном секторе. Необходимо пересмотреть или отменить нормативные положения и налоги, которые создают непомерную нагрузку на малые и средние предприятия или мигрантов и других уязвимых работников.

Повысить привлекательность формальной занятости как для нанимателей, так и для работников **за счет снижения налогов на социальное страхование и иных налогов на труд.** Связанные с этим потери доходов бюджетов можно компенсировать за счет:

- повышения налогов на углеродоемкие и другие виды деятельности, которые носят экологически неустойчивый характер;
- сокращения налоговых льгот или бюджетных субсидий, которые поступают преимущественно состоятельным домашним хозяйствам; и
- принятия более активных мер по сокращению перенаправления доходов бюджета в офшоры для уклонения от налогов.

Осуществлять инвестиции в развитие институционального потенциала государственных служб занятости, национальных структур, координирующих политику на рынке труда, и платформ для диалога и партнерства в области занятости при участии частного сектора, государства и гражданского общества (включая профсоюзы). Именно государственные службы занятости играют важную роль в решении проблемы отсутствия доступа к рынку труда. Они нуждаются в расширении своей сети на

региональном и местном уровне, укреплении потенциала для координации работы и осуществлении совместных шагов с другими институтами в интересах содействия занятости и вовлечения, включая государственные институты (например, социальные службы, центры профессионального образования), частный сектор (наниматели) и гражданское общество (например, неправительственные организации, представляющие интересы уязвимых групп).

Увеличить инвестиции в активные меры политики на рынке труда, профессиональное образование и другие меры, направленные на повышение производительности труда и поощрение вовлеченности.

Ввести минимальные нормы социальной защиты, в соответствии с утвержденными рекомендациями систем ООН, за счет внедрения (или расширения по мере возможности):

- минимального гарантированного дохода в форме поддержки занятости или дохода;
- единого базового дохода для детей;
- базового дохода («социальные пенсии») для всех пенсионеров старше определенного возраста;
- обеспечения качественными и доступными услугами образования, здравоохранения и социальными услугами на местном уровне, включая поддержку для семей (детей и людей с ограниченными возможностями) социальными службами; и
- поддержки, предоставляемой в целях расширения доступа к средствам к существованию и рынкам труда (совместно с институтами рынков труда и государственными службами занятости).

Решать проблемы дискриминации на рынке труда, особенно в отношении этнических меньшинств (например, цыган), но также и в отношении женщин и людей с ограниченными возможностями. Хорошей отправной точкой могут стать информационно-просветительские кампании; однако для повышения информированности о прямой и косвенной дискриминации необходимо предпринимать целенаправленные меры. Контролировать косвенную дискриминацию труднее всего, поскольку для этого требуются

более долгосрочные образовательные программы, развитие потенциала и информационная поддержка. В некоторых случаях для решения проблем дискриминации могут потребоваться меры правового характера. Значимость этих вопросов может усиливаться в постконфликтных ситуациях (Stewart, 2015).

Обеспечить тщательную адаптацию мер политики с учетом местного контекста.

Меры социальной политики и политики на рынке труда необходимо гибко адаптировать с учетом особенностей тех проблем, с которыми сталкиваются определенные географические регионы (городские, сельские, пострадавшие от войны, традиционные промышленные, приграничные регионы и т.д.). Субъектам в сфере развития на местном уровне необходимо укреплять свою роль в расширении возможностей за пределами столичных городов путем апробации моделей и масштабирования тех из них, которые работают. Ориентированные на нужды регионов подходы особенно полезны в такой работе и успешно применяются для интеграции мер, направленных на решение проблем занятости и социального вовлечения (например, при использовании территориальных пактов по содействию занятости, планирования усиления социального вовлечения на местном уровне и адресной поддержки социально ущемленных групп). Менее значительный успех достигнут в обеспечении использования этого опыта в политике на национальном уровне. Одним из положительных примеров является Бывшая Югославская Республика Македония, где адресные программы мер поддержки цыган (первоначально реализованные на пилотной основе ПРООН) получили официальное признание со стороны Правительства и нашли отражение в национальной политике занятости в 2016 году.

Фото: Freya Morales / ПРООН

Глава 3

Гендерное неравенство в сфере
труда и занятости

Основные тезисы

- **Вопросы экономического роста и расширения прав и возможностей женщин тесно взаимосвязаны.**
Тем не менее, в то время как усиление гендерного равенства способствует экономическому росту, экономический рост не обязательно ведет к гендерному равенству. Для того чтобы экономическое развитие позволило в полной мере высвободить потенциал человеческого развития женщин, необходимо создать системы социальной защиты, удовлетворяющие потребности и женщин, и мужчин.
- **Хотя с точки зрения гендерного равенства регион выгодно отличается от многих других частей развивающегося мира, по ряду направлений он отстает от мировой передовой практики.** Более того, усиливается риск утраты тех уровней гендерного равенства, которые были достигнуты в период до 1990-х годов во многих странах.
- **На сегодняшний день гендерное неравенство относится к наиболее серьезным формам неравенства в регионе** и создает значительную угрозу для его перспектив развития. Гендерное неравенство, как правило, пересекается с другими формами и аспектами неравенства по признакам класса, расы, возраста, этнической принадлежности, инвалидности, рода деятельности и дохода, усиливая их влияние. Неравные результаты на рынке труда, в частности, могут оказывать существенное влияние на более общие показатели гендерного неравенства. Неравный доступ женщин к социальному капиталу или их ущемленное положение в сетях, которые составляют социальный капитал, (что в некоторых странах региона проявляется более отчетливо, чем в других) являются и причинами, и проявлениями неравенства.
- **К основным направлениям, которые следует учитывать при формулировке политики и программ** для решения этих проблем, относятся следующие:

 - ❖ **Ликвидация правовых и нормативных барьеров для расширения экономических прав и возможностей женщин.** Несмотря на значительные успехи, достигнутые в этой сфере, по-прежнему широко распространены гендерные отраслевые и секторальные ограничения, которые препятствуют участию женщин в сфере занятости и предпринимательства.
 - ❖ **Усиление бюджетной поддержки мер политики, направленных на решение проблем, связанных с обязанностями женщин по дому и уходу за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями,** чтобы расширить доступ женщин к рынку труда. Программы предоставления доступных по цене и надежных услуг по уходу за детьми, пособий на детей и государственных услуг по уходу за детьми могут содействовать улучшению результатов женщин на рынке труда и повышению их доходов в регионе.
 - ❖ **Развитие потенциала стран в части сбора и анализа данных с разбивкой по полу для целей гендерного анализа** и повышения качества социальной политики и программ. Национальным статистическим службам необходимо усовершенствовать сбор данных с тем, чтобы обеспечить полноценный учет гендерных аспектов в макроэкономических исследованиях. В частности, для полной оценки гендерного неравенства необходимо больше информации об использовании времени мужчинами и женщинами с учетом конкретной ситуации.

- ❖ **Развитие механизмов оценки воздействия предлагаемых мер политики** по гендерным (а также другим социальным и экологическим) аспектам. Оценка воздействия имеет ключевое значение для совершенствования основанных на достоверной информации систем для обеспечения гендерного равенства.
- ❖ **Наращивание инвестиций в сельское хозяйство и развитие сельских регионов.** В странах рассматриваемого региона гендерное неравенство, как правило, острее всего проявляется в сельских регионах, где многие женщины заняты неоплачиваемым трудом в сельскохозяйственном производстве. Повышение производительности труда в сельском хозяйстве крайне важно с точки зрения сокращения гендерного неравенства в сельских регионах.
- ❖ **Использование возможностей, открывающихся в связи с формированием «зеленой экономики», для создания рабочих мест в целях сокращения отраслевой сегрегации.** Многие страны региона имеют прочную базу для использования возможностей, открывающихся в связи с формированием «зеленой экономики», для создания рабочих мест в целях сокращения отраслевой и секторальной сегрегации по признаку пола (OECD, 2011). Однако для реализации этого потенциала будут необходимы соответствующие инвестиции в образование.
- ❖ **Поддержка женщин-предпринимателей.** Усилия в поддержку развития женского предпринимательства и доступа женщин к механизмам налаживания коммерческих связей и контактов и кредитным ресурсам принесут пользу всем странам региона.
- ❖ **Содействие тому, чтобы численное соотношение женщин, избираемых и (или) назначаемых на руководящие должности в органах государственного управления (и на предприятиях), было справедливым во всех странах региона.** Для решения проблем гендерного неравенства в регионе необходимо содействовать справедливому пропорциональному представительству женщин в политических процессах и на руководящих должностях. Кроме того, следует предпринимать усилия, направленные на поощрение участия женщин на избираемых и (или) назначаемых должностях с учетом демографического состава их электората.
- ❖ **Борьба с гендерными стереотипами.** Кампании по борьбе с сексистскими стереотипами, которые демонстрируют положительные, успешные ролевые модели для женщин и мужчин могут не только укрепить уверенность в способностях женщин, но и ослабить гендерные предрассудки, лежащие в основе сегрегации в образовании и секторальной сегрегации.

Обзор ситуации

Вопросы экономического роста страны и гендерного равенства тесно взаимосвязаны. Тем не менее, в то время как усиление гендерного равенства способствует экономическому росту, экономический рост не обязательно ведет к гендерному равенству. В этой связи активные меры, направленные на решение проблем гендерных дисбалансов, должны стать центральной темой диалога по вопросам политики, ориентированной на инклюзивный рост и сокращение бедности и неравенства. Это особенно важно, поскольку гендерное неравенство частично пересекается, а нередко и усиливает пагубные последствия иных форм неравенства по признакам возраста, этнической принадлежности, расы, инвалидности, рода деятельности и дохода.

Данная глава посвящена проблемам гендерного неравенства в сфере труда и занятости в регионе, причем особый акцент сделан на участии мужчин и женщин на рынке труда и их вознаграждении, а также на факторах, которые влияют на эти параметры. В Докладе о человеческом развитии ПРООН за 2015 год «Труд во имя человеческого развития»¹⁸ говорится, что понятие труда выходит за рамки работы, участия на рынке труда и вознаграждения мужчин и женщин и включает работу по уходу за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями, добровольную и творческую работу, которая может содействовать росту личного и общественного благополучия. В настоящей главе анализируются факторы, которые влияют на способности и возможности человека и гендерное равенство в сфере труда. К ним относятся образование, здоровье, обязанности по дому, участие в политической жизни, нормативно-правовые базы, а также социальные нормы и традиции. Кроме того, в главе описываются гендерные тенденции, которые прослеживаются при анализе стратегий адаптации, таких как миграция.

За последние 25 лет все страны региона прошли через значительные политические, экономические и социальные изменения, многие из которых были вызваны переходом от социалистического уклада экономики к рыночным принципам. Кроме того, вооруженные конфликты оставили долговременные социальные, политические и экономические последствия. Эти изменения повлияли на гендерный баланс в регионе (где от социалистического прошлого было унаследовано относительное равенство мужчин и женщин), в некоторых случаях ухудшив его. В этот период Турция также переживала радикальные политические и экономические изменения, которые обеспечили снижение зависимости страны от сельского хозяйства и усиление диверсификации ее экономики. Однако в Турции не наблюдалось относительное гендерное равенство, которым характеризовались другие страны региона в начале переходного этапа. Несмотря на экономический рост и важные социальные изменения в Турции, значительное гендерное неравенство остается масштабным вызовом для страны.

Таким образом, несмотря на различия в историческом и ином контексте, гендерное неравенство является серьезной и постоянно растущей проблемой в экономической, социальной и политической жизни всех стран региона. Хотя регион выгодно отличается от многих других частей развивающегося мира по параметру индекса гендерного развития ПРООН, на сегодняшний день женщины сталкиваются со значительным неравенством по сравнению с мужчинами, особенно в отношении доходов и доступа к рынку труда. Уровни экономической активности женщин по-прежнему ниже, чем в случае мужчин, причем в рассматриваемом регионе эта разница гораздо больше, чем в развитых странах. Занятость женщин также, как правило, характеризуется

более низким уровнем защищенности; кроме того, женщины недостаточно представлены и среди нанимателей, и среди наемных работников. В странах, характеризующихся высокими уровнями самозанятости, среди неоплачиваемых членов семьи, помогающих вести бизнес, больше женщин, чем мужчин. Во всех странах региона женщины по-прежнему зарабатывают существенно меньше, чем их коллеги мужского пола. Помимо вызовов в сфере труда, которые связаны с дискриминацией, разницей в оплате труда, существованием невидимых «стеклянных потолков» и «стеклянных стен», женщины региона также выполняют большую долю неоплачиваемой работы по уходу за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями в своих семьях и домашних хозяйствах, что нередко ограничивает их возможности на рынке труда.

Женщины-предприниматели сталкиваются с более существенными препятствиями для доступа к финансовым, кредитным ресурсам и новым технологиям и, как правило, имеют менее развитую сеть коммерческих связей и контактов. В сельском хозяйстве женщины реже являются собственниками земли, чем мужчины. Им обычно принадлежат более мелкие участки земли, и занимают они чаще натуральным сельскохозяйственным производством.

В большинстве стран региона отраслевая сегрегация в сфере занятости определена

в законодательном порядке. Несмотря на внедрение многих международных правовых положений, эти нормы не всегда исполняются. Во многих странах отсутствуют правовые положения и меры политики, необходимые для того, чтобы запретить дискриминацию и защитить права женщин (Dokmanovich, 2008). Сохранение (или возрождение) гендерных предрассудков и традиционных подходов к гендерным ролям создает дополнительную угрозу для прав женщин в общественной и частной жизни.

В настоящей главе показано, что гендерное неравенство ограничивает перспективы инклюзивного роста в регионе. В ней говорится, что в интересах стимулирования человеческого развития, реализации глобальной Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и достижения Целей в области устойчивого развития приоритетной задачей для всех стран региона должно стать сокращение гендерного неравенства. Цели в области устойчивого развития признают гендерное равенство в качестве неотделимого элемента устойчивого развития и определяют по меньшей мере 24 четкие задачи и показатели, связанные с гендерными аспектами. Более того, многие Цели в области устойчивого развития ориентированы на один или несколько аспектов труда, а взятые вместе, они могут усилить положительные и ослабить негативные взаимосвязи между вопросами труда и человеческого развития.

Вставка 10. «Гендерное равенство»

«Гендерное равенство означает равенство прав, обязанностей и возможностей для женщин и мужчин, девочек и мальчиков. Равенство не означает, что между женщинами и мужчинами стираются все различия; оно означает, что права, обязанности и возможности мужчин и женщин не должны зависеть от того, к какому полу принадлежит человек. Гендерное равенство предполагает учет интересов, потребностей и приоритетов как женщин, так и мужчин при признании разнообразия существующих групп женщин и мужчин. Гендерное равенство – это не просто «женский вопрос»; оно в одинаковой мере касается и полностью охватывает как мужчин, так и женщин. Равенство женщин и мужчин рассматривается не только как вопрос прав человека, но как условие и показатель устойчивого и ориентированного на людей развития.»

Стратегия по обеспечению гендерного равенства ПРООН на 2014-2017 годы

Гендерное равенство и устойчивое развитие

Под понятием «гендер» понимаются социально укоренившиеся, определенные культурой роли, модели поведения, виды деятельности и характеристики, которые определенное общество считает правильными для мужчин и женщин. Предложенное ПРООН определение гендерного равенства основывается на международно признанных правах человека, нормах и стандартах (вставка 10: UNDP, 2014b). Используемые в данной главе методологические подходы опираются на три сходящиеся тенденции в теориях развития, гендерных исследованиях и феминистской экономике:

- **Парадигма человеческого развития** измеряет развитие с помощью более широких показателей, чем доход и подчеркивает значимость расширения выбора человека во всех сферах жизни, включая работу. В мире повсеместно сохраняется неравенство в сфере труда в форме различий между оплачиваемым и неоплачиваемым трудом, квалифицированными и неквалифицированными работниками, капиталом и трудом, мигрантами и гражданами, а также между мужчинами и женщинами. В результате гендерного распределения ролей и обязанностей в семьях и сообществах мужчины и женщины имеют неравные возможности и получают неравное вознаграждение, что закрепляет гендерное неравенство.
- **Новая институциональная теория экономики** применяет количественные данные и эконометрические методы для изучения неденежных и нерыночных проблем классической институциональной теории, которые на протяжении десятилетий игнорировались экономистами. Новая институциональная теория экономики подчеркивает тот факт, что рыночная экономика встраивается в комплекс частично накладывающихся систем, включая правовую, политическую систему и систему социальных институтов. Гендерный аспект этих взаимосвязей может оказаться особенно важен для объяснения различий в воздействии институциональных аспектов

экономических тенденций на мужчин и женщин.

- **Феминистская экономика** включает вопросы роли женщин и гендерных отношений в концептуальные системы, используемые для анализа экономики. В рамках феминистской экономики утверждается, что, например, за счет внедрения комплексных гендерных подходов следует обеспечить выявление социально-экономических различий между полами и обязательный учет при оценке воздействия мер политики возможности того, что они могут оказывать разное влияние на мужчин и женщин и властные отношения между ними. Отражение неоплачиваемого труда женщин в национальном экономическом учете является одним из примеров внедрения комплексных гендерных подходов. Учет гендерных аспектов при планировании бюджетов также подразумевает проведение анализа государственных расходов с тем, чтобы удостовериться, что меры политики, ориентированные на решение других социальных или экономических вопросов, не противоречат интересам гендерного равенства, а, напротив, поощряют его (Elson, 1996).

Региональный контекст

Несмотря на, в целом, высокие уровни образования в регионе сохраняются значительные гендерные различия в участии на рынке труда. В странах Южного Кавказа и Центральной Азии женщины зарабатывают до 50 процентов меньше, чем мужчины. Женщины в сельских регионах особенно остро ощущают неравенство в связи с низким уровнем развития инфраструктуры, отсутствием базовых услуг и неравным доступом к земельным ресурсам, имуществу и активам. Несмотря на совершенствование законодательства, по-прежнему широко распространено насилие по отношению к женщинам и девочкам. Все больше женщин встречается среди мигрантов, а миграция является важной особенностью региона. Женщины, работающие в качестве домашней прислуги, (во многих случаях без контракта) составляют значительную часть миграции в рамках региона (UNDP, 2013).

Возможно, что измерение социальных норм и убеждений, которые определяют восприятие

Вставка 11. Труд, пол и Цели в области устойчивого развития

Практически все Цели в области устойчивого развития касаются определенных аспектов труда. В сфере труда женщины сталкиваются с широким распространением форм неравенства внутри их домашних хозяйств и за их пределами. В рассматриваемом регионе, как и в остальных регионах мира, повсеместно наблюдаются гендерные дисбалансы, включая различия в общем количестве рабочего времени для мужчин и женщин, в распределении обязанностей по уходу за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями, в оплачиваемой работе и доходах, в представительстве мужчин и женщин в профессиях, в достигаемых ими уровнях ответственных и руководящих должностей и рисках, с которыми они сталкиваются. Женщины нередко находятся в социально ущемленном положении как работники в формальном и неформальном секторе, при случайной занятости и при выполнении неоплачиваемой работы в экономике ухода. Гендерные аспекты можно выявить во всех Целях в области устойчивого развития и задачах в части вопросов неоплачиваемого труда, равных возможностей, верховенства закона и условий труда

Неоплачиваемый труд

Во всех странах Восточной Европы и Центральной Азии женщины работают больше, чем мужчины: имеющиеся данные показывают, что они выполняют практически в два с половиной раза больше неоплачиваемой работы по дому и уходу, чем мужчины.¹⁹ При сокращении времени, которое женщины тратят на неоплачиваемую работу по дому и уходу, можно облегчить их нагрузку и содействовать их выходу на рынок труда. Нагрузка, которую несут женщины по выполнению работы по уходу за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями, отчасти объясняет, почему среди мелких фермеров и производителей продовольствия больше женщин, чем мужчин.

Признавая социальную ценность неоплачиваемой работы по дому и уходу, задача ЦУР 5.4 определяет основы для роли государственной политики в развитии инфраструктуры, государственных услуг и мер социальной защиты, нацеленных на поддержку неоплачиваемой работы по уходу, что обеспечивает перераспределение обязанностей по выполнению неоплачиваемой работы между семьей и обществом. Другие задачи (в рамках, например, ЦУР 2, 5, 6 и 7) также служат отправными точками для сокращения гендерного неравенства в сфере неоплачиваемой работы:

- 2.3: Удвоить продуктивность сельского хозяйства и доходы мелких производителей продовольствия.
- 5.4: Признавать и ценить неоплачиваемый труд по уходу и работу по ведению домашнего хозяйства.
- 6.1: Обеспечить всеобщий доступ к безопасной и недорогой питьевой воде.
- 7.1: Обеспечить всеобщий доступ к недорогому, надежному энергоснабжению за счет экологически чистых источников.

Равные возможности

Ряд задач в рамках Целей в области устойчивого развития решают структурные проблемы, лежащие в основе гендерного неравенства возможностей, особенно в части различий в образовании и равной оплаты за труд равной ценности.

- 4.2: Обеспечить для женщин и мужчин равный доступ к высшему образованию.
- 4.5: Ликвидировать гендерное неравенство в сфере образования.
- 8.5: Обеспечить полную и производительную занятость и достойную работу для женщин и мужчин и равную оплату за труд равной ценности.
- 10.3 Обеспечить равенство возможностей и уменьшить неравенство результатов (путем отмены дискриминационных законов, политики и практики и содействия принятию соответствующего законодательства, политики и мер в этом направлении).

¹⁹ Оценки ПРООН на основе имеющихся данных по результатам обследований использования времени.

Гендерное неравенство в сфере труда и занятости

- 10.2 Поддержать законодательным путем и поощрять активное участие всех людей в социальной, экономической и политической жизни независимо от их возраста, пола, инвалидности, расы, этнической принадлежности, происхождения, религии и экономического или иного статуса.
- 10.4 Принять соответствующую политику, особенно бюджетно-налоговую политику и политику в вопросах заработной платы и социальной защиты, и постепенно добиваться обеспечения большего равенства.
- 16.7 Обеспечить ответственное принятие решений репрезентативными органами на всех уровнях с участием всех слоев общества.
- 16.9: К 2030 году обеспечить наличие у всех людей законных удостоверений личности, включая свидетельства о рождении.
- 16.b Поощрять и проводить в жизнь недискриминационные законы и политику в интересах устойчивого развития.

Верховенство закона и нормативно-правовые системы

ЦУР 16 касается вопросов верховенства закона и доступа к правосудию для всех, в то время как ЦУР 1 (которая призывает положить конец нищете во всех ее проявлениях повсеместно) предполагает более четкую кодификацию экономических прав. Обе эти цели включают важные гендерные аспекты.

- 1.4 Обеспечить, чтобы все имели равные права на экономические ресурсы, а также доступ к базовым услугам, владению и распоряжению землей и другими формами собственности, наследуемому имуществу и т.д.
- 1.b Создать на национальном, региональном и международном уровнях надежные стратегические механизмы, в основе которых лежали бы стратегии развития, учитывающие интересы бедноты и гендерные аспекты, для содействия ускоренному инвестированию в мероприятия по ликвидации нищеты.
- 16.3 Содействовать верховенству права на национальном и международном уровнях и обеспечить всем равный доступ к правосудию.

Условия труда

Ряд задач в рамках Целей в области устойчивого развития решают проблемы, связанные с условиями труда. Они особенно важны для женщин, которые непропорционально часто сталкиваются с рисками на рабочих местах в условиях работы на заводах и при выполнении неквалифицированного труда.

- 5.2: Ликвидировать сексуальную эксплуатацию женщин и девочек.
- 8.5: Обеспечить равную оплату за труд равной ценности.
- 8.7: Искоренить принудительный труд, покончить с современным рабством и торговлей людьми и обеспечить запрет и ликвидацию детского труда.
- 8.8: Защищать трудовые права и содействовать созданию безопасных условий труда (для трудящихся-мигрантов, женщин-мигрантов).
- 3.9 и 12.4: Сократить количество случаев смерти в результате воздействия опасных химических веществ и добиться экологически рационального использования отходов.

Хотя надежную статистику неформальной занятости найти сложно, достижение Целей в области устойчивого развития в рамках задачи 5.2, например, позволило бы положить конец сексуальной эксплуатации около четырех миллионов женщин и девочек в мире.

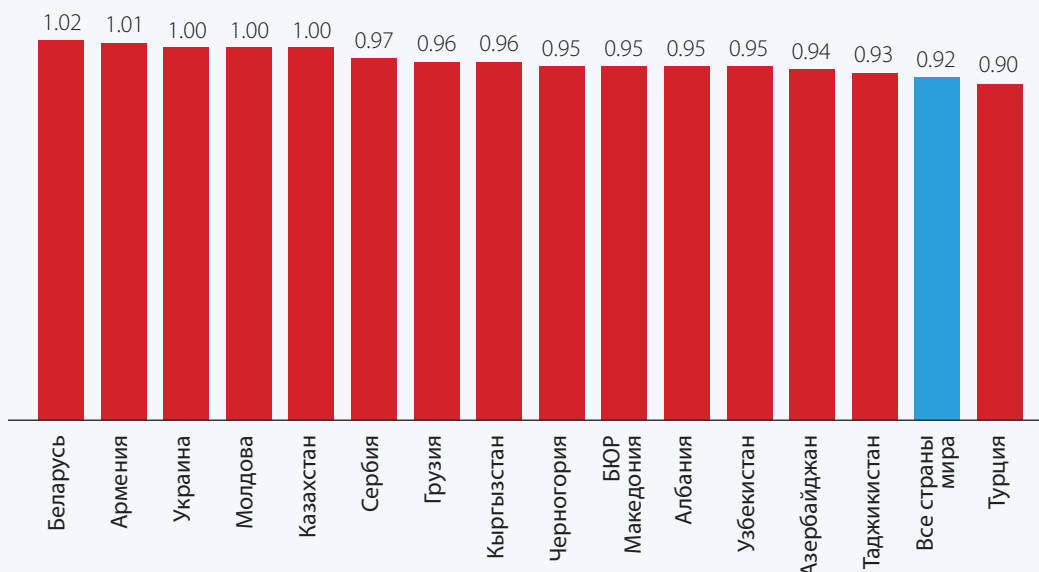
гендерных ролей, является сложной задачей, однако они оказывают большое влияние на гендерное неравенство. Неравный доступ женщин к социальному капиталу или их ущемленное положение в сети контактов и связей, которые составляют социальный капитал (что в одних странах региона более заметно, чем в других), являются и симптомами, и причинами гендерного неравенства (Addis et al., 2016).

Судя по Индексу гендерного развития ПРООН, который измеряет гендерную разницу в уровне человеческого развития по параметрам здоровья, образования и жизненного уровня, рассматриваемый регион (за исключением Турции) характеризуется умеренными уровнями гендерного неравенства (рисунок 42). Аналогичный вывод можно сделать при анализе Индекса гендерного неравенства, который измеряет репродуктивное здоровье и гендерные различия по параметрам расширения прав и возможностей и экономического статуса (рисунок 43).

Однако наблюдаются существенные и важные расхождения и различия между странами с учетом их относительного положения в зависимости от того, какой показатель используется. Страны Южного Кавказа имеют

относительно более низкие результаты по Индексу гендерного неравенства, что связано с их сравнительно низкими уровнями репродуктивного здоровья и представительства женщин в политической сфере. По странам Западных Балкан, напротив, отмечаются намного более высокие значения Индекса гендерного неравенства, что отражает более высокий уровень результатов по параметрам репродуктивного здоровья и более широкое представительство женщин в политической сфере. С другой стороны, их относительно слабые позиции по Индексу гендерного развития отражают более значительные гендерные различия в сфере человеческого капитала. По Турции и странам Центральной Азии отмечаются относительно низкие значения обоих индексов. Хотя по западным странам СНГ наблюдается противоположная картина, значения Индекса гендерного развития для этих стран (а на самом деле – для всех стран СНГ, кроме Армении) искажены в связи с относительно высокими уровнями смертности среди мужчин.

Рисунок 42. Рейтинг стран региона по индексу гендерного развития (2015 год)

Примечание: Балльное значение 1,0 подразумевает идеальный уровень гендерного равенства. Балльные значения более 1,0 отражают тот факт, что в некоторых сферах человеческого развития (например, ожидаемая продолжительность жизни) женщины достигли более значительных результатов, чем мужчины.²⁰

Источник: Отдел по подготовке Доклада о человеческом развитии ПРООН.

²⁰ Относительно высокие балльные значения ИПР по странам СНГ отчасти являются следствием того, что средняя ожидаемая продолжительность жизни среди мужчин во всех этих странах (за исключением Армении) ниже среднемирового уровня. Судя по этим данным, ожидаемая продолжительность жизни среди женщин ниже среднего уровня только в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, причём разница в показателях для женщин и мужчин значительно меньше в этих странах.

Гендерное неравенство и рынки труда в регионе

Гендерное неравенство в регионе начинается с уровня экономической активности населения. Согласно данным Всемирного банка, представленным на рисунке 44, в случае проживающих в регионе женщин значительно ниже вероятность, в отличие от мужчин, что они работают (либо занимаются активными

поисками работы). По данным, имеющимся за 2000-2014 годы, средний уровень экономической активности женщин в регионе составлял всего лишь 72 процента от уровня экономической активности мужчин. Ситуация в разных частях региона существенно различается: соотношения участия женщин на рынке труда к участию мужчин варьируются по субрегионам в диапазоне от более 0,8 в западных странах СНГ до менее 0,4 в Турции.²¹ В то время как в Центральной Азии и западных странах СНГ показатели участия женщин на рынке труда (в соотношении с показателями участия мужчин) снизились вследствие финансового кризиса

2008-2009 годов, в странах Южного Кавказа, Западных Балкан и в Турции произошло их увеличение. Отчасти этому способствовал эффект «дополнительного работника-женщины» – стратегии по преодолению кризиса, в соответствии с которой члены домашних хозяйств женского пола выходят на рынок труда в случае потери работы другим членом домашнего хозяйства (Khitarishvili, 2013).

Аналогичные тенденции наблюдаются в случае уровней занятости с разбивкой по полу (рисунок 45): в 2000-2014 годы уровни занятости женщин в регионе в среднем были на 29 процентов ниже уровней занятости мужчин. В то время как показатели доли работающих женщин (по сравнению с долей работающих мужчин) в Центральной Азии и западных странах СНГ сократились вследствие финансового кризиса 2008-2009 годов, произошло их увеличение в странах Южного Кавказа, Западных Балкан (а также в Турции). Как и в случае экономической активности населения, уровни занятости женщин в Турции остаются намного ниже показателей по мужчинам, а также показателей

по женщинам в остальной части региона.

В противоположность этому, данные по безработице в регионе с разбивкой по полу показывают совершенно иную картину (рисунок 46). В Центральной Азии показатель женской безработицы неизменно остается примерно на 12-13 процентов выше, чем показатель мужской безработицы, причем значительных колебаний не наблюдается. Однако за средними показателями по субрегионам стоят значительные различия между странами: уровень женской безработицы примерно на 50 процентов выше мужской в Казахстане, но в Таджикистане уровень женской безработицы на 15-20 процентов ниже мужской. В 2000-2014 годы в странах Южного Кавказа уровень женской безработицы превышал мужскую приблизительно на 10-20 процентов. Однако в то время как уровень женской безработицы был значительно выше мужской в Армении и Азербайджане, совершенно иная ситуация наблюдалась в Грузии. В регионе Западных Балкан все страны из числа бывших югославских республик сообщили о стабильно более высоком уровне женской безработицы в сравнении с мужской: уровень женской безработицы в Сербии обычно превышал мужскую на треть. С другой стороны, значительные колебания данных показателей в этот период заметны в Албании. И хотя большинство турецких женщин не стремятся к участию на рынке труда, те, кто все же участвуют, сталкиваются с усиливающимися трудностями в поиске работы, причем как в целом, так и в сравнении с мужчинами. Во всех западных странах СНГ уровень женской безработицы, напротив, оставался на стабильно значительно более низком уровне в сравнении с мужской.

Неравенство на рынках труда также проявляется в промышленной и секторальной сегрегации по признаку пола. Как показано на рисунке 47, в отличие от мужчин, женщины в значительно меньшей степени заняты в промышленности (в которой производительность труда и доходы значительно выше средних показателей по стране). Только в Бывшей Югославской Республике Македония доля женщин, занятых в промышленности (от общего числа занятости женщин), которая составляет 28 процентов, достаточно близка к доле мужчин, занятых в этой отрасли (34 процента). В большинстве других государств этого региона соотношение показателей занятости женщин и мужчин в промышленности ниже 0,5 (т.е. доля женщин,

Меры, направленные на решение проблем гендерных дисбалансов, должны стать центральной темой диалога по вопросам политики, ориентированной на инклюзивный рост и сокращение бедности и неравенства

²¹ Т.е. на каждые 100 мужчин, выходящих на рынок труда в Турции, приходится менее 40 экономически активных женщин. Отношение 1,0 означало бы, что коэффициенты экономической активности женщин и мужчин совпадают.

заняты в промышленности, составляет менее половины доли мужчин, занятых в отрасли). В Турции, Южном Кавказе и в большинстве стран Центральной Азии, напротив, доля работников-женщин, занятых в сельском хозяйстве, в подавляющем большинстве случаев выше доли занятых в этой отрасли мужчин.

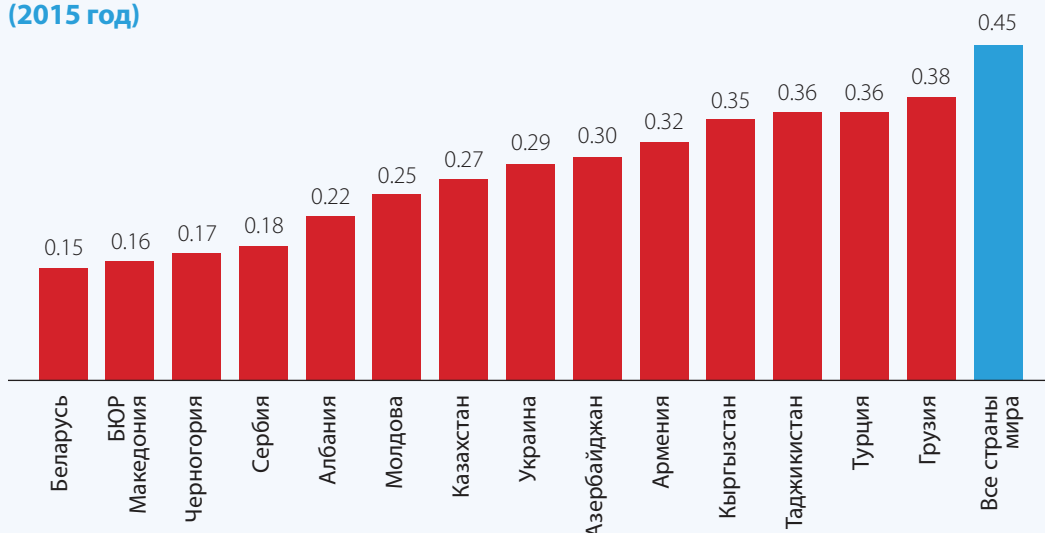
Несмотря на то, что эти примеры сегрегации отражают многочисленные факторы, значительное влияние на ситуацию оказывают законодательные ограничения прав женщин на формальную занятость в ряде отраслей (в основном, отраслей промышленности). Согласно проведенному недавно исследованию Всемирного Банка, в 11-ти государствах Южного Кавказа, западных стран СНГ и Центральной Азии присутствуют «наиболее существенные в сравнении с другими странами мира ограничения на работу для женщин, которые закрывают для них доступ ко многим профессиям».²² В Казахстане закон не допускает женщин к 299 видам трудовой деятельности, в Беларуси – к 182. Подобные ограничения не только не справедливы по отношению к работникам-женщинам, но и ограничивают возможности этих стран в полной мере пользоваться преимуществами потенциала человеческого развития граждан своей страны женского пола.

Рост частного сектора зачастую рассматривается как фактор, способствующий

созданию рабочих мест в странах с переходной экономикой. Однако потенциал частного сектора с точки зрения улучшения занятости весьма неоднороден по региону, поскольку его доля в обеспечении занятости варьируется от 75 процентов в Армении, Азербайджане, Грузии и Кыргызской Республике до 46 процентов в Туркменистане. Вместе с тем, в занятости в частном секторе, как правило, широко представлена самозанятость и использование неоплачиваемого труда членов семьи, что относится к уязвимым формам занятости, которые в наибольшей степени распространены среди женщин.

Вместе с тем, женщины сыграли важную роль в развитии частного сектора региона. Во многих западных странах СНГ, странах Южного Кавказа и Центральной Азии среди собственников предприятий женщины составляют одну треть и более (от общего числа собственников предприятий)²³. Несмотря на более низкий процент женщин на руководящих должностях, данный показатель увеличивается, что свидетельствует о большей вовлеченности женщин в формальном секторе экономик этих стран. Управляемые женщинами фирмы также, как правило, нанимают больше сотрудников женского пола. Например, данные по Грузии за 2009 год свидетельствуют о том, что доля сотрудников полной занятости женского пола в компаниях, принадлежащих женщинам, составляла почти 60 процентов в

Рисунок 43. Рейтинг стран региона по индексу гендерного неравенства (2015 год)

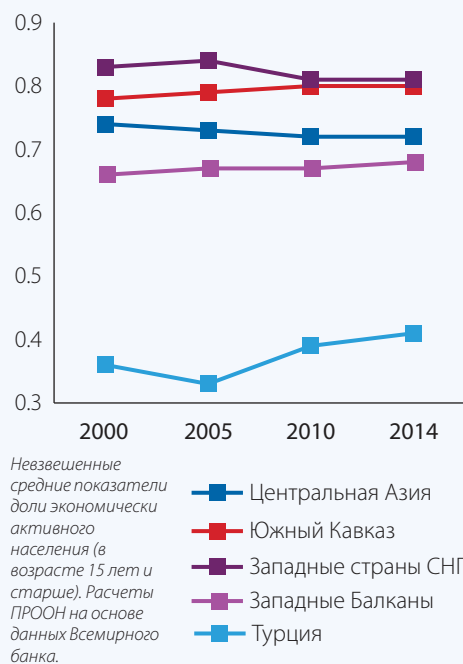
Примечание: Более высокие балльные значения предполагают более высокие уровни гендерного неравенства.

Источник: Отдел по подготовке Доклада о человеческом развитии ПРООН.

²² Доклад Всемирного банка: World Bank, "Women, Business and the Law" (2016). Только в Армении отсутствуют законодательно установленные различия между женщинами и мужчинами во всех сферах, рассмотренных в докладе. <http://www.worldbank.org/en/news/press-release/2015/09/09/europe-and-central-asia-region-makes-big-strides-in-gender-equality-but-extensive-job-restrictions-remain-says-wbg-report>.

²³ Проводимое Всемирным банком обследование предприятий. Есть некоторые исключения: в Азербайджане в 2013 году женщины составляли лишь 4,1 процента собственников предприятий, а в Албании – только 12,5 процента.

Рисунок 44. Отношение уровней экономической активности женщин и мужчин, по субрегионам (2000-2014 годы)

сравнении с 31 процентами в компаниях, где собственниками являлись не женщины. Это означает, что компании, которыми владеют и руководят женщины, обладают более высоким потенциалом для роста женской занятости. Тем не менее, женское предпринимательство является, скорее, необходимостью, чем бизнес-возможностью. Управляемые женщинами фирмы, как правило, менее крупные, что обуславливает их относительно слабые экономические показатели. Это может объясняться ограниченным доступом женщин к кредитным ресурсам, более слабыми коммерческими связями и более высокой склонностью избегать рисков.

Помимо того, что высокие показатели самозанятости и предпринимательства среди женщин в большинстве стран региона можно интерпретировать как признаки коммерческой активности, они также отражают высокую долю занятости рабочей силы в сельском хозяйстве (как отмечалось выше). При этом существуют значительные различия между мужчинами и женщинами по видам занятости в сельскохозяйственной сфере. В Беларуси преобладает оплачиваемый труд,

Рисунок 45. Отношение уровней занятости женщин и мужчин, по субрегионам (2000-2014 годы)

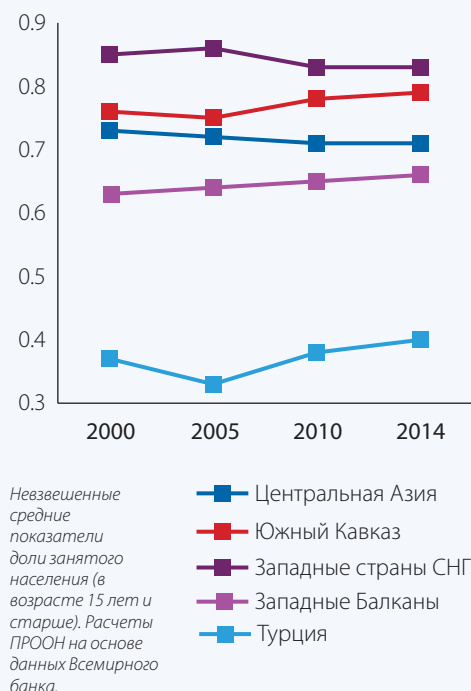

Рисунок 46. Отношение уровней безработицы среди женщин и мужчин, по субрегионам (2000-2014 годы)

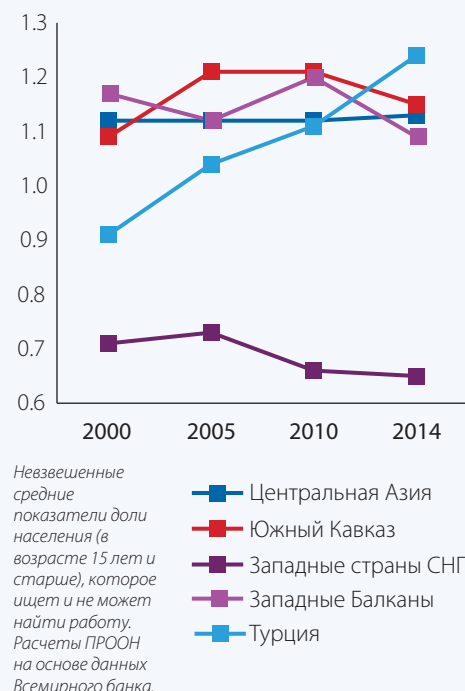
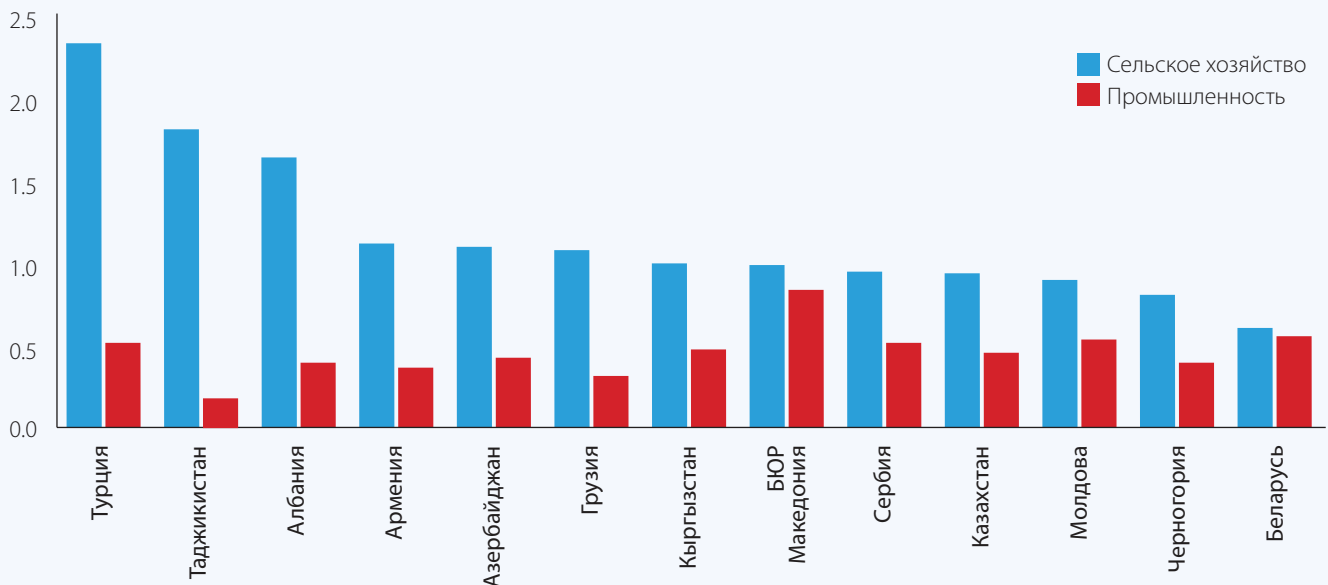

Рисунок 47. Отношение работников женского пола к работникам мужского пола, по секторам (среднегодовые показатели, рассчитанные за годы, за которые есть данные)

Доля занятости женщин в секторах (в общей занятости женщин) по отношению к доле занятости мужчин в этих секторах (в общей занятости мужчин). Расчеты ПРООН на основе гендерных данных Всемирного банка.

доля которого составляет 74 процента среди женщин в сравнении с 87 процентами среди мужчин. В Армении, Азербайджане, Грузии и Молдове частные фермеры и неоплачиваемые члены семьи, занятые в семейном бизнесе, составляют значительную долю занятого в сельскохозяйственной сфере населения, причем эта доля выше среди женщины. Мужчины и женщины также занимаются разными видами сельскохозяйственной деятельности: согласно данным исследования по молдавским фермам за 2009 год, 75 процентов женщин считали выращивание овощей своей прямой обязанностью, в то время как 66 процентов мужчин концентрировали усилия на создающей более высокую добавленную стоимость деятельности по разведению виноградников. Возможно, наиболее важным фактором является то, что перспективы женского предпринимательства в сельскохозяйственной среде также ограничены относительно скромной ролью женщин в качестве землевладельцев.

Определяющие факторы гендерного неравенства

Человеческий капитал и образование.

Гендерная специализация в сфере образования

является главной причиной такой отраслевой сегрегации. Во всех странах региона охват начальным образованием является всеобщим, а уровни охвата составляют практически 100 процентов для обоих полов. Вместе с тем, в Таджикистане и Турции уровни охвата женщин начинают снижаться и становятся ниже показателей по мужчинам, начиная со средней школы, причем такое падение ускоряется на уровне образования выше среднего (рисунок 48). В Узбекистане и Туркменистане показатели охвата женщин образованием выше среднего также резко падают (в сравнении с данными по мужчинам). В большинстве других стран региона, напротив, охват женщин высшим образованием намного выше, чем среди мужчин. В частности, в странах Западных Балкан охват женщин образованием выше среднего почти в полтора раза выше, чем мужчин.

Более того, эти данные по охвату не показывают важные различия в гендерной специализации по дисциплинам. В большинстве республик бывшего Советского Союза женщины составляли свыше двух третей выпускников ВУЗов по специальностям в сфере образования, здравоохранения и социального обеспечения. Доходы в этих отраслях, как правило, довольно скромные; многие женщины, получившие подготовку в этих сферах, не имеют особого

*Все государства и экономики бывшей Югославии (на фото изображена сельская предпринимательница в Косово *) постоянно отмечают более высокие показатели занятости у женщин, чем у мужчин. Фото: Arben Llapashtica / ПРООН*

выбора альтернативного трудоустройства, кроме работы, для которой они имеют слишком высокую квалификацию, и которая недостаточно высоко оплачивается. С другой стороны, женщины недостаточно представлены в программах подготовки студентов ВУЗов в области машиностроения, обрабатывающей промышленности и строительства, которые дают более привлекательные перспективы. (В Азербайджане женщины составляют только 20 процентов студентов ВУЗов, готовящих специалистов в этих сферах). В этой связи для решения проблем отраслевой сегрегации на рынке труда, возможно, потребуется более глубокое понимание факторов, которые способствуют гендерным дисбалансам в сфере высшего образования.

Использование времени. Гендерное неравенство с точки зрения участия на рынке труда и занятости также является следствием обязанностей по дому и уходу, которые находятся преимущественно в сфере ответственности женщин. Они также могут способствовать усилению неравенства результатов на рынке труда. Будучи зачастую невидимым и непризнанным, неоплачиваемый труд по уходу за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями имеет громадную ценность для человеческого

развития, учитывая его центральное положение для индивидуального и социального благополучия. Несмотря на то, что измерение величины и экономической стоимости неоплачиваемого труда представляет серьезную методологическую проблему, вполне очевидно, что сокращение объема работы по уходу и других видов неоплачиваемого труда способно улучшить возможности женщин в получении образования, занятости и заработка и, таким образом, обеспечить более высокий уровень человеческого развития.

Существуют значительные гендерные различия в соотношении неоплачиваемого рабочего времени, в особенности, в уходе за детьми. Обследования использования времени в развивающихся странах свидетельствуют о том, что на долю женщин приходится 75 процентов времени, которое тратится их домашними хозяйствами на неоплачиваемые виды работы (UNDP, 2016). Наблюдаются также сильные различия в соотношении между неоплачиваемым рабочим временем в сельской местности и в городах. Согласно имеющимся данным по результатам обследований использования времени, эти тенденции также характерны и для рассматриваемого региона (таблица 6). В соответствии с этими данными, в 2008 году в Армении в сравнении с мужчинами

затраты времени женщин на неоплачиваемый труд были в пять раз больше, в то время как в Азербайджане – в три раза больше. В Молдове, с другой стороны, это соотношение составляло 1,5, что ниже, чем в среднем по ОЭСР. В странах Западных Балкан, в частности, в Албании, затраты времени на обучение обоих полов были одинаковыми, хотя женщины затрачивали больше времени на неоплачиваемую работу в сравнении со средними показателями по ОЭСР (данные обследования Института статистики Албании за 2010–2011 годы). На фоне низких показателей уровня трудового участия женщин в Турции, как показали исследования, женщины страны тратили только два часа в день на оплачиваемую деятельность. Как утверждает Захариас и др. (Zacharias et al., 2014), уровень бедности с учетом нехватки времени среди женщин в Турции почти в два раза выше, чем среди мужчин (37 процентов против 70 процентов).

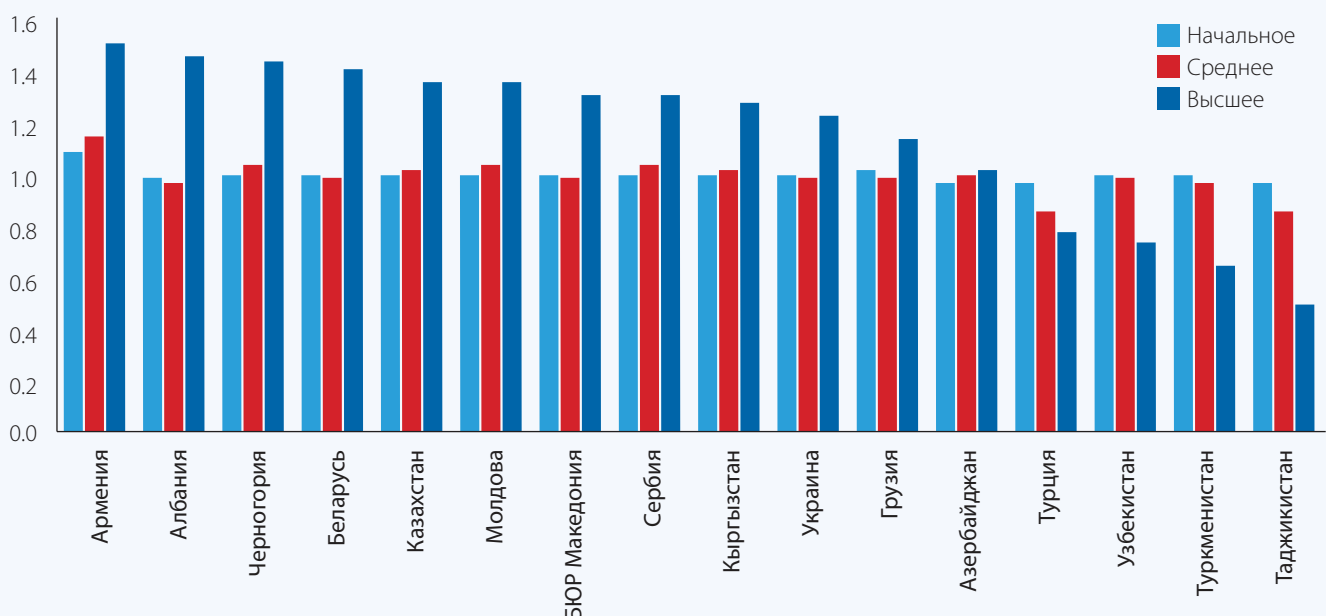
Данные по странам Кавказа, западным государствам СНГ и Центральной Азии также свидетельствуют о меньшем расхождении между мужчинами и женщинами в использовании времени в сельской местности в отличие от городских условий. Это не обязательно означает, что мужчины и женщины

в сельской местности в более равной степени разделяют заботы о домашнем хозяйстве; возможно, женщинам из числа сельских жителей приходится совмещать уход за детьми с иными видами деятельности, такими как обработка приусадебного участка. Вместе с тем, данные по Молдове свидетельствуют о том, что проживающие в сельской местности родители уделяют меньше внимания вопросам развития и образования детей, что усиливает потенциал региональных различий в показателях образования детей.

Данные, приведенные в таблице 6, подчеркивают важность ассигнований на пособия на детей и обеспечение государственными услугами по уходу за ребенком в целях улучшения, среди прочего, доступа женщин к рынку труда и повышения их доходов (Buvinić et al. 2013). Имеются также свидетельства того, что государственные программы дошкольного образования могут и непосредственно способствовать занятости, и стимулировать сопутствующий рост спроса на рабочие места в сфере ухода. Иллкараджан и др. (Ilkcaracan et al., 2015), Антонопулос и Ким (Antonopoulos and Kim, 2011) установили,

В странах Южного Кавказа и Центральной Азии женщины зарабатывают до 50 процентов меньше, чем мужчины.

Рисунок 48. Коэффициенты охвата образованием с разбивкой по полу в регионе (за последний год, по которому имеются данные)

Отношение охвата женщин к охвату мужчин. Расчеты ПРООН (среднегодовые показатели, за последний год, по которому имеются данные) на основе базы гендерных данных Всемирного банка.

В Центральной Азии показатель женской безработицы неизменно остается примерно на 12-13 процентов выше, чем показатель мужской безработицы.

что расширение сферы социального ухода также может ускорять создание достойных рабочих мест и бороться с бедностью (вставка 12). Предоставление услуг по уходу за

детьми может способствовать не только развитию оплачиваемой занятости женщин, но и женского предпринимательства, так как это дает возможность женщинам расширять свою коммерческую деятельность и, тем самым, решать проблему ограничений, связанных с малыми размерами бизнеса.

Миграция. Отсутствие возможностей для трудоустройства и военные конфликты вынудили многие семьи мигрировать в поисках путей преодоления кризиса за пределы и внутри страны. В ряде государств это привело к миграции за рубеж, по меньшей мере, 20 процентов населения. Миграция имеет широкий диапазон различных гендерных эффектов: от влияния на статус занятости других членов домашних хозяйств, до смены гендерных ролей и стереотипов в рамках домашних хозяйств, усиления рисков торговли людьми и эксплуатации, влияния на показатели образования и развития детей.

Гендерные показатели миграции сильно отличаются как в межстрановом сравнении, так и в рамках одной страны. Как правило, большинство трудовых мигрантов Центральной

Азии составляют мужчины. Что касается других стран, то в них усилилась женская миграция, причем гендерные характеристики миграции сильно различаются по странам назначения и происхождения. Например, несмотря на преобладание женщин среди мигрантов из Молдовы, молдавские мигранты, следующие в Италию, представлены преимущественно мужчинами. В то же время среди украинских мигрантов в Италии подавляющее большинство составляют женщины. В Грузии, хотя вероятность миграции выше среди мужчин, чем среди женщин, в ряде регионов страны преобладает женская миграция. Более того, очевидно, что причиной увеличения доли женщин-мигрантов стал кризис 2008 года (Danzer, 2014).

Гендерный состав внутренней миграции зависит от страны. В частности, в Узбекистане более двух третей внутренних мигрантов – мужчины, в то время как в Украине внутренняя миграция в большей степени характерна для женщин. Женщин и мужчин вынуждают к переезду разные причины. Так, до недавнего времени в Украине женщины переезжали в городские центры в целях обучения, в то время как мужчины мигрировали в поисках работы. В Узбекистане женщины из числа внутренних мигрантов более образованы в сравнении со средним показателем по стране.

Мужчины обычно мигрируют в поисках работы в традиционно мужских сферах деятельности, таких как строительство, а их приход на рынок

Уровень занятости женщин в Турции остается намного ниже уровня занятости мужчин. Фото: ПРООН

труда зачастую воспринимается местным населением как конкуренция, приводящая к снижению заработной платы и ухудшению условий труда. Женщины, с другой стороны, мигрируют в целях получения работы по дому и уходу в странах с недостаточно развитыми рыночными и государственными услугами. В этом случае женщины-мигранты подвергаются

более значительному риску эксплуатации, торговли людьми и насилия.

Последствия миграции для семей в стране происхождения носят противоречивый характер. С одной стороны, денежные переводы мигрантов могут повысить благосостояние семей в плане улучшения их рациона питания, покрытия их расходов на потребление и

Таблица 6. Оплачиваемое и неоплачиваемое рабочее время, по полу (часов в день)

Использование времени	Мужчины	Женщины	Соотношение женщин и мужчин
Оплачиваемая работа и учеба			
Армения (2004 год)	5.4	2.1	0.39
Армения (2008 год)	5.5	2.4	0.44
Азербайджан (2008 год)	4.7	1.7	0.36
Молдова (2011–2012 годы)	3.9	3.1	0.79
Кыргызская Республика (2005 год)	6	4	0.67
Казахстан (2006 год)	5	3	0.60
28 стран ОЭСР	5.5	3.6	0.65
Неоплачиваемая работа			
Армения (2004 год)	1.1	5.8	5.27
Армения (2008 год)	1.1	5.2	4.95
Азербайджан (2008 год)	2.1	6.1	2.90
Молдова (2011–2012 годы)	3.0	4.6	1.52
Кыргызская Республика (2005 год)	2	5	2.5
Казахстан (2006 год)	4	6	1.5
28 стран ОЭСР	2.3	4.6	2.00
Уход за детьми (основной вид деятельности)			
Армения (2004 год)	0.1	0.7	7.00
Армения (2008 год)	0.1	0.7	7.00
Молдова (2011–2012 годы)	0.3	0.7	2.3
Количество отработанных часов			
Армения (2004 год)	6.5	7.9	1.22
Армения (2008 год)	6.5	7.6	1.17
Азербайджан (2008 год)	6.8	7.8	1.15
Молдова (2011–2012 годы)	6.9	7.7	1.11
Кыргызская Республика (2005 год)	8	9	1.13
Казахстан (2006 год)	9	9	1
28 стран ОЭСР	7.8	8.2	1.05

Источники: OECD (2011b); Meurs and Slavchevska (2014); публикации «Женщины и мужчины» по каждой из стран.

Вставка 12. Инвестиции в инфраструктуру социального ухода в интересах создания рабочих мест (Ипек Иллкараджан, Киджонг Ким)²⁴

Из всех стран ОЭСР Турция характеризуется самым низким уровнем доступа к услугам ухода за детьми дошкольного возраста и дошкольного образования (социальный уход). Неслучайно в Турции также отмечается самый низкий по странам ОЭСР показатель участия женщин трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) на рынке труда, который составляет 34 процента или едва ли половину среднего по ОЭСР уровня. Для большинства матерей в Турции потенциальный денежный доход от оплачиваемой работы будет значительно меньше расходов на оплату услуг по уходу за детьми и бытовых услуг. Это отчасти объясняется нехваткой инвестиций в услуги в сфере социального обслуживания: государство тратит лишь 0,18 процента ВВП на такие услуги, в то время как средний показатель по странам ОЭСР равен 0,8 процента.

Помимо того, что такая ситуация усугубляет гендерное неравенство, нехватка инвестиций также снижает долгосрочный потенциал Турции в связи с сокращением рабочей силы и возможностей для развития детей. Однако менее известен тот факт, что расширение услуг социального ухода может также генерировать значительные краткосрочные экономические выгоды с точки зрения создания рабочих мест и сокращения гендерного неравенства и бедности.

Чтобы обеспечить повышение показателей Турции в части охвата услугами ухода за детьми дошкольного возраста и дошкольным образованием до средних по ОЭСР за счет расширения финансируемых государством программ ухода за детьми дошкольного возраста, потребовались бы расходы в объеме около 20,7 миллиарда турецких лир (в ценах 2014 года). Эти расходы позволили бы профинансировать создание 3,27 миллиона мест в рамках программ дошкольного образования и прямо или косвенно способствовали бы созданию 719 000 рабочих мест в сфере услуг социального ухода, что более чем в 2,5 раза превышает общее количество рабочих мест, которые были бы созданы при расходовании того же объема бюджетных средств на строительные / инфраструктурные проекты (290 000). По некоторым оценкам, 84 процента работников, принятых на эти рабочие места в сфере социального ухода, работали бы на основе постоянных контрактов с неограниченным сроком действия (в отличие от 25 процентов в строительстве); 85 процентов таких работников были бы охвачены программами социального обеспечения (в отличие от 30 процентов в строительстве).

Большинство таких рабочих мест в сфере социального ухода (73 процента) заняли бы женщины, в то время как в случае расходования этих средств на финансирование проектов в строительстве доля созданных рабочих мест для женщин составила бы лишь 6 процентов. Тем не менее, в абсолютном выражении расходование средств на финансирование сектора социального ухода все же позволило бы создать практически 200 000 рабочих мест для мужчин, что составляет 72 процента общей численности рабочих мест для мужчин которые были бы созданы при финансировании проектов в строительстве. Более значительная доля созданных в строительстве вакансий была бы занята безработными, однако в абсолютном выражении больше безработных было бы трудоустроено в случае расширения сферы социального ухода. Большинство принимаемых на такие рабочие места людей были бы женщины, которые до этого являлись экономически неактивными и занимались работой по дому.

В обоих случаях самое значительное увеличение доходов было бы обеспечено для домашних хозяйств, относящихся к наименее обеспеченным 40 процентам населения Турции. Однако если принимать во внимание влияние расширения сферы социального ухода на уровни экономической активности населения, инвестиции в развитие социального ухода имели бы более долговременный экономический эффект. Помимо

²⁴ Полный текст доклада см. по ссылке: www.levyinstitute.org/publications/the-impact-of-public-investment-in-social-care-services-on-employment-gender-equality-and-poverty-the-turkish-case; или <http://www.kaum.itu.edu.tr/en/wp-content/uploads/2015/09/raporson-eng.pdf>. См. также публикацию: Ilkkaracan, 2016, 2013.

создания источников дохода для лиц, занятых в расширенном секторе социального ухода, инвестиции в этот сектор также позволяют обеспечить экономическую активность родителей (матерей), которые в противном случае полный рабочий день занимались бы выполнением обязанностей по уходу. Программа, ориентированная на малообеспеченных матерей детей младшего возраста, могла бы содействовать сокращению относительного уровня бедности в Турции на 1,14 процентного пункта в сравнении с сокращением на 0,35 процентного пункта при финансировании проектов в строительстве.

И, наконец, в связи с тем, что инвестиции в услуги социального ухода позволяют создать больше рабочих мест более высокого качества в формальном секторе, чем финансирование проектов в строительстве, они могут генерировать больше доходов бюджета за счет налогов на доходы и социальное страхование, таким образом, снижая нагрузку на государственный бюджет на чистой основе. По некоторым оценкам, 75 процентов первоначальных ассигнований, которые потребовались бы для доведения расходов Турции на сферу социального ухода до уровней стран ОЭСР, в конечном итоге, вернутся в бюджет за счет роста поступлений от налогов, в то время как при финансировании проектов в строительстве этот показатель составил бы лишь 52 процента. Инвестиции в создание возможностей для достойной работы для женщин могут принести выгоду всем заинтересованным сторонам.

помощи при ведении бизнеса. В то же время миграция может вызывать серьезные нарушения в социальных взаимосвязях и системах обеспечения ухода в связи с тем, что переезд одного члена семьи вызывает изменения в разделении обязанностей в рамках домашнего хозяйства и ухода за детьми. Члены таких семей женского пола обычно принимают на себя более значительную часть дополнительных обязанностей по дому и уходу.

Как показывают данные по Армении, хотя после миграции мужчин на жен ложатся дополнительные обязанности, динамика властных отношений внутри домашних хозяйств меняется незначительно, а в ряде случаев гендерное неравенство усиливается. В сельских районах Таджикистана большинство домашних хозяйств с одним членом семьи – мигрантом состоят из женщин и детей. Почти половина этих женщин утратили контакт со своими мужьями или не получали денежных переводов от них на протяжении более пяти лет (ИОМ, 2009). Уязвимость этих домашних хозяйств, управляемых одинокими женщинами, может дополнительно усиливаться отсутствием доступа к земельным и экономическим ресурсам. Наряду с этим, мужская миграция меняет социальную динамику. Например, в Таджикистане высокие гендерные дисбалансы, вызванные гражданской войной 1990-х годов и мужской миграцией, привели к снижению

среднего возраста женщин, вступающих в брак, в результате чего многие девочки школьного возраста выходят замуж до окончания средней школы.

Эффективность мер миграционной политики снижается как в стране происхождения, так и в стране назначения, если они не учитывают гендерные аспекты миграции, в особенности, в части различий в участии мужчин и женщин в рыночной и нерыночной коммерческой деятельности, изменений в соотношениях рыночного и домашнего труда, а также специфических нужд женщин-мигрантов. К счастью, растет признание трудовых мигрантов-женщин в качестве критически важного ресурса для стран своего происхождения; присылаемые ими денежные переводы являются жизненно необходимыми для их детей, семей и местных общин. Вместе с тем, в то время как женщины-мигранты обеспечивают благодаря своей работе финансовую безопасность, для страны происхождения их миграция может создавать проблему недостатка лиц, способных осуществлять уход, которую следует надлежащим образом решать местным институтам.

Во многих западных странах СНГ, странах Южного Кавказа и Центральной Азии среди собственников предприятий женщины составляют одну треть.

Судя по всему, большинство трудовых мигрантов Центральной Азии составляют мужчины. Однако, что касается других стран, то в них усилилась женская миграция.

Здоровье, смертность и рождаемость.

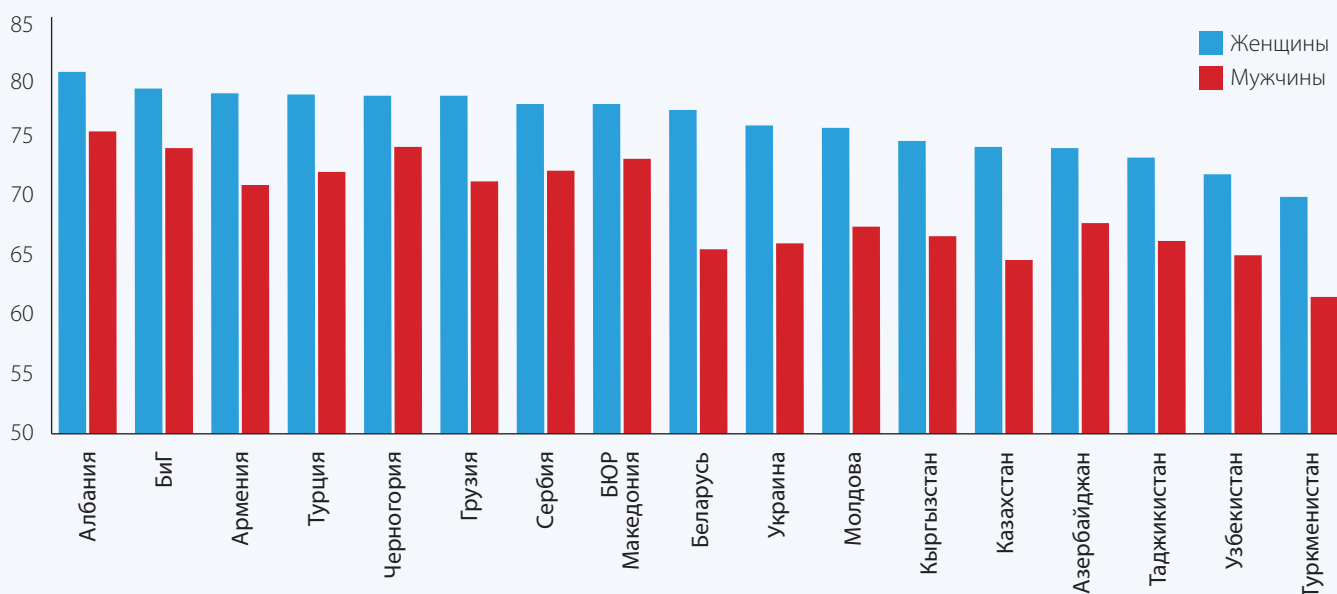
Согласно исследованиям, в ряде бывших социалистических стран региона результаты по показателям здоровья ухудшились в переходный период, по крайней мере, среди мужчин. После распада Советского Союза во всех странах Кавказа, западных странах СНГ и Центральной Азии (за исключением Азербайджана и Грузии) результаты по показателям здоровья среди мужчин, в особенности показатели ожидаемой продолжительности жизни, ухудшились в большей степени, чем среди женщин. В Беларуси ожидаемая продолжительность жизни среди мужчин только недавно вернулась к допереходному уровню, в то время как в Украине она остается ниже прежнего уровня. Как следствие, ожидаемая продолжительность жизни среди мужчин при рождении во всех странах СНГ, за исключением Армении, в 2014 году была ниже среднемирового показателя, составлявшего 69,5 лет (рисунок 49). Ожидаемая продолжительность жизни среди женщин при рождении во всех странах СНГ, за исключением Туркменистана и Узбекистана, в 2014 году,

напротив, соответствовала или была выше среднемирового уровня, составлявшего 73,7 лет. Таким образом, «основанная на гендерной принадлежности разница в ожидаемой продолжительности жизни» между мужчинами и женщинами, проживающими в регионе, (рисунок 50) значительно превышала среднемировой уровень (4,2 года) в большинстве республик бывшего Советского Союза.

Ухудшению результатов по показателям здоровья среди мужчин способствовал рост потребления алкоголя, что также может быть причиной более высокого уровня самоубийств. (В Беларуси случаи самоубийства среди мужчин встречаются в пять раз чаще, чем среди женщин). Мужчины в меньшей степени склонны обращаться за медицинской помощью и проходить профилактическое лечение; по данным исследований, проведенных в Казахстане и Узбекистане, мужчины составили только 18 процентов пациентов, обратившихся за первичной медико-санитарной помощью.

Несмотря на то, что результаты по показателям здоровья среди женщин в целом выглядят лучше, вырос уровень злоупотребления алкоголем и наркотиками среди женщин. Женщины реже пытаются избавиться от зависимости в случаях злоупотребления

Рисунок 49. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (в годах) для женщин и мужчин в регионе (2014 год)

Источник: Отдел по подготовке Доклада о человеческом развитии ПРООН.

Примечание: Среднемировой показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении составляет 73,7 года для женщин и 69,5 года для мужчин.

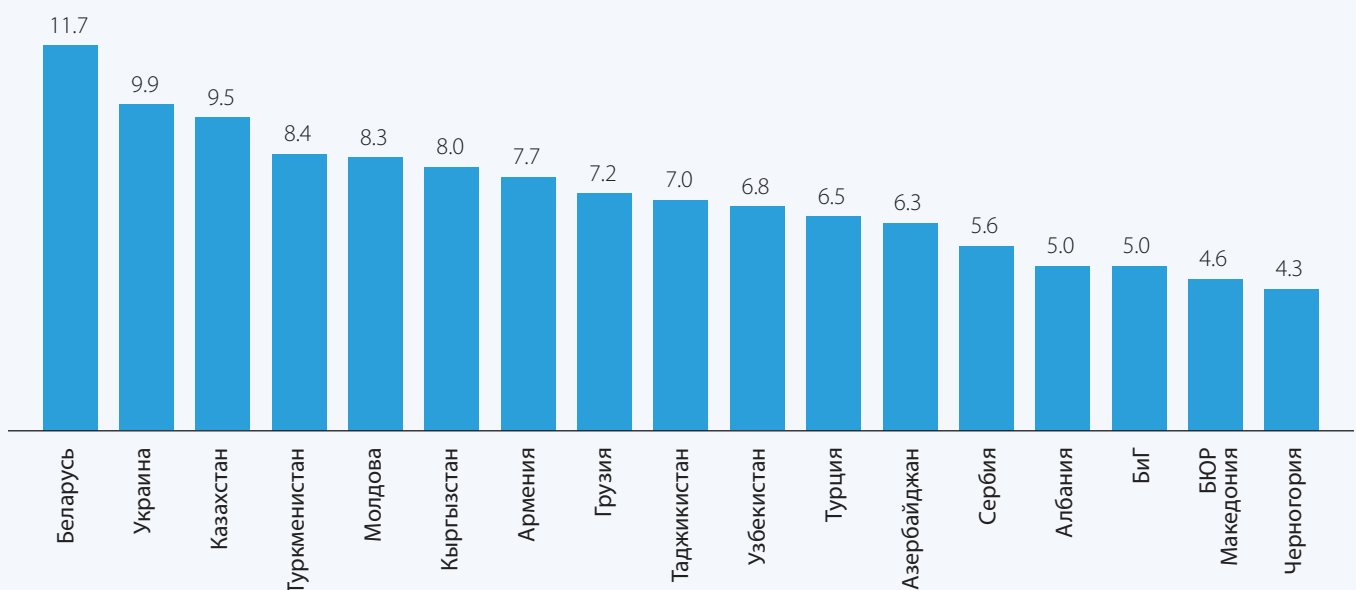
наркотиками. Они составляют лишь 2 процента людей, прошедших лечение от зависимости в Грузии, и 10 процентов – в Кыргызской Республике. Более того, ухудшение качества медицинского обслуживания после распада Советского Союза привело к резкому росту уровня материнской смертности во многих странах региона. К счастью, в последнее время в большинстве стран региона уровень материнской смертности снизился и сопоставим в лучшую сторону со среднемировыми показателями. С другой стороны, несмотря на некоторую стабилизацию ситуации в течение последних десяти лет, уровни рождаемости в большинстве стран региона остаются на уровне или ниже уровня восстановления, что свидетельствует о проблемах старения населения и сопутствующем им возрастании нагрузки на бюджет и сферу по уходу за пожилыми людьми.

Эта относительно благоприятная картина показателей здоровья и смертности среди женщин (в отличие от мужчин) не умаляет того факта, что женщины остаются жертвами домашнего насилия и страдают от гендерного неравенства в экономике и отсутствия равных возможностей. Она показывает сложную природу проблем, связанных с гендерными вопросами и вопросами развития в регионе.

Она также выдвигает аргументы против благоприятной на первый взгляд ситуации с соотношением смертности среди женщин и мужчин в регионе, поскольку относительно неплохие показатели по женщинам могут быть обусловлены скорее ухудшением ситуации у мужчин, чем собственными достижениями женщин.

На другом конце демографического спектра, начиная с 1990-х годов, в регионе происходит всплеск рождаемости мальчиков, особенно в станах Южного Кавказа, но также (в меньшей степени) в странах Западных Балкан (рисунок 51). Устойчивое предпочтение воспитывать сыновей привело к селекции по половому признаку, ставшей возможной благодаря доступности технологии ультразвуковых исследований и аборт. Этот гендерный дисбаланс при рождении развивается по шаблону, схожему с другими странами, в которых соотношение рождающихся мальчиков увеличивается сначала среди городских обеспеченных жителей, а затем продолжает расти среди бедных слоев населения или сельских жителей. Хотя это может отчасти объясняться «восстановлением» после высокой мужской смертности вследствие войн 1990-х годов, следует отметить, что данные показатели несколько выше в Черногории и Албании

Рисунок 50. Разница (в годах) между ожидаемой продолжительностью жизни женщин и мужчин в регионе (2014 год)

Расчеты ПРООН на основе данных, предоставленных отделом по подготовке Доклада о человеческом развитии ПРООН. Примечание: Среднемировой показатель разницы между ожидаемой продолжительностью жизни при рождении для женщин и мужчин в 2014 году составил 4,2 года.

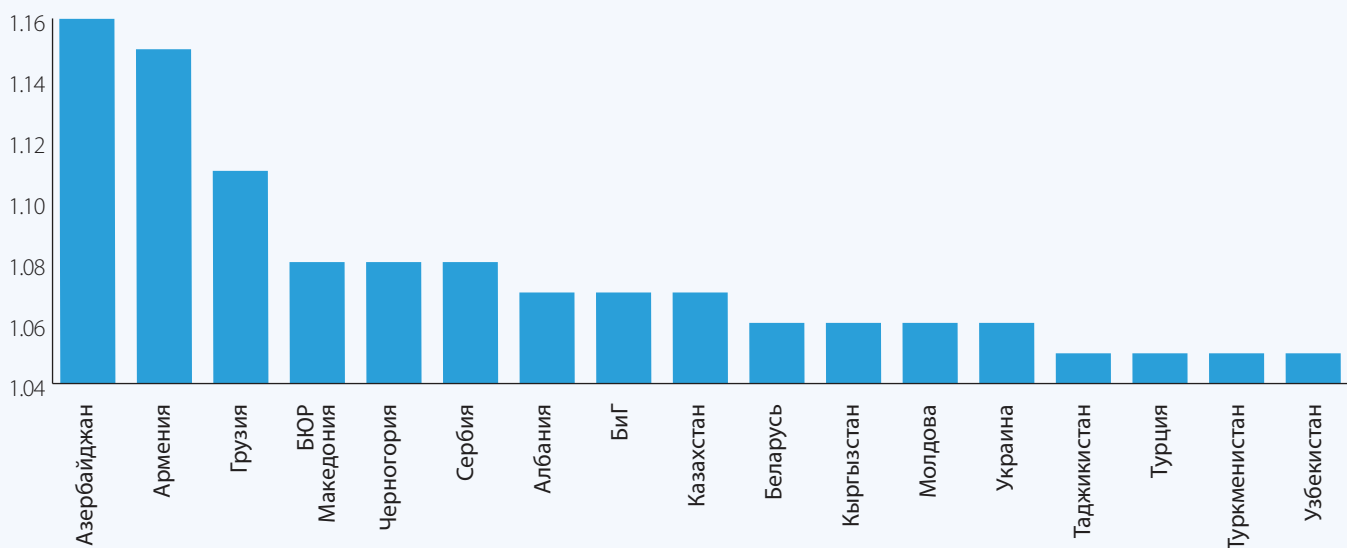
Гендерное неравенство в сфере труда и занятости

(странах, не особенно затронутых войнами 1990-х годов), чем в Боснии и Герцеговине (где последствия были тяжелыми).

Участие в политической жизни и расширение прав и возможностей. Несмотря

на предпринимаемые меры, направленные на искоренение в регионе гендерной дискриминации, женщины недостаточно широко представлены как в политической сфере, так и в органах управления. Выявление и устранение препятствий, стоящих на

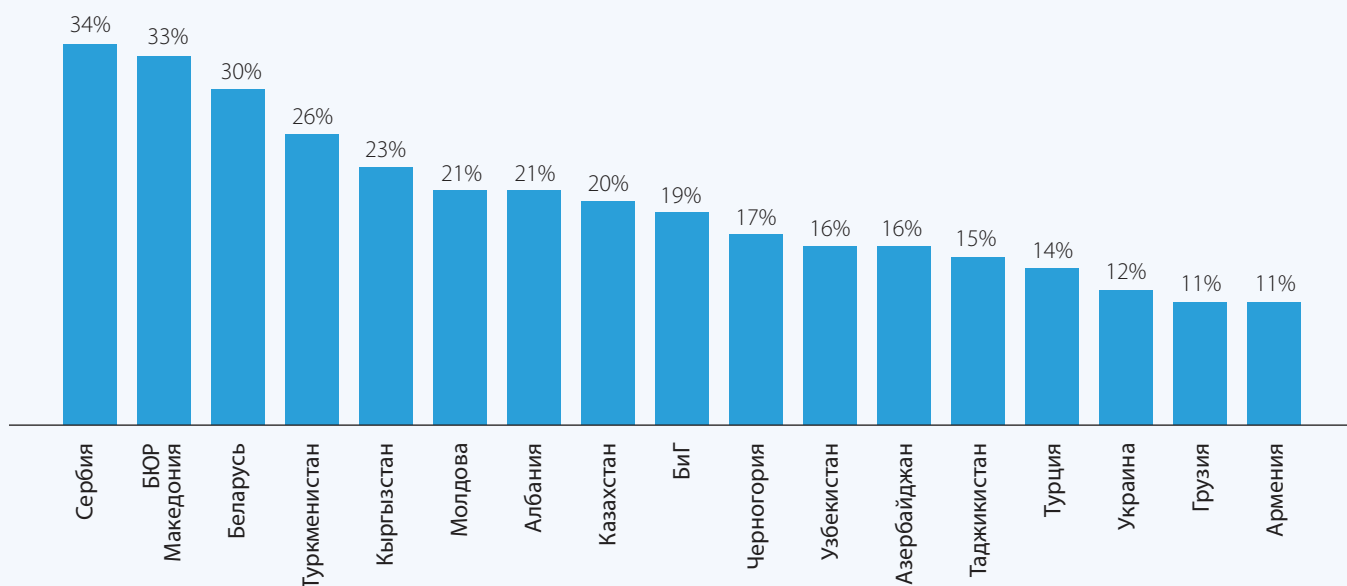
Рисунок 51. Относительные коэффициенты рождаемости мужчин и женщин в регионе (2012 год)

Источник: <<Gender Statistics Highlights from the 2012 World Development Report>>, Всемирный банк

Примечание: «Нормальным» с биологической точки зрения считается коэффициент 1,05.

Рисунок 52. Доля мест в национальных парламентах, занимаемых женщинами (2014 год)

Источник: Отдел по подготовке Доклада о человеческом развитии ПРООН.

Примечание: Среднемировое значение составляет 22 процента.

пути женщин к более активному участию в общественной жизни и принятии решений, может сыграть важную роль в процессе содействия женщинам в определении более эффективной политики. Как показано на рисунке 52, в большинстве стран региона (по состоянию на 2014 год) доля женщин среди членов парламента была ниже среднемирового показателя (22 процента).

Несмотря на то, что расширение участия женщин в политической жизни является ключевым аспектом равенства в контексте политического представительства и принятия решений, разработка стратегических программ с учетом гендерных потребностей остается общей задачей как для мужчин, так и для женщин, ответственных за разработку политики. Более того, ни женщины, ни мужчины не являются однородной группой, и занимающие в парламенте места женщины не могут представлять все сегменты населения. Так, в Узбекистане все женщины-парламентарии либо имеют профессии из области «ораторства»,

либо получили специализированную профессиональную подготовку, в то время как в Грузии 67 процентов женщин-политиков являются государственными служащими.

Определение специфических причин, не позволяющих женщинам занимать выборные должности, ответственные и высокие посты или участвовать в процессе принятия решений, является ключевым моментом в улучшении качества их участия в процессе определения политики (см. вставку 13). Неравное разделение домашнего труда может создавать у женщин недостаток времени, необходимого для участия в деятельности гражданского общества. Женщины зачастую располагают малой частью необходимого для политической карьеры социального капитала. Определенную роль в этом могут играть также отсутствие уверенности, культурные ожидания, нехватка соответствующих ролевых моделей и социальное давление, понуждающее к следованию традиционным гендерным ролям.

Вставка 13. Гендерное равенство и участие женщин в политической жизни в Кыргызской Республике

Когда в апреле 2010 года в Кыргызстане начались беспорядки и гражданский конфликт, политическая элита страны обратилась к Розе Отунбаевой, бывшему Министру иностранных дел и руководителю крупнейшей оппозиционной партии в Парламенте, с просьбой предотвратить катастрофу. В последующие месяцы по результатам свободных и честных выборов г-жа Отунбаева была избрана Президентом страны, возглавила общенациональную кампанию за конституционные реформы и привлекла помощь со стороны доноров в размере нескольких миллионов долларов. Г-жа Отунбаева ушла с поста по истечении срока своих полномочий, став первым (и пока что единственным) президентом страны в Центральной Азии, добровольно оставившим свой пост. С тех пор она занимается общественной работой и участвует в деятельности гражданского общества, в том числе отстаивая гендерное равенство в Кыргызской Республике и в регионе.

Пример г-жи Отунбаевой – это выразительное напоминание о том, что в политике, как и в любой другой сфере женщина нередко может справиться с работой лучше всего. Однако несмотря на политическую активность г-жи Отунбаевой и ее присутствие в качестве ролевой модели, а также несмотря на принятие обширного законодательства по вопросам гендерного равенства в Кыргызской Республике, в стране сохраняется проблема гендерного неравенства. В течение первых 15 лет независимости страны число женщин-парламентариев сократилось с нескольких человек до нуля (см. ниже). Благодаря введению в 2005 году гендерных квот на представительство в Парламенте представительство женщин среди членов Парламента частично восстановилось. Однако на настоящий момент женщины составляют лишь пятую часть депутатов Национального парламента Кыргызской Республики, а на местном уровне их представительство в законодательных органах еще ниже.

Национальный парламент Кыргызской Республики		Представительные органы власти на местах	
Год выборов	Доля женщин-депутатов	Год выборов	Доля женщин-депутатов
1995	5%		
2000	7%	1998	14%
2005	0%	2004	16%
2007*	26%	2008	14%
2010*	22%	2012	13%
2015*	20%		

*Действует механизм гендерных квот.

Аналогичная картина наблюдается и в исполнительной ветви власти Кыргызской Республики. Доля женщин в органах государственного управления Кыргызстана выросла с одной трети до почти половины в период 1995-2000 годов, но с тех пор она упала до около 40 процентов. На сегодняшний день на долю мужчин приходится почти три четверти назначений на высшие политические должности в стране и 90 процентов должностей в местных органах управления.

Эти результаты объясняются рядом факторов (включая и традиционные взгляды на роль женщин в политике). Однако исследования, проведенные ПРООН, женскими и другими организациями в Кыргызской Республике, указывают на то, что ограниченный доступ к средствам для финансирования кампаний также сужает и перспективы женщин в политической сфере. Следовательно, сокращение обусловленных гендерными факторами препятствий для доступа к финансовым средствам может улучшить позиции женщин в сфере политики, а также в бизнесе и экономике.

Выводы и рекомендуемые меры политики

Гендерное неравенство ограничивает перспективы устойчивого и инклюзивного роста в регионе. Это особенно очевидно в случае рынка труда: показатели участия женщин на рынке труда и уровня их занятости по-прежнему ниже показателей для мужчин; занятость женщин также обычно характеризуется более низким уровнем защищенности; кроме того, женщины недостаточно представлены и среди наемных работников, и среди нанимателей. В странах, характеризующихся высокими уровнями самозанятости, среди членов семьи, помогающих вести бизнес, как правило, непропорционально много женщин. Во всех странах региона женщины по-прежнему зарабатывают существенно меньше, чем их коллеги мужского пола, а женщины-предприниматели сталкиваются с более существенными препятствиями для доступа к кредитным ресурсам и, как правило, имеют менее развитую сеть коммерческих связей и контактов. В сельском хозяйстве женщины реже являются собственниками земли, чем мужчины. Им обычно принадлежат более мелкие участки земли, и занимаются они, как правило, натуральным сельскохозяйственным производством. В большинстве стран региона правовые ограничения ведут к гендерной сегрегации в сфере занятости. Такие модели не только ограничивают возможности женщин в полной мере реализовать свой потенциал, но и отражают недостаточное использование человеческого потенциала половины населения региона. Сокращение такого гендерного неравенства должно стать первоочередной задачей для всех стран региона, если они хотят ускорить достижение Целей в области устойчивого развития.

Некоторые страны региона добились успеха в совершенствовании нормативно-правовой базы для обеспечения улучшения экономического положения женщин. Беларусь и Грузия реализовали шаги, направленные на укрепление системы льгот для родителей; в Таджикистане проведены реформы в сфере ухода за детьми. Тем не менее, такие усилия в идеале должны стать частью всеобъемлющей и основанной на достоверной информации стратегии усиления гендерного равенства и развития, которая предусматривает расширение выбора

и развитие возможностей за счет приведения мер в части предложения в соответствие с мерами в части спроса в целях создания равных возможностей для приносящей доход занятости. Такие стратегии должны включать следующие элементы:

- **Ликвидация правовых и нормативных барьеров для расширения экономических прав и возможностей женщин.** Несмотря на успехи, достигнутые в этой сфере, по-прежнему распространены серьезные гендерные профессиональные ограничения, которые препятствуют участию женщин в сфере занятости и предпринимательства. Рекомендуется реализовывать активные меры политики, направленные на создание возможностей для получения образования, профессиональной подготовки и доступа к финансовым ресурсам, а также на защиту работников от эксплуатации (ЦУР 8, 10)
- **Реализация мер политики, направленных на решение проблем, связанных с обязанностями женщин по дому и уходу, чтобы обеспечить возможности для достойной занятости, повысить их производительность труда и доходы.** Сокращение нагрузки на женщин, связанной с неоплачиваемой работой по уходу за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями, в целях стимулирования их участия на рынке труда и в предпринимательской деятельности должно стать неотъемлемой частью стратегии сокращения гендерного неравенства. Программы предоставления доступных по цене и надежных услуг по уходу за детьми, пособий на детей и государственных услуг по уходу за детьми, а также политика предоставления равных прав мужчинам и женщинам на получение родительского отпуска по уходу за ребенком критически важны с точки зрения признания и перераспределения в рамках домашних хозяйств нагрузки, связанной с неоплачиваемой работой по уходу, а также с точки зрения улучшения результатов женщин на рынке труда и повышения их доходов (ЦУР 1, 5, 8).

- **Развитие потенциала стран в части сбора и использования данных с разбивкой по полу и возрасту для целей гендерного анализа.** Такие данные и анализ необходимы для разработки макроэкономической и социальной политики и программ с учетом гендерных аспектов. Для полной оценки гендерного неравенства необходимо значительно больше информации об использовании времени мужчинами и женщинами с учетом конкретной ситуации. Меры, предпринимаемые национальными статистическими службами, чтобы усовершенствовать сбор данных и обеспечить полноценный учет гендерных аспектов в макроэкономической политике, следует обеспечить надежной поддержкой со стороны государства и доноров (ЦУР 5, 17).
- **Развитие надежных механизмов оценки воздействия предлагаемых мер.** Оценка воздействия имеет ключевое значение для совершенствования основанных на достоверной информации систем для обеспечения гендерного равенства (ЦУР 17).
- **Повышение производительности и совершенствование условий труда в сельском хозяйстве и сельских регионах.** Значительная часть трудовых ресурсов региона занята в сельском хозяйстве при чрезмерной продолжительности и непредсказуемости рабочего времени и, как правило, низкой заработной плате и производительности. В сельских регионах пропорционально выше вероятность занятости женщин в качестве (неоплачиваемых) членов семьи, помогающих вести хозяйство. Повышение производительности труда и заработной платы, а также улучшение условий труда в сельском хозяйстве будет крайне важно с точки зрения сокращения гендерных дисбалансов в составе занятости в сельских регионах (ЦУР 2).
- **Использование возможностей, открывающихся в связи с формированием «зеленой экономики», для создания рабочих мест в целях сокращения отраслевой сегрегации.** Большинство стран региона имеют прочную базу для использования возможностей, открывающихся в связи с формированием «зеленой экономики», для создания рабочих мест в целях укрепления рынков труда и сокращения отраслевой сегрегации по признаку пола (OECD 2011). Развитие потенциала «зеленого сектора» и расширение использования альтернативных источников энергии может стимулировать рост возможностей для занятости женщин и учет мнений женщин в отношении моделей устойчивого роста. Однако для реализации этого потенциала будут необходимы соответствующие инвестиции в образование и развитие сбалансированной в гендерном отношении системы образования (ЦУР 4, 5, 8, 10).
- **Инвестиции в расширение возможностей и развитие умений женщин для занятия предпринимательством.** Усилия, направленные на расширение доступа женщин к механизмам налаживания коммерческих связей и контактов, кредитным ресурсам, рыночной информации, системам подготовки в области новых и цифровых технологий, а также другие меры по расширению возможностей женщин начать собственный бизнес и развивать его принесут пользу всем странам региона (ЦУР 1, 8).
- **Содействие тому, чтобы численное соотношение женщин, избираемых и (или) назначаемых на руководящие должности в органах государственного управления (и на предприятиях), было справедливым во всех странах региона.** Для решения проблем гендерного неравенства необходимо содействовать справедливому пропорциональному представительству женщин на политических руководящих должностях. Кроме того, следует предпринимать усилия, направленные на поощрение участия женщин на избираемых и (или) назначаемых должностях с учетом демографического состава их электората (ЦУР 5, 16).

► **Борьба с гендерными стереотипами**

за счет укрепления уверенности в способностях женщин и их уверенности в себе. Культурные кампании по борьбе с сексистскими стереотипами и предрассудками в отношении женщин (и мужчин) могут способствовать развитию моделей поведения, которые не ограничиваются рамками традиционных гендерных ролей и обеспечивают более справедливое распределение обязанностей и лидирующих ролей между полами в сфере труда, дома и в обществе. Продвижение женщин на заметные руководящие и ответственные должности в общественной и частной жизни, а также поощрение занятия мужчинами теми видами профессиональной деятельности, которые традиционно считаются женскими, крайне важно для изменения социальных норм и ликвидации гендерных предрассудков в социально-экономической и политической сфере (ЦУР 5, 10).

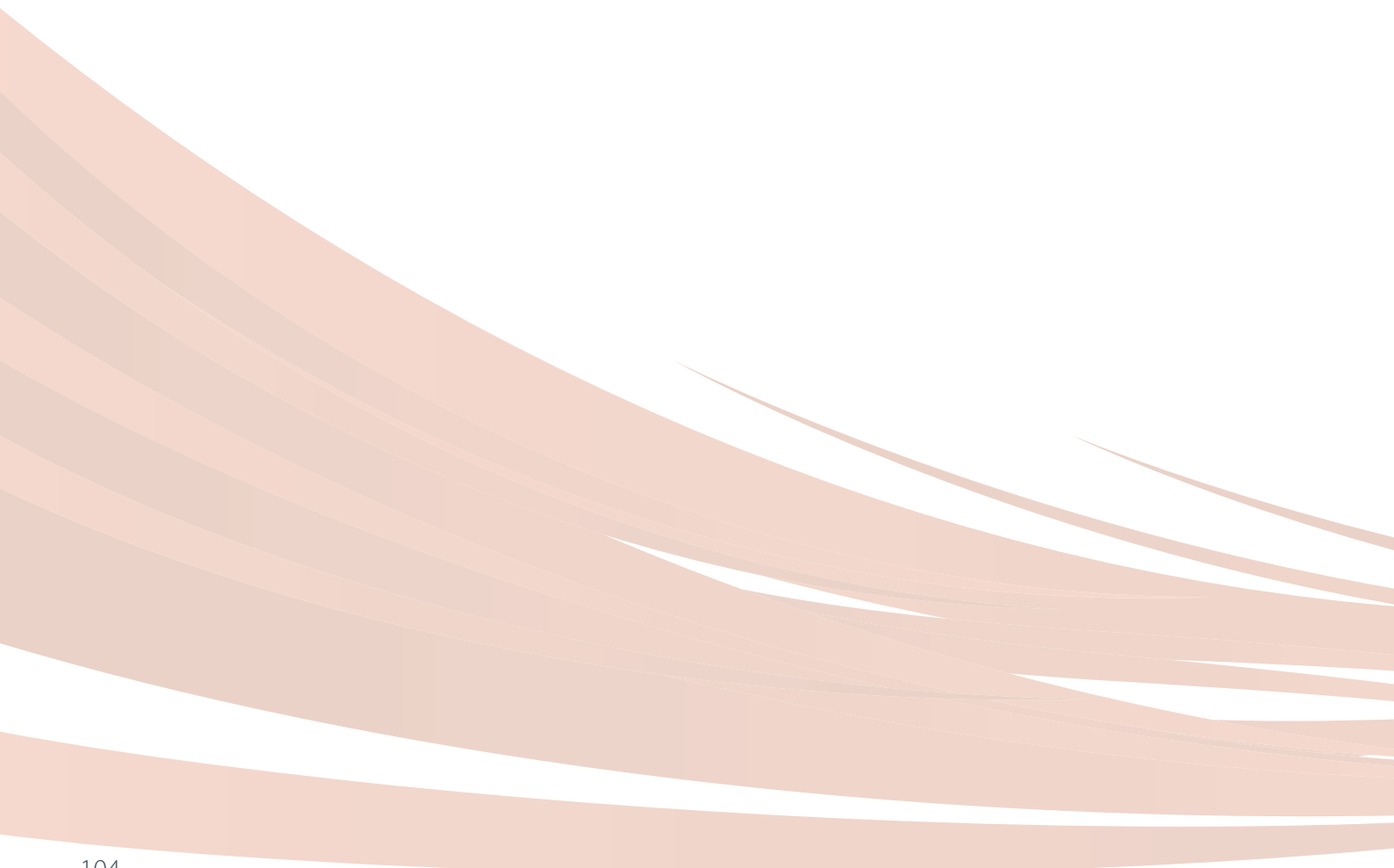

Фото: Milos Vujovic / ПРОВОД

Глава 4

Неравенство и здоровье

Основные тезисы

- **Результаты в сфере здоровья отражают социальные, экономические и экологические детерминанты здоровья и равенства по показателям здоровья в регионе.** В этой связи неравенство доступа к качественным и доступным по цене услугам здравоохранения относится к ключевым определяющим факторам более общей социально-экономической уязвимости. Однако обобщенные статистические данные по показателям здоровья не всегда отражают различия в уровне уязвимости к определенным нарушениям здоровья и доступе к услугам здравоохранения и, наконец, в результатах по показателям здоровья. Для понимания неравенства необходимо анализировать результаты по показателям здоровья по различным аспектам, включая пол, возраст, уровень образования, место жительства, социально-экономическое положение, этническую принадлежность, сексуальную ориентацию и принадлежность к маргинализированным группам, таким как мигранты, заключенные и т.д.
- **Профилактика неинфекционных заболеваний критически важна для сокращения преждевременной смертности и предупреждения других несправедливых результатов по показателям здоровья.** В большей части региона более половины случаев смерти от неинфекционных заболеваний среди мужчин относятся к числу случаев преждевременной смерти, что в значительной степени определяет относительно низкие показатели ожидаемой продолжительности жизни среди мужчин. В странах ЕС средняя вероятность преждевременной смерти от неинфекционных заболеваний составляет 15 процентов, в то время как в рассматриваемом регионе – 25 процентов (WHO, 2014).
- **Высокий и постоянно растущий уровень заболеваемости ВИЧ в регионе может служить представительной переменной, отражающей готовность государства и общества решать сложные, но важные проблемы социального исключения.** Его также можно рассматривать как следствие дискриминации таких групп риска, как потребители инъекционных наркотиков, заключенные и работники секс-индустрии.
- **Усилия, направленные на решение проблем, связанных с эпидемией ВИЧ / СПИДа в регионе, сталкиваются с серьезной ограниченностью финансирования,** которая в настоящее время может принять еще более острые формы, учитывая предполагаемое сокращение поступления средств доноров. Это будет усиливать зависимость финансирования национальных мер по борьбе с ВИЧ / СПИДом от систем социального обеспечения (а высокие ставки налогов, идущих на финансирование этих систем, являются главной причиной роста неформального сектора, что создает угрозу для социального вовлечения и финансовой стабильности систем здравоохранения во всех странах региона). Это подчеркивает особую важность доступа к услугам по профилактике и лечению ВИЧ.
- **К основным мерам политики и программ** для решения этих проблем относятся следующие:
 - ❖ **Формирование более инклюзивной правовой среды,** которая ставит на первое место не наказание и стигматизацию, а общественное здоровье и улучшение доступа социальных групп риска к правосудию;
 - ❖ **Решение проблем институализированной стигматизации и дискриминации,** в том числе посредством привлечения внимания работников правоохранительных органов и системы здравоохранения к потребностям людей, зараженных ВИЧ / СПИДом, а также подвергающихся риску заражения этими инфекциями;
 - ❖ **Вовлечение гражданского общества.** Следует усиливать значимость роли неправительственных организаций в информировании и обеспечении услугами с учетом того, что эти организации призваны дополнять (но не заменять собой) государственные услуги.

Социальные, экономические и экологические детерминанты здоровья

Социальное, экономическое и экологическое развитие не только определяет, но и служит отражением здоровья населения и распределения результатов по показателям здоровья. Хотя данный факт получил широкое признание, вопросы влияния социальных, экономических и экологических детерминант

здоровья и равенства по показателям здоровья редко в полной мере учитываются при определении и реализации политики в области развития. Это означает, что возможности максимизировать взаимодополняющие выгоды в области здоровья и развития нередко остаются незадействованными, что препятствует прогрессу в реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и ее ключевого принципа «не оставить никого в стороне» (Bell et al. 2014). Учитывая масштабы и замыслы Целей в области устойчивого развития, необходимо задействовать интегрированные подходы, глубокие взаимосвязи и общие элементы (UN, 2012). Для увеличения диапазона

Вставка 14. Здоровье-2020: Основы европейской политики в поддержку действий всего государства и общества в интересах здоровья и благополучия

В политике «Здоровье-2020» констатируется, что деятельность государства может успешно привести к реальному улучшению здоровья при условии работы всего государства, направленной на решение двух взаимосвязанных стратегических задач:

- Улучшение здоровья для всех и сокращение неравенств по показателям здоровья; и
- Совершенствование лидерства и коллективного управления в интересах здоровья.

Основы политики «Здоровье-2020» включают четыре приоритетные области стратегических действий:

- инвестирование в здоровье на всех этапах жизни человека и расширение прав и возможностей людей;
- решение наиболее актуальных проблем Европы, относящихся к неинфекционным и инфекционным заболеваниям;
- укрепление ориентированных на человека систем здравоохранения, потенциала охраны общественного здоровья, готовности к чрезвычайным ситуациям, эпиднадзора и реагирования; и
- повышение устойчивости местных сообществ к негативным воздействиям и создание поддерживающей среды.

Основы политики «Здоровье-2020» нацелены на достижение измеримых результатов в области здоровья в Европейском регионе. В этой связи государства-члены совместно сформулировали шесть региональных целей:

- Сократить преждевременную смертность;
- Повысить показатели средней ожидаемой продолжительности жизни;
- Сократить масштабы неравенства по показателям здоровья;
- Повысить уровень благополучия населения;
- Обеспечить всеобщий охват услугами и право на наивысший достижимый уровень здоровья;
- Установить национальные цели и задачи в отношении здоровья в государствах-членах

При посещении отдаленных районов Черногории, женщине оказывают медицинскую помощь. Место проживания остается определяющим фактором неравного доступа к медицинскому обслуживанию. Фото: Milos Vujovic / ПРООН

альтернативных вариантов за счет расширения возможностей и способностей людей при применении социально, экономически и экологически устойчивых подходов следует улучшить здоровье и благополучие сегодня, не ставя под угрозу перспективы развития в будущем. Для этого требуется объединить усилия всего государства и общества в поддержку усилий стран, направленных на внедрение подходов устойчивого развития, построение и укрепление систем инклюзивного и действенного демократического управления, усиление устойчивости к воздействиям.

Неравенство по показателям здоровья представляет собой систематически проявляющиеся предотвратимые и несправедливые различия между группами населения по показателям здоровья. Эта проблема находится в центре внимания диалога по вопросам политики на мировом и национальном уровне. Судя по международному опыту, в большинстве случаев неравенство по показателям здоровья можно предотвратить за счет мер, которые касаются социальных, экономических и экологических детерминант здоровья и опираются на пропорциональные универсалистские подходы (WHO, 2013). Однако обобщенные статистические данные о здоровье населения могут скрывать неравенство по показателям здоровья внутри стран, поскольку они не в состоянии

отразить различия в уровне воздействия социальных, экономических и экологических детерминант здоровья, подверженности риску и уязвимости к определенным нарушениям здоровья, доступе к услугам здравоохранения и, наконец, в результатах по показателям здоровья. Хотя страны региона традиционно представляют данные о здоровье с разбивкой по полу, что позволяет определить гендерное неравенство по показателям здоровья, данные с разбивкой по другим аспектам неравенства найти сложнее. Для реализации принципа «не оставить никого в стороне» требуются гораздо более дезагрегированные данные. Кроме того, для измерения прогресса потребуются качественные, доступные, своевременные и надежные данные (ECOSOC, 2016). Для понимания неравенства по показателям здоровья также необходимо анализировать результаты по показателям здоровья по различным аспектам неравенства, включая пол, возраст, уровень образования, место жительства, социально-экономическое положение, этническую принадлежность, сексуальную ориентацию и принадлежность к маргинализированным группам, таким как мигранты, заключенные и т.д.

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года нацелена на обеспечение здорового образа жизни, содействие благополучию для всех в любом возрасте и

**Степень подверженности
рискам для здоровья
зависит от сочетания
таких факторов,
как пол, этническая
принадлежность, возраст,
инвалидность.**

сокращение неравенства внутри стран и между ними в рамках ЦУР 3 и 10 соответственно. ЦУР 3 призывает положить конец эпидемиям СПИДа, туберкулеза, малярии и тропических болезней, которым не уделяется должного внимания, и обеспечить борьбу с гепатитом, заболеваниями, передаваемыми через воду,

и другими инфекционными заболеваниями; уменьшить преждевременную смертность от неинфекционных заболеваний и поддерживать психическое здоровье и благополучие; сократить количество случаев смерти и заболевания в результате воздействия опасных химических веществ и загрязнения и отравления воздуха, воды и почв; и обеспечить всеобщий охват услугами здравоохранения, в том числе защиту от финансовых рисков, доступ к качественным

основным медико-санитарным услугам, лекарственным средствам и вакцинам для всех. ЦУР 10 призывает поощрять активное участие всех людей в социальной, экономической и политической жизни независимо от их возраста, пола, инвалидности, расы, этнической принадлежности, происхождения, религии и экономического или иного статуса; и принять бюджетно-налоговую политику, политику в вопросах заработной платы и социальной защиты, чтобы добиваться обеспечения большего равенства.

Однако Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года констатирует, что для обеспечения здорового образа жизни, содействия благополучию для всех в любом возрасте и сокращения неравенства внутри стран и между ними, проблемы здоровья и неравенства необходимо решать за счет действий в поддержку всех целей. В то время как задачи, связанные с доступом к медико-санитарным услугам, инфраструктурой и качеством услуг здравоохранения, можно действительно решать за счет мер в секторе здравоохранения, такие близкие детерминанты определяются и модифицируются под влиянием более общих общественных, структурных и системных социальных, экономических и экологических детерминант, которые воздействуют на такие аспекты личного и коллективного поведения, как отсутствие физической активности, плохое питание, опасное сексуальное поведение, табакокурение,

чрезмерное потребление алкоголя, насилие и т.д., и, в конечном итоге, на результаты по показателям здоровья.

Положительное и негативное воздействие на здоровье человека накапливается на протяжении всей его жизни. Принцип межпоколенческой справедливости (который предполагает, что нынешние и будущие поколения должны иметь возможности вести такую жизнь, которую они считают полноценной) имеет принципиальное значение с точки зрения социальных, экономических и экологических детерминант здоровья и явно прослеживается во всех Целях в области устойчивого развития. В этой связи для решения вопросов, связанных с социальными, экономическими и экологическими детерминантами здоровья и равенством по показателям здоровья, требуются подходы, учитывающие критически важные этапы жизни и отражающие нашу ответственность перед будущими поколениями. Таким образом, качественное образование с детского возраста и до конца подросткового периода, а также обучение и развитие людей в течение всей жизни (ЦУР 4), достойная работа и экономический рост (ЦУР 8) необходимы для обеспечения условий, которые дают людям возможность контролировать свою жизнь. Достаточный доход (ЦУР 1), правильное питание (ЦУР 2, 12), приемлемые жилищные условия при обеспечении чистой водой и услугами водоотведения (ЦУР 6) в условиях природной и искусственной среды, которые обеспечивают защиту от вредного воздействия и здоровый образ жизни, (ЦУР 11, 12) (WHO, 2013; UN, 2015a) – все эти элементы играют критически важную роль для обеспечения здоровья населения.

Степень подверженности рискам для здоровья зависит от сочетания таких факторов, как пол, этническая принадлежность, возраст, инвалидность, образование, доход и регион проживания. Например, малообеспеченные, малообразованные, одинокие, пожилые женщины нередко оказываются более уязвимы. Подходы, опирающиеся на права человека, лежат в основе Целей в области устойчивого развития и уделяют первоочередное внимание здоровью и сокращению неравенства. Работа по достижению этих целей должна базироваться на системах прозрачного, подотчетного и основанного на широком участии управления (ЦУР 16). Для повышения и качества управления, и благополучия населения критически важно

учитывать вопросы, связанные со здоровьем, во всех направлениях политики (Kickbusch, 2012), а это подразумевает учет таких вопросов во всех Целях в области устойчивого развития.

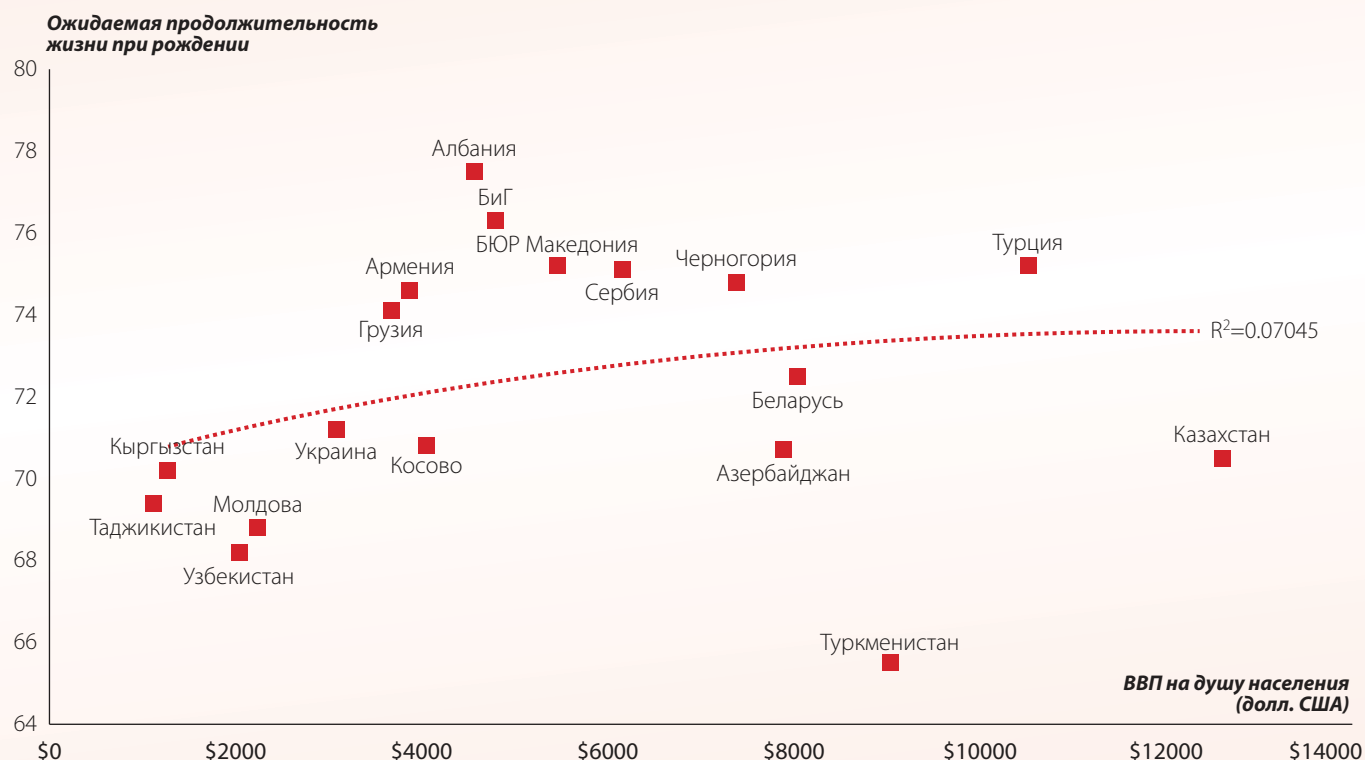
Региональный контекст

«Здоровье-2020». Документ «Здоровье-2020: основы европейской политики в поддержку действий всего государства и общества в интересах здоровья и благополучия» (вставка 14) призывает усилить равенство и повысить эффективность управления в интересах здоровья. Основы политики «Здоровье-2020» были приняты всеми 53 странами-членами Европейского регионального комитета ВОЗ в 2012 году, включая все программные страны ПРООН региона Восточной Европы (включая Турцию) и Центральной Азии. В основах политики «Здоровье-2020» констатируется, что хорошее здоровье и благополучие невозможно обеспечить исключительно за счет действий сектора здравоохранения. Устойчивые и справедливые улучшения

показателей здоровья являются результатом действенной политики всего государства и общества. Для реализации политики «Здоровье-2020» требуется межотраслевой подход к управлению в интересах здоровья, который содействует тесному взаимодействию между субъектами в сфере здоровья и развития, организациями государственного и частного сектора и гражданами на всех уровнях управления. Учитывая то, что и основы политики «Здоровье-2020», и Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года основаны на принципе «не оставить никого в стороне», они могут обеспечить импульс и приверженность ПРООН идеям устранения неравенства по показателям здоровья, содействия развитию и выработки более действенных мер реагирования на проблемы развития в регионе.

Неравенство по показателям ожидаемой продолжительности жизни. Здоровье неравномерно распределяется между странами региона и внутри этих стран. Как

Рисунок 53. Ожидаемая продолжительность жизни и ВВП на душу населения в регионе (2014 год или последний год, по которому имеются данные)

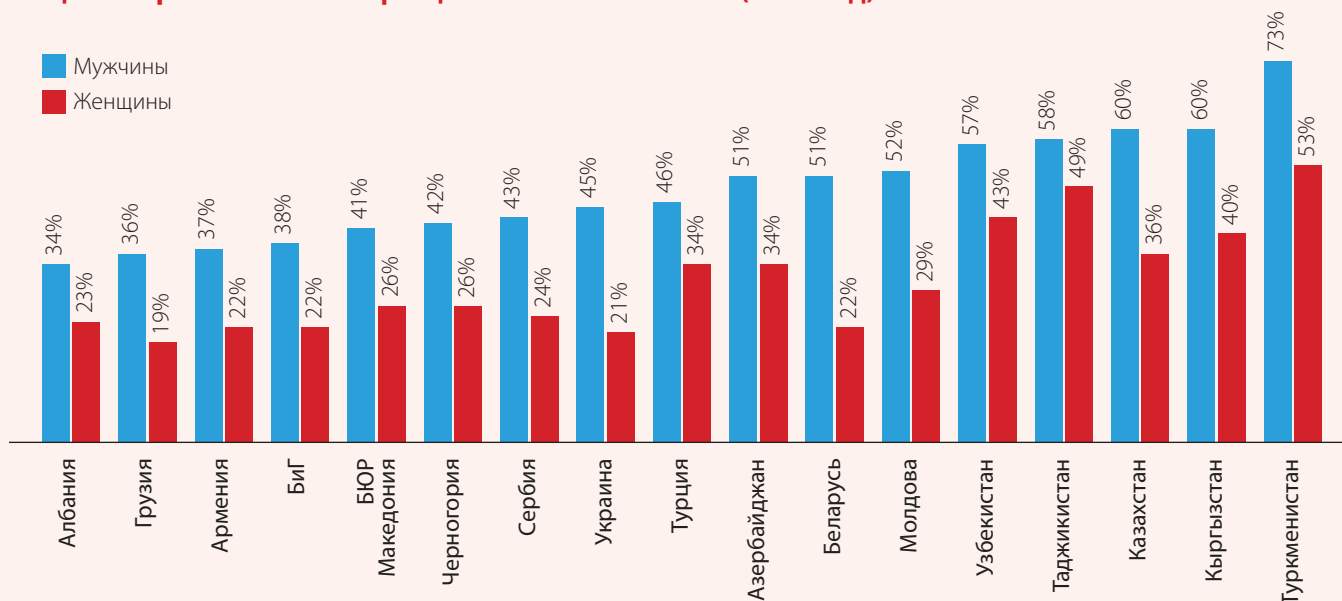
Неравенство и здоровье

говорилось в предыдущей главе, средние показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ключевой показатель результатов по показателям здоровья) сильно отличаются в зависимости и от субрегиона, и от пола. Хотя показатели ожидаемой продолжительности жизни, в целом, повышаются по мере экономического роста, в регионе не наблюдается прямой взаимосвязи между здоровьем и ВВП на душу населения. Как показано на рисунке 53, Казахстан и Туркменистан относятся к странам региона с самыми высокими уровнями ВВП на душу населения, однако их показатели ожидаемой продолжительности жизни намного ниже некоторых других стран, которые характеризуются значительно более низкими уровнями дохода (например, Армения, Грузия). Албания, Босния и Герцеговина, напротив, имеют самые высокие показатели ожидаемой продолжительности жизни в регионе, несмотря на относительно низкие уровни ВВП на душу населения. Социальные и экологические (а также и экономические) детерминанты, включая развитие детей дошкольного возраста, питание, уровень образования, природную и искусственную среду, доступ к медицинским услугам, а также культурные и социальные нормы, тоже влияют на результаты по показателям здоровья.

Неинфекционные заболевания, такие как диабет, сердечно-сосудистые заболевания, рак, хронические респираторные заболевания и умственные расстройства, являются главной причиной заболеваемости и смертности в мире. По некоторым оценкам, 86 процентов случаев смерти и 77 процентов случаев заболеваний в регионе связано с неинфекционными заболеваниями, в силу чего регион относится к наиболее пострадавшим от неинфекционных заболеваний (рисунок 54). В большей части региона более половины случаев смерти от неинфекционных заболеваний среди мужчин относятся к числу случаев преждевременной смерти, что в значительной степени определяет низкие показатели ожидаемой продолжительности жизни. Вероятность смерти в возрасте от 30 до 70 лет от любого из четырех основных неинфекционных заболеваний (сердечно-сосудистые заболевания, рак, диабет и хронические респираторные заболевания) особенно высока в регионе. В странах ЕС средняя вероятность преждевременной смерти от неинфекционных заболеваний составляет 15 процентов, в то время как в рассматриваемом регионе – 25 процентов (WHO, 2014).

Неравенство по параметрам социальных, экономических и экологических детерминант здоровья (включая доступ к услугам

Рисунок 54. Преждевременная смертность от неинфекционных заболеваний в процентах от общей смертности от неинфекционных заболеваний (2012 год)

Источник: База данных «Global Health Observatory Data Repository».

Примечание: К преждевременной смерти от неинфекционных заболеваний относятся случаи смерти людей в возрасте моложе 70 лет от сердечно-сосудистых заболеваний, рака, диабета или хронических респираторных заболеваний.

здравоохранения) и рисков для здоровья играет большую роль в определении таких результатов. Предпринимаемые странами меры, связанные с благосостоянием, доходом домашних хозяйств, образованием и профессиональным статусом, могут увязываться с социально-экономическим неравенством по показателям здоровья. Риски для здоровья, которые при иных обстоятельствах кажутся связанными с принимаемыми человеком решениями, могут также отражать и эти глубокие социально-экономические определяющие факторы. Например, распространенность табакокурения, как правило, снижается по мере повышения уровня образования, профессионального статуса и благосостояния домашних хозяйств (Schaap et al., 2007).

Помимо уровня экономического развития, на объем, модели и качество потребляемого алкоголя (а в связи с этим и на связанные с потреблением алкоголя риски для здоровья) влияют различия по параметрам возраста, пола и социально-экономического статуса (а также культурное и семейное окружение). Хотя некоторые исследования показывают, что более высокий уровень доходов в целом связан с более высоким потреблением алкоголя, при заданном уровне или модели потребления алкоголя в более состоятельных обществах связанные с алкоголем риски для здоровья и риски смертности обычно снижаются (WHO, 2014a). Дети, подростки и пожилые более уязвимы к вреду, наносимому алкоголем, чем другие возрастные группы. Даже при более низком потреблении алкоголя социально и экономически ущемленные группы, как правило, чаще страдают от связанных с алкоголем нарушений здоровья, чем обеспеченные группы населения, что объясняется моделями потребления алкоголя и его качеством. Исследования показали, что уровни связанной с потреблением алкоголя заболеваемости и смертности выше среди безработных и работников физического труда, причем ряд исследований указывает на то, что мужчины, одинокие люди и люди с более низким уровнем образования склонны к риску более высокого потребления алкоголя (WHO, 2013).

Неравенство доступа к качественным услугам здравоохранения наблюдается в значительной части региона в связи с неформальностью платежей, пробелами в обязательном по закону охвате и критериях, дающих право на получение этих услуг, и недостатками в географическом

охвате (ILO, 2011). Помимо места жительства и этнической принадлежности, весомым прогностическим фактором доступа к системе здравоохранения по-прежнему является благосостояние. В Армении, Грузии, Молдове, Казахстане, Кыргызской Республике и Украине доля респондентов из состава наименее обеспеченного квинтиля населения, которые отмечают отсутствие денег в качестве причины для того, чтобы не обращаться за медицинской помощью, более чем втрое превышает долю таких респондентов из наиболее обеспеченного квинтиля. В этих шести странах в среднем около 68 процентов наименее обеспеченного квинтиля населения не обращаются к врачу в случае болезни в связи с отсутствием денег, в то время как из наиболее обеспеченного квинтиля лишь 22 процента не пользуются услугами здравоохранения при необходимости (Suhrcke et al., 2007). В Армении 93 процента наименее обеспеченного квинтиля не обращаются к врачу в случае болезни в сравнении с лишь 37 процентами в наиболее обеспеченном квинтиле. Аналогичные различия прослеживаются при анализе доступа к приемлемым по цене основным лекарствам от неинфекционных заболеваний. Это может воспрепятствовать прохождению пациентами длительных курсов лечения от неинфекционных заболеваний (например, химиотерапии) (Chan, 2016).

Помимо того, что с проблемой неравенства по показателям здоровья необходимо бороться в интересах социальной справедливости и защиты прав человека, относительно высокие уровни смертности от неинфекционных заболеваний в регионе имеют значительные социально-экономические последствия для домашних хозяйств и предприятий в плане роста затрат на здравоохранение, снижения производительности труда и потери дохода домашних хозяйств (WEF, and WHO, 2011). По некоторым оценкам, связанные с неинфекционными заболеваниями экономические затраты стран мира с низким и средним уровнем дохода составили около 500 миллиардов долл. США или примерно 4 процента ВВП в 2010 году (WEF, and WHO, 2011). Потери мирового производства, связанные с четырьмя основными неинфекционными

Государственные расходы на меры профилактики и лечения ВИЧ / СПИДа во многих странах недостаточны, чтобы удовлетворить потребности маргинализированных групп.

Неравенство и здоровье

заболеваниями и умственными расстройствами, оценивались практически в 47 триллионов долл. США за период 2011-2013 годов нарастающим итогом (Bloom et al., 2011).

С точки зрения человеческого развития неинфекционные заболевания существенно ограничивают перспективы реализации человеческого потенциала. Издержки, связанные с преждевременной смертью и утратой трудоспособности, ощущают не только те, кого это непосредственно затрагивает. Уход за пожилыми обычно осуществляется членами семьи, преимущественно женщинами, которые во всех странах региона имеют больше обязанностей по уходу. Обязанности по уходу фактически ограничивают участие женщин на рынке труда (Bussolo et al., 2015).

В ответ на эти вызовы в 2011 году принята Политическая декларация ООН по профилактике неинфекционных заболеваний и борьбе с ними (UN Resolution A/RES/66/2). Затем был утвержден рассчитанный на 2008–2013 годы Глобальный план действий ВОЗ по профилактике неинфекционных заболеваний и борьбе с ними, в который вошел ряд добровольных глобальных целей, включая цель по относительному сокращению преждевременной смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, рака, диабета и хронических респираторных

заболеваний на 25 процентов. Глобальный план действий ВОЗ подчеркивает важность решения проблем, связанных с лежащими в основе неинфекционных заболеваний социальными, экономическими и экологическими детерминантами здоровья и неравенства по показателям здоровья, в том числе путем развития систем здравоохранения и применения межотраслевых подходов при условии работы всего государства. Европейский региональный комитет ВОЗ параллельно разработал региональный план действий, ориентированный на устранение социальных, экономических и экологических детерминант неинфекционных заболеваний при акценте на неравенстве (Action Plan EUR/RC61/12).

Для достижения этих целей требуется тесное взаимодействие между субъектами в сфере здоровья и развития, на национальном, международном и многостороннем уровнях. ПРООН охватывает в своей работе широкий круг направлений от путей устойчивого развития до основанного на широком участии демократического управление и усиления устойчивости к воздействиям, а также выполняет функцию координатора-резидента на уровне стран. В этой связи ПРООН имеет хорошие возможности для оказания поддержки в части укрепления национального потенциала,

Рисунок 55. Доля внешнего и внутреннего финансирования мер борьбы с ВИЧ на национальном уровне (2012-2014 годы)

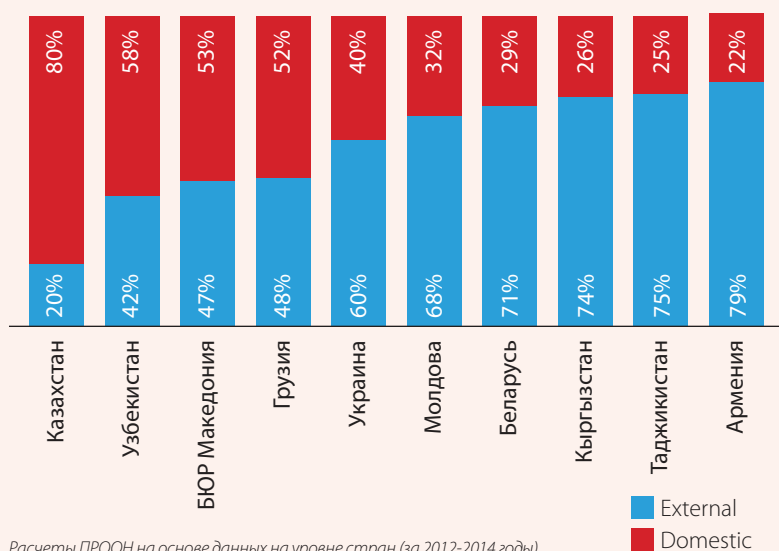
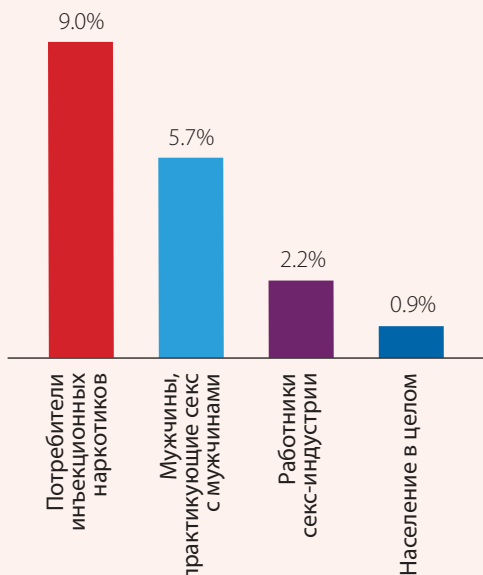

Рисунок 56. Региональные показатели частоты заболевания ВИЧ (2014 год)

лидерства, управления, межотраслевых мер и партнерств в интересах ускорения работы стран в сфере профилактики и контроля неинфекционных заболеваний.

Социальные, экономические и экологические детерминанты и неравенство по показателям ВИЧ / СПИДа

Как показывают данные, приведенные на рисунке 55, внешнее финансирование мер профилактики и лечения ВИЧ / СПИДа (идущее преимущественно через Глобальный фонд) поэтапно сокращается во многих странах со средним уровнем дохода, включая большинство стран рассматриваемого региона (Katz et al., 2014). В этой связи критически важно (Đurić, et al., 2014a) выработать переходные стратегии и планы действий для интеграции мер по борьбе с ВИЧ в межотраслевые процессы планирования бюджетов для здравоохранения на национальном уровне с учетом социальных, экономических и экологических детерминант здоровья и неравенства по показателям здоровья (Đurić P, et al. 2014). В этой ситуации для определения ключевых аспектов неравенства и социальных, экономических и экологических детерминант здоровья в регионе применительно к ВИЧ были использованы контрольные списки «социальных, экономических и экологических детерминант здоровья» (приложение 1) и аспектов неравенства (приложение 2). Результаты этой работы представлены во вставке 15.

Государственные расходы на меры профилактики и лечения ВИЧ / СПИДа во многих странах недостаточны, чтобы удовлетворить потребности маргинализированных групп, подвергающихся самому большому риску заражения. В странах Восточной Европы, Турции и странах Центральной Азии ВИЧ заражаются преимущественно такие группы повышенного риска, которые сами по себе нередко являются жертвами социального исключения, включая мужчин, практикующих секс с мужчинами, потребителей инъекционных наркотиков,

работников секс-индустрии и заключенных (рисунок 56). Возможно, что под влиянием их статуса привычных жертв социального исключения, охват лечением ВИЧ в регионе остается низким в сравнении с оценками охвата лечением в мире, особенно если сравнивать со странами Восточной и Южной Африки (рисунки 57, 58). Низкий уровень охвата лечением ВИЧ, таким образом, является социальной детерминантой повышенного риска заражения ВИЧ и неудовлетворительных результатов по показателям здоровья среди людей с ВИЧ.

В Таджикистане вслед за гетеросексуальными контактами среди наиболее часто распространенных форм передачи ВИЧ идет потребление инъекционных наркотиков. Частота заболевания ВИЧ среди потребителей инъекционных наркотиков составляет 12,9 процента в сравнении с 1,2 процента в случае мужчин, практикующих секс с мужчинами, и

Вставка 15. Социальные, экономические и экологические детерминанты здоровья и неравенства лиц, зараженных ВИЧ / СПИДом

Ключевые социальные, экономические и экологические детерминанты здоровья применительно к ВИЧ / СПИДу:

- Доступ к здравоохранению (и наличие доступа к медико-санитарным услугам)
- Дискриминация и стигматизация
- Риск насилия и действенность защиты прав человека
- Прозрачность и подотчетность управления
- Соблюдение рекомендаций врачей

Ключевые аспекты неравенства применительно к ВИЧ

- Пол
- Этап жизни
- Маргинализированные группы
- Сексуальная ориентация
- Социально-экономический статус

Неравенство и здоровье

3,5 процента работниц коммерческого секса (Factsheet, Tajikistan). В Украине в последние годы в случае более 60 процентов случаев ВИЧ передача инфекции происходила половым путем. Оценки частоты заболевания ВИЧ среди всех основных групп населения по-прежнему велики: 19,7 процента в случае потребителей инъекционных наркотиков, 5,9 процента в случае мужчин, практикующих секс с мужчинами, и 7,3 процента в случае работниц коммерческого секса (Factsheet, Ukraine).

Кроме того, как показало недавнее международное когортное исследование, связанная с туберкулезом смертность людей с ВИЧ, в Беларуси, Грузии и Украине²⁵ почти в четыре раза превышает данный показатель по странам Западной Европы и Латинской Америки, что объясняется высокой частотой заболевания туберкулезом с множественной лекарственной устойчивостью, низкими уровнями проверки лекарственной чувствительности и неудовлетворительным доступом к антиретровирусной терапии (Podlekareva et al., 2016).

Помимо ухода за людьми, зараженными ВИЧ, и обеспечения поддержки таких людей, к действенным мерам борьбы с этим заболеванием должны относиться

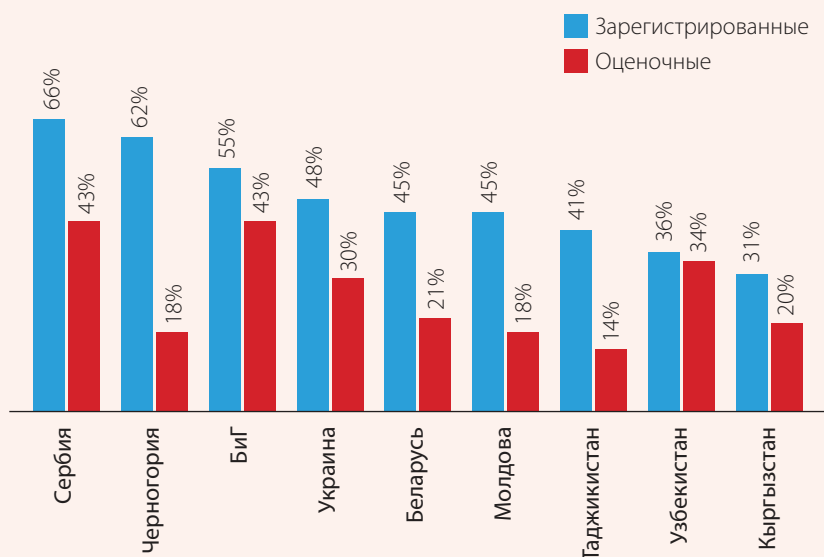
²⁵ По определению, использованному в этом исследовании, в состав Восточной Европы также включались Эстония, Латвия, Литва, Польша, Румыния и Россия.

развитие надлежащих взаимоусиливающихся аспектов программ и стратегий в области здравоохранения и в других областях (Schwartlaender et al., 2011). Низкий уровень охвата антиретровирусной терапией и неудовлетворительное соблюдение рекомендаций врачей определяются такими структурными социальными, экономическими и экологическими детерминантами, как степень прозрачности и подотчетности в управлении, риск стать жертвой насилия и действенность мер обеспечения соблюдения норм законодательства, отсутствие защиты прав человека, дискриминация и стигматизация. Все эти факторы ведут к высокому и постоянно растущему уровню частоты заболевания ВИЧ среди основных групп риска. Меры, направленные на расширение доступа к качественному образованию, сокращение бедности, поощрение гендерного равенства и ликвидацию гендерного насилия, также могут помочь в борьбе с ВИЧ.

Репрессивный характер законодательных систем, который наблюдается во многих странах региона, очень часто становится препятствием для действенного обеспечения потребителей инъекционных наркотиков важными услугами (UNODC, 2010), может усиливать риск насилия и заражения ВИЧ и

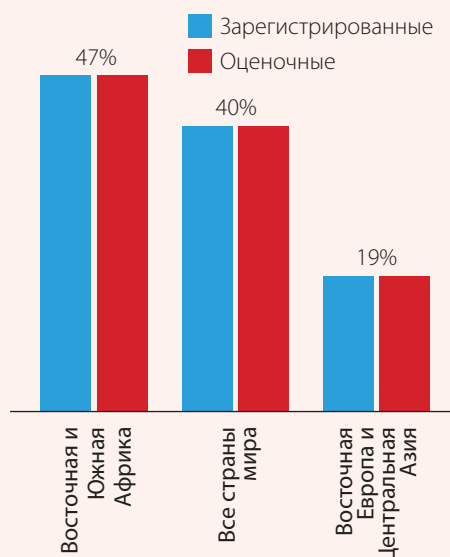
Зарегистрированные и оценочные показатели охвата антиретровирусной терапией в регионе (2014 год)

Рисунок 57. Внутри региона

Источник: ЮНЭЙДС (UNAIDS, 2014).

Рисунок 58. Межрегиональные сравнения

другими заболеваниями, передающимися половым путем, и препятствовать доступу к терапии. Отсутствие заинтересованности государства в программах обмена шприцев и игл и опиоидной заместительной терапии, которые могут быть очень действенными в борьбе с распространением ВИЧ среди потребителей инъекционных наркотиков, ведет к дальнейшему усилению рисков заражения ВИЧ (Bobrova et al., 2007; Boltaev et al., 2013; Booth et al., 2013; Terlikbayeva et al., 2013). Криминализация работы в секс-индустрии во всех странах региона усиливает риск заражения ВИЧ среди работниц коммерческого секса. В некоторых странах сохраняется криминализация секса по обоюдному согласию между однополыми взрослыми партнерами, а уровень стигматизации и дискриминации по-прежнему высок во всем регионе. Существование таких репрессивных законодательных систем, как правило, ведет к развитию тайных сетей случайных сексуальных партнеров, что может далее усилить риск заражения ВИЧ.

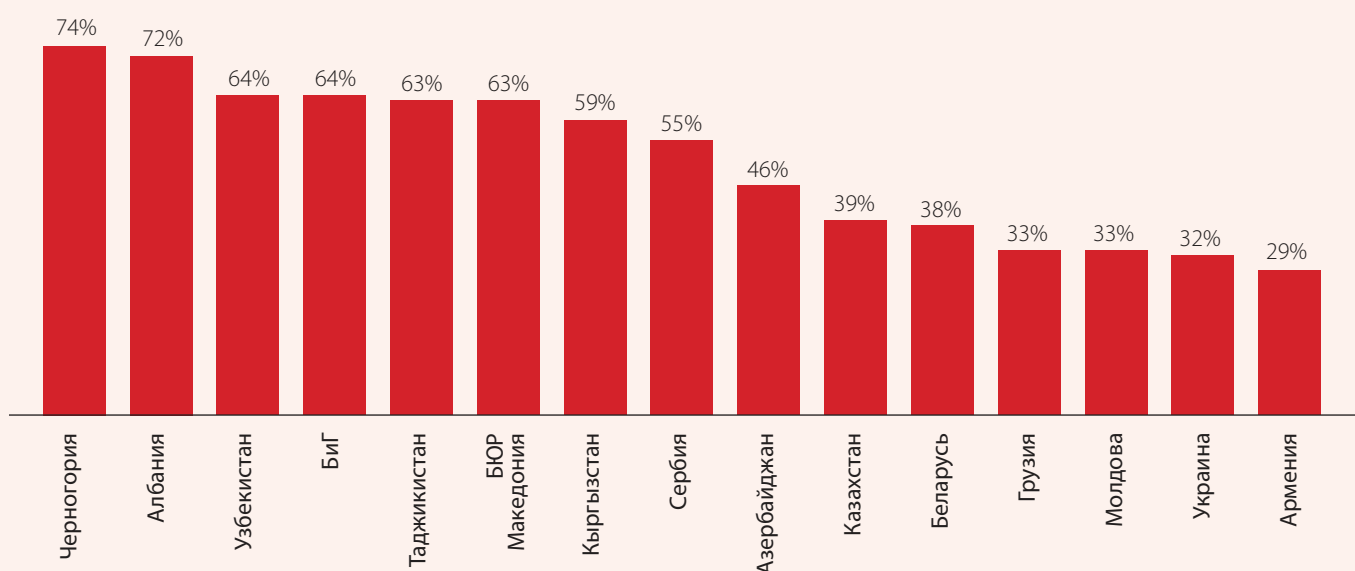
В этой связи для решения проблем социального исключения, которая является определяющим фактором эпидемии СПИДа в регионе, необходимо повышать степень прозрачности и подотчетности в управлении, законодательстве, правовой политике и практике. Также

необходимо углублять взаимоусливающиеся аспекты программ и стратегий в области развития в интересах повышения действенности инвестиций в рамках борьбы с ВИЧ (Đurić et al., 2014; 2014a). Содействие гендерному равенству и расширению прав и возможностей женщин и девочек, а также ликвидация гендерного насилия (ЦУР 5), расширение доступа к образованию (ЦУР 4) и сокращение нищеты (ЦУР 1) также могут способствовать усилению мер борьбы с ВИЧ и решению проблем связанного со здоровьем неравенства в регионе.

Социальные, экономические и экологические детерминанты и неравенство при самооценке здоровья

Хотя для описания влияния болезней обычно используются объективно наблюдаемые результаты по показателям здоровья, восприятие здоровья людьми также имеет значение (Nikoloski et al., 2010). В этой связи

Рисунок 59. Межстрановые различия в (средних) показателях здоровья по результатам самооценки (2010 год)

Источник: данные обследования «Жизнь в переходный период» (Life in Transition Survey, 2010).

Неравенство и здоровье

26 Включены: Албания, Армения, Азербайджан, Беларусь, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Бывшая Югославская Республика Македония, Молдова, Черногория, Румыния, Россия, Сербия, Словения, Таджикистан и Узбекистан.

27 Модели оценивались с применением метода наименьших квадратов, причем самооценка состояния здоровья выступала в качестве зависимой переменной. Для проверки правильности применялись упорядоченная пробит-модель и пробит-модель (для пробит-модели в качестве зависимой переменной бралась преобразованная переменная самооценки состояния здоровья, принимающая значения 1, если состояние здоровья оценивалось респондентом как хорошее или очень хорошее, и 0 в противном случае). При анализе использовался статистический пакет STATA 13.

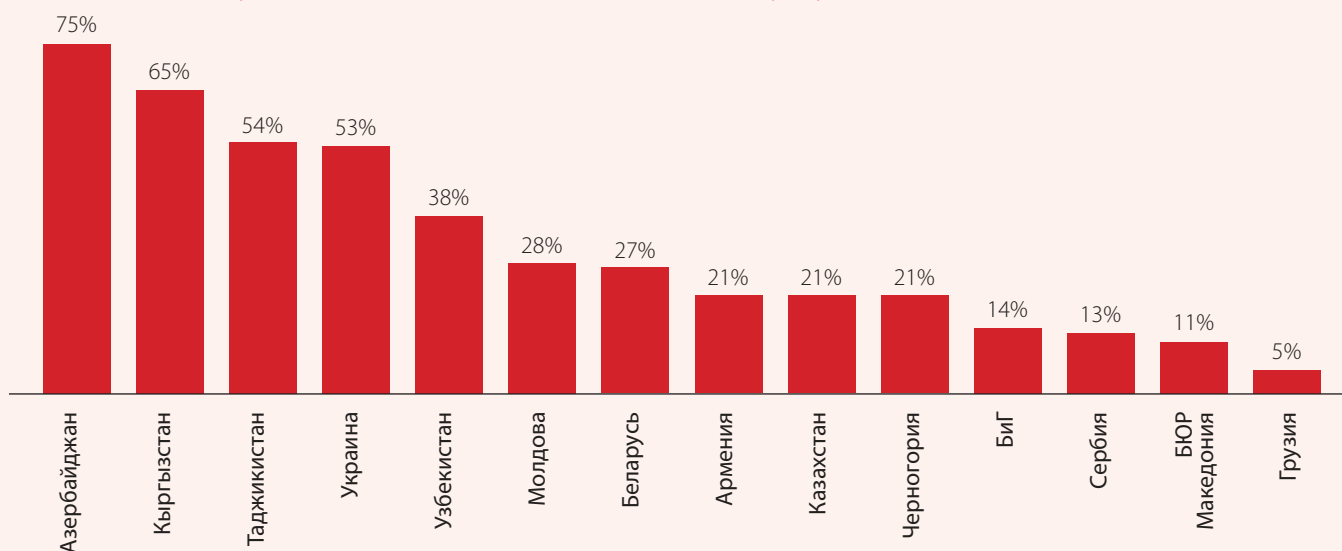
для анализа социальных, экономических и экологических детерминант здоровья и неравенства при самооценке состояния здоровья авторами данной главы использовалась база данных обследования «Жизнь в переходный период»²⁶ (LITS, 2010). Как показано на рисунке 59, в разных странах региона средние показатели здоровья по результатам самооценки сильно варьировались. В то время как доля респондентов, которые оценили свое здоровье как хорошее или очень хорошее, по всему региону в среднем составила около 50 процентов, в Черногории и Албании она превышала 70 процентов, а в Украине и Армении едва доходила до 30 процентов. В целом, респонденты из стран бывшего Советского Союза (в среднем) оценивают свое состояние здоровья менее оптимистично в сравнении с респондентами из стран Западных Балкан.

Для целей настоящего доклада при анализе данных обследования «Жизнь в переходный период» использовались контрольные списки социальных, экономических и экологических детерминант здоровья (приложение 1) и аспектов неравенства (приложение 2), чтобы выявить независимые переменные, выступающие в качестве (представительных переменных) детерминант и аспектов неравенства.²⁷ Затем был проделан регрессионный анализ, результаты

которого показали, что прослеживается значимая корреляция самооценки здоровья не только с социальными, экономическими и экологическими детерминантами здоровья и другими макроэкономическими переменными, но и с аспектами неравенства, включая, в частности, распределение богатства, прозрачность и подотчетность в управлении, ВВП на душу населения и рост ВВП на душу населения, сети социальной поддержки / общинные сети, водоснабжение и водоотведение, а также удовлетворенность жизнью. Также обнаружена значимая корреляция самооценки состояния здоровья с социально-экономическим статусом / благосостоянием домашних хозяйств, полом, уровнем образования, составом семьи (семейным положением) и принадлежностью к маргинализированным группам (например, статусом мигранта).

Коррупция в секторе здравоохранения варьируется от неофициальных платежей поставщикам услуг, которые покрываются за счет собственных средств пациентов, до крупномасштабной коррупции в сфере закупок в здравоохранении и остается препятствием для усиления прозрачности и подотчетности в управлении здравоохранением во всех странах региона. (По данным исследования «Барометр мировой коррупции», подготовленного по заказу «Transparency International» (Global

Рисунок 60. Процент респондентов, которые признались, что платили неофициально при пользовании государственными медико-санитарными услугами

Источник: обследование «Жизнь в переходный период» (Life in Transition Survey, 2010).

Corruption Barometer, 2013), в Армении, Азербайджане и Сербии уровень коррупции в сфере медико-санитарных услуг воспринимался как самый высокий среди 12 основных институтов).

По данным обследования «Жизнь в переходный период», практически треть (32 процента) респондентов в регионе отметили, что платили неофициально, чтобы получить доступ к медицинскому обслуживанию. В Азербайджане, Кыргызстане, Таджикистане и Украине более половины респондентов отметили, что платили неофициально или дарили подарки, чтобы получить доступ к государственным медико-санитарным услугам, в то время как в Боснии и Герцеговине, Грузии, Бывшей Югославской Республике Македония и Сербии менее 15 процентов выбрали такой вариант ответа (см. рисунок 60). Учитывая то, что (в среднем) около 70 процентов населения региона пользуются государственными медико-санитарными услугами²⁸, коррупция стала структурным препятствием для равенства по показателям здоровья, поскольку она ограничивает доступ к таким услугам. Это непропорционально сильно влияет на социально ущемленные и маргинализированные группы населения, которые не в состоянии позволить себе частные медицинские услуги.

Отдельные аспекты неравенства по показателям здоровья

Пол. Социальные, экономические и экологические детерминанты здоровья могут по-разному воздействовать на мужчин и женщин в силу как биологических, так и социальных причин. Гендерные различия в результатах по показателям здоровья в регионе проявляются особенно ярко, если брать разницу в показателях ожидаемой продолжительности жизни среди мужчин и женщин, а также показатели преждевременной смертности от неинфекционных заболеваний среди мужчин, что рассматривалось выше. Однако несмотря на то, что преждевременная заболеваемость и смертность от неинфекционных заболеваний могут быть непропорционально высоки среди мужчин, показатели здоровья женщин не обязательно лучше. В отличие от мужчин, больше женщин страдают от длительной инвалидности: в

среднем период их плохого состояния здоровья или ограничения физической активности составляет 10 лет. Девочки, женщины-подростки, взрослые и пожилые женщины с большой долей вероятности сталкиваются с множественными проблемами со здоровьем в регионе, причем на ранних этапах жизни преобладают нарушения физического здоровья, среди молодых взрослых женщин это депрессивные и тревожные расстройства, а в более пожилом возрасте женщины преимущественно страдают от радикулита, ишемической болезни сердца и рака (WHO, 2015). Такие гендерные различия по показателям здоровья могут усиливать влияние других аспектов неравенства с учетом жизненного этапа, уровня образования и статуса занятости, что описывалось в предыдущей главе.

В рассматриваемом регионе население среднего возраста подходит к более преклонному возрасту при непропорционально более высокой нагрузке, связанной с инвалидностью, в сравнении с другими регионами, причем такая нагрузка сконцентрирована в социально и экономически ущемленных группах населения (World Bank, 2015d). Преждевременная смертность и инвалидность ставят под угрозу производительность работников, снижая способность взрослого населения трудоспособного возраста принимать участие в хозяйственной деятельности и ограничивая период трудовой жизни людей более старшего возраста. При этом также увеличивается нагрузка на членов семьи, выполняющих обязанности по уходу за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями, большинство из которых – женщины (UNFPA, 2010). Эти факторы способствуют формированию неблагоприятных коэффициентов демографической нагрузки (определяемой скорее на основании нетрудоспособности, а не возраста (World Bank, 2015d)) и снижению действенности усилий в сфере гендерного равенства, здоровья и человеческого развития во всех странах региона.

Маргинализация. Дискриминация, стигматизация и другие виды социального исключения, которые систематически препятствуют доступу определенных

Коррупция в секторе здравоохранения остается препятствием для усиления прозрачности и подотчетности в управлении здравоохранением во всех странах региона.

²⁸ На основе данных обследования «Жизнь в переходный период», отражающих процент респондентов, которые пользовались государственными медико-санитарными услугами в последние 12 месяцев в Армении, Азербайджане, Беларуси, Боснии и Герцеговине, Бывшей Югославской Республике Македония, Грузии, Казахстане, Кыргызской Республике, Молдове, Черногории, Сербии, Таджикистане, Украине и Узбекистане, по состоянию на 2010 год.

Неравенство и здоровье

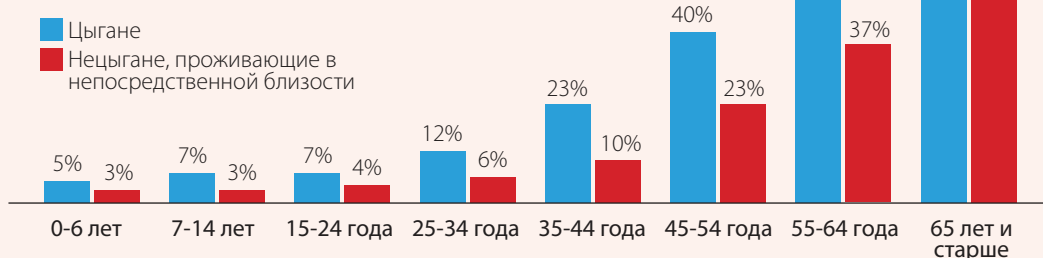
групп населения к полному спектру услуг, предоставляемых государственным и частным сектором, также негативно сказываются на здоровье и благополучии. Такие процессы социального исключения фактически приводят к маргинализации отдельных групп населения в регионе, оказывая негативное влияние, в том числе, на здоровье и права мигрантов, этнических меньшинств (например, цыган), людей с ограниченными возможностями и людей, зараженных ВИЧ и СПИДом, в системе прав человека.

Во всех странах региона маргинализованные группы населения сталкиваются с проблемами неравенства в контексте социальных, экономических и экологических детерминант здоровья, доступа к услугам здравоохранения и, в конечном итоге, результатов по показателям здоровья. Например, люди с ограниченными возможностями сталкиваются с исключением в связи с традиционными медицинскими, сосредоточенными на трудоспособности подходами государства к законодательству об инвалидности и администрированию льгот, что ведет к изоляции людей с ограниченными возможностями от остальной части населения. Медицинский персонал в регионе нередко не имеет опыта лечения специфичных нарушений здоровья, возникающих у людей с ограниченными возможностями. Негативное отношение медицинского персонала к таким людям усугубляет ситуацию, что побуждает их не обращаться за помощью в лечении.

Мигранты также нередко сталкиваются с препятствиями в доступе к медико-санитарному обслуживанию, что связано с правом на такое обслуживание по закону; языковыми и культурными барьерами; ограниченностью знаний и информированности о системах здравоохранения в принимающих странах, а также с другими факторами (O'Donnell et al., 2016). Хотя данные о здоровье мигрантов в регионе ограничены, проведенные ВОЗ исследования указывают на более высокую распространенность отдельных инфекционных заболеваний и умственных расстройств среди нерегулярных мигрантов в отличие от коренных жителей стран, а также на более низкие результаты по показателям родов среди женщин-мигрантов в сравнении с населением в целом (WHO, 2015a). Беженцы, особенно дети-беженцы, больше других страдают от психологических проблем (Fazel et al. 2012; Reed et al. 2012; UNHCR, 2015). Хотя имеющиеся данные указывают на существенный уровень неудовлетворенных потребностей мигрантов региона в медицинском обслуживании, для реализации достаточных ответных мер необходима дополнительная информация (WHO, 2015b). Основанные на полной информации меры в области государственного медико-санитарного обслуживания, которые были бы направлены на смягчение негативного воздействия миграции на здоровье, могли бы помочь спасти большое число жизней, облегчить страдания людей и понизить заболеваемость в регионе (Jakab, 2015).

Рисунок 61. Различия в коэффициентах распространенности длительных заболеваний между цыганами и нецыганами в странах Западных Балкан (2011 год)

Доля респондентов, отметивших, что страдают от длительных заболеваний

Источник: региональное обследование цыган, проведенное ПРООН, Всемирным банком и Европейской комиссией (UNDP/World Bank/European Commission Regional Roma Survey, 2011).

Этническая принадлежность: цыгане.

Цыганские сообщества обычно относятся к наименее обеспеченным в регионе и характеризуются плохими жилищными условиями и условиями жизни, низкими уровнями формальной занятости и ограниченностью доступа к качественным услугам образования и здравоохранения. Во всех странах региона цыгане сталкиваются с несправедливыми и предотвратимыми различиями в части социальных, экономических и экологических детерминант здоровья, доступа к здравоохранению и, в конечном итоге, результатов по показателям здоровья. Например, выяснилось, что в Бывшей Югославской Республике Македония, Черногории и Сербии доля цыганских детей с отставаниями в росте превышает 17 процентов, в то время как общая доля детей с отставаниями в росте колеблется от 5 процентов до 8 процентов в этих трех странах (WHO, 2013). Также очевидно прослеживается неравенство на протяжении всего жизненного цикла по показателям здоровья между цыганскими и нецыганскими общинами, проживающими в непосредственной близости (рисунок 61) (Mihailov, 2011). Данные обследования указывают на значительно более высокие уровни распространенности табакокурения среди цыган (53 процента), чем среди нецыган (33 процента), хотя эти показатели и варьируются по разным странам региона. Частота длительных заболеваний среди женщин выше, чем среди мужчин как в цыганских, так и в нецыганских общинах региона. Похоже, что присутствует корреляция между проблемами со здоровьем и уровнем образования: только 15 процентов цыган со средним образованием (до 14 лет) отмечали наличие хронических нарушений здоровья в сравнении с 32 процентами цыган, не имеющих формального образования. Эти тенденции показывают, как аспекты неравенства могут взаимодействовать между собой и взаимно усиливать друг друга, поэтому разные виды неравенства следует анализировать как матрицы, состоящие из многих аспектов, а не обособленно.

Лишь 74 процента принявших участие в региональном опросе цыган отметили, что имеют медицинскую страховку, в то время как среди нецыган, проживающих в непосредственной близости от поселений и общин цыган, такой ответ дали 90 процентов респондентов. Между странами наблюдались большие различия: например, в Албании

32 процента цыган и 54 процента нецыган, проживающих в непосредственной близости от поселений и общин цыган, отметили, что имеют медицинскую страховку, а в Сербии эти показатели составили 93 процента в случае и цыган, и нецыган. Эта ситуация негативно сказывается на доступе цыганских общин к медико-санитарным услугам и на усилении неравенства по показателям здоровья, к чему призывает Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Измерение и мониторинг последствий неравенства по показателям здоровья.

Измерение и мониторинг неравенства, влияющего на социальные, экономические и экологические детерминанты здоровья, и последствий этого неравенства с разбивкой по критериям уязвимости крайне важны для поощрения равенства по показателям здоровья и человеческого развития. Однако нехватка количественных данных нередко препятствует анализу неравенства и включению в программы мер по борьбе с ним. Несмотря на это, усиливается внимание лиц, занимающихся разработкой политики во всех странах региона, к проблемам неравенства, исключения и уязвимости, а не только к вопросам крайней бедности по уровню дохода. Этот процесс сопровождается тем, что в рамках основ политики «Здоровье-2020» и Целей в области устойчивого развития неравенство относится к первоочередным проблемам.

Система мониторинга исполнения основ политики «Здоровье-2020» опирается на существующие механизмы сбора отчетности, включая представление информации для базы данных ВОЗ «Здоровье для всех» и совместный сбор данных для баз данных Евростата и ОЭСР.²⁹ Задачи и показатели, определенные в рамках основ политики «Здоровье-2020», приведены в соответствии с рассчитанным на 2013-2020 годы Глобальным планом действий ВОЗ по профилактике неинфекционных заболеваний и борьбе с ними при использовании классификации болезней МКБ-10 для измерения смертности и заболеваемости (WHO, 2014b). Если позволяет национальный контекст, данные представляются в разбивке по возрасту, полу, этнической принадлежности, социально-экономическому статусу, принадлежности к уязвимым и субнациональным группам. Тем не менее, действующие механизмы сбора данных необходимо расширить с тем, чтобы, среди прочего, систематически собирать и

29 См. базы данных: ВОЗ, Европейская база данных «Здоровье для всех» (WHO, European health for all, <http://data.euro.who.int/hfad/>); база данных Евростата (http://ec.europa.eu/eurostat/data/database?p_p_id=NavTreeportletprod_WAR_NavTreeportletprod_INSTANCE_nPqeVbPXrmWQ&p_p_lifecycle=0&p_p_state=normal&p_p_mode=view&p_p_col_id=column-2&p_p_col_count=1); и статистические данные ОЭСР в области здоровья (http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/data/oecd-health-statistics_health-data-en).

Вставка 16. Здоровье и неравенство: Предпринимаемые ПРООН меры

- ПРООН выполняет функцию координатора-резидента, объединяя усилия всех учреждений системы ООН в интересах повышения операционной эффективности и действенности работы системы ООН;
- Будучи членом Межучрежденческой целевой группы ООН по профилактике и контролю неинфекционных заболеваний и социальных, экономических и экологических детерминант, ПРООН делает акцент на укрепление национального потенциала, лидерства, управления, межотраслевых мер и партнерств в интересах ускорения работы стран в сфере профилактики и контроля неинфекционных заболеваний;
- Будучи одним из основателей и спонсоров Объединенной программы ООН по ВИЧ / СПИДу (ЮНЭЙДС), ПРООН сосредотачивает внимание на задачах устранения репрессивных законов, мер политики и практик, сокращения стигматизации и дискриминации, расширения прав и возможностей мужчин, практикующих секс с мужчинами, работников секс-индустрии и трансгендеров с тем, чтобы они могли защитить себя от заражения ВИЧ и иметь полноценный доступ к антиретровирусной терапии, а также на удовлетворении связанных с ВИЧ потребностей женщин и девочек и ликвидации сексуального и гендерного насилия (UNAIDS, 2010);
- ПРООН поддерживает меры борьбы с неинфекционными заболеваниями при условии работы всего государства и общества (UNDP, 2013a), обосновывая необходимость инвестиций в меры борьбы с неинфекционными заболеваниями на национальном уровне, помогая интегрировать меры борьбы с неинфекционными заболеваниями в национальные стратегии и программы (WHO and UNDP, 2015) и поощряя реализацию Рамочной конвенции по борьбе против табака (WHO, 2003);
- В целях повышения приемлемости по цене, доступности и финансовой устойчивости лечения ВИЧ / СПИДа ПРООН предоставляет поддержку в разработке мер политики и стратегий и техническую помощь для обеспечения доступа к приемлемым по цене и качественным лекарственным средствам для лечения ВИЧ (Abdullaev et al., 2014); помогает определить оптимальный уровень финансовых вложений (Đurić P, et al. 2014; 2014a); и содействует устранению правовых и политических препятствий для действенного финансирования предоставляемых неправительственными организациями услуг в связи с ВИЧ (Hamelmann et al., 2016);
- Выступая совместно с ЮНЭЙДС, ЮНФПА, ООН-Женщины и группами гражданского общества, ПРООН содействует защите прав членов уязвимых групп, подверженных повышенному риску заражения ВИЧ, в системе прав человека в интересах продвижения гендерного равенства и ликвидации гендерного насилия. Сотрудничество с такими партнерами, как Евразийская сеть снижения вреда, Евразийская коалиция по мужскому здоровью, Евразийская женская сеть по СПИДу, Региональная сеть правовой помощи людям, затронутым эпидемией ВИЧ / СПИД, (UNDP, 2014d) и Сеть защиты прав секс-работников (SWAN), имеет важнейшее значение.

- ПРООН предоставляет техническую помощь для обеспечения согласованности инициатив в области здоровья с вопросами обращения с отходами, выбросов углерода, «зеленых закупок» и с другими экологическими проблемами. ПРООН разработано Руководство по управлению отходами сектора здравоохранения для должностных лиц и практиков, работающих с грантами Глобального фонда (Healthcare Waste Management Toolkit Package for Global Fund Practitioners and Policy Makers) (UNDP, 2015b). ПРООН поддерживает работу Европейской целевой группы по окружающей среде и здоровью (общий объем закупок членов этой группы составляет около 5 миллиардов долл. США в год). Инициатива внедрения Индекса «зеленых» закупок в секторе здравоохранения содействует усилению прозрачности, подотчетности и экологической устойчивости закупок в этом секторе (в том числе в Украине).
- ПРООН предоставляет техническую помощь институтам на национальном уровне, которые являются основными получателями грантов Глобального фонда, имеющих критически важное значение для обеспечения равного доступа к лекарственным средствам.

анализировать качественные данные, которые пока что не собираются на регулярной основе.³⁰

Задачи и показатели достижения Целей в области устойчивого развития констатируют ценность использования данных для достижения консенсуса, поддержки принятия интегрированных решений, обеспечения межотраслевого лидерства и развития межотраслевых планов и программ. Учитывая то, что основы политики «Здоровье-2020» и Цели в области устойчивого развития ориентированы на сокращение неравенства по показателям здоровья, эти стратегические документы могут быть использованы для гармонизации и совершенствования подходов к мониторингу и представлению отчетности по социальным, экономическим и экологическим детерминантам здоровья на национальном и региональном уровне. Система мониторинга достижения Целей в области устойчивого развития, которая требует регулярного представления всеми странами качественных, актуальных и достоверных детальнейших данных, может сыграть особенно важную роль в этой работе.

³⁰ Там же.

Заключение

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1 Контрольный список социальных, экономических и экологических детерминант здоровья

Социальные	Экологические	Экономические
Доступ к образованию	Доступ к зеленым зонам	Доступное жилье
Доступ к медицинскому обслуживанию	Биоразнообразие	Услуги развития бизнеса
Доступ к услугам в сфере досуга	Предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций (например, защита от наводнений)	Экономическая подотчетность в управлении
Употребление алкоголя (чрезмерное потребление алкоголя)	Эффективное использование энергетических ресурсов	Экономические инвестиции в развитие общин
Защита прав детей	Воздействие опасных веществ (химических, физических, радиации, загрязнения, патогенов и т.д.)	Бюджетно-налоговые меры (например, налогообложение табака и алкоголя)
Общинные сети / сети социальной поддержки, социальное единство, социальное исключение (участие в жизни общины / культурной жизни)	Гигиена питания	Бюджетно-налоговые меры в интересах распределения богатства / сокращения бедности (социальные трансферты)
Конфликты (вооруженные)	Продовольственная безопасность / сельское хозяйство	Продовольственная безопасность
Контроль индивидуального планирования семьи	Выбросы парниковых газов	«Топливная бедность»
Дискриминация / социальное отторжение	Качество жилья	Уровень доходов / бедность / гарантированность дохода на уровне домашних хозяйств
Потребление наркотиков	Качество атмосферного воздуха и воздуха внутри помещений	Создание рабочих мест
Развитие детей дошкольного возраста (в т.ч. доступ к уходу за детьми, образование для детей и детская бедность)	Качество промышленных и общественных зданий	Гарантии занятости (временная занятость / без контракта) и психологические условия труда
Эффективная защита прав	Доступ к информационным технологиям	Непрерывное обучение (повышение квалификации)
Риск насилия	Землепользование	Реабилитация правонарушителей
Инфраструктура здравоохранения	Естественные климатические условия (засухи)	Политика в области социальной защиты (включая защиту доходов)
Качество медицинского обслуживания	Шумовое загрязнение	Торговля
Права человека	Постконфликтное восстановление	Безопасность условий труда
Уровень преступности, восприятие безопасности	Общественные культурно-бытовые объекты (в т.ч. спортивные сооружения, центры общин)	
Материнское здоровье и благополучие	Сохранение сельских территорий	
Участие общественности (в принятии решений, например, решений о развитии местных территорий)	Загрязнение почв	
Отсутствие физической активности	Транспорт и инфраструктура мобильности	
Урегулирование ситуаций после конфликтов	Городское планирование	
Рискованное сексуальное поведение	Обращение с отходами	
Социальная политика и доступ к социальным услугам	Водоснабжение и водоотведение	
Табакокурение	Водная безопасность	
Прозрачность и подотчетность в управлении		
Соблюдение рекомендаций врачей при прохождении терапии		

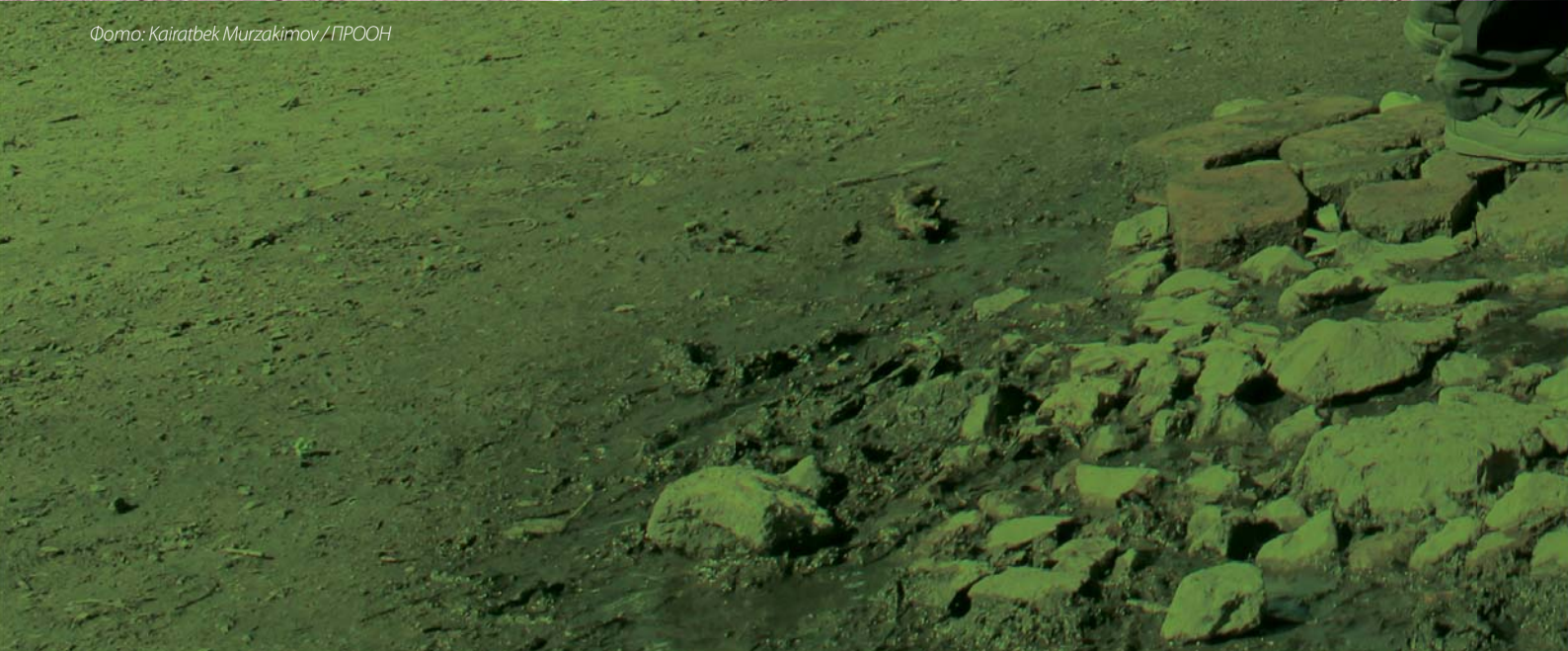
Похоже, что достижения региона в области развития с точки зрения социального вовлечения подвергаются наибольшему риску именно в части здоровья. Это явно прослеживается, судя по ухудшению ожидаемой продолжительности жизни среди мужчин (определяющим фактором чего отчасти является преждевременная смертность от неинфекционных заболеваний), значительному неравенству доступа к качественному медицинскому обслуживанию для этнических меньшинств, таких как цыгане, относительно высоким показателям частоты заболевания ВИЧ / СПИДом в регионе (которые сами по себе могут рассматриваться как индикаторы социального исключения), а также судя по усилению рисков финансовой неустойчивости систем здравоохранения региона, которые определяются демографической ситуацией и расширением неформальной занятости. Для устранения этих рисков и укрепления перспектив ориентированного на человека развития в регионе необходимо, чтобы страны подтвердили свою приверженность подходам к обеспечению общественного здоровья, ликвидации дискриминации, развитию социального вовлечения и терпимости при условии работы всего государства в рамках реализации Целей в области устойчивого развития и стратегии «Европа 2020».

Приложение 2 Контрольный список аспектов неравенства

Инвалидность	Инвалид
	Не инвалид
Уровень образования	Начальное образование или отсутствие образования
	Среднее образование
	Высшее образование
Статус и категория занятости	Безработный
	Занятый
	Работник в неформальном секторе
Этническая принадлежность	Этническое большинство
	Этническое меньшинство
Семейное положение	Холост / не замужем
	Замужем / женат
	Замужем / женат и имеет детей
	Разведен (разведена) / проживает отдельно / вдовец (вдова)
Пол	Мужской
	Женский
	Трансгендер
Этап жизненного цикла (возраст)	Пренатальный
	Дошкольный
	Школьный
	Переходный этап между получением образования и трудовой деятельностью
	Создание семьи
	Трудовая деятельность
	Пенсионный
Маргинализованные группы	Бездомные
	Заклученные
	Работники секс-индустрии
	Уязвимые мигранты / ВПЛ / беженцы
	Трудовые мигранты
Место жительства	Сельский регион
	Городской регион
Религиозные убеждения	Религиозное большинство
	Религиозное меньшинство
Сексуальная ориентация	Гетеросексуальная
	Гомосексуальная / бисексуальная
Благосостояние	Наименее обеспеченный квинтиль
	Второй квинтиль
	Средний квинтиль
	Четвертый квинтиль
	Наиболее обеспеченный квинтиль

Фото: Kairatbek Murzakimov / ПРООН

Глава 5

Природные богатства,
неравенство и устойчивое
человеческое развитие

Основные тезисы

- **Показатели, используемые для измерения природных богатств и экологической устойчивости, а также их взаимосвязи с показателями неравенства и человеческого развития имеют сложный и многогранный характер.** Судя по некоторым данным и показателям, многие страны региона располагают большими природными богатствами и придерживаются относительно устойчивых подходов к их использованию. Тем не менее, более тщательный анализ показателей отсутствия продовольственной и энергетической безопасности домашних хозяйств, особенно в странах с доходом ниже среднего, расположенных в бассейне Каспийского моря, указывает на то, что динамика использования водных и земельных ресурсов ведет к формированию серьезной нагрузки на домашние хозяйства с низким уровнем доходов. Помимо того, что эти территории являются местом самых масштабных в регионе (и одних из самых масштабных в мире) антропогенных экологических катастроф (трагедия Аральского моря), модели развития многих из данных стран опираются на добычу и переработку невозобновляемого углеводородного топлива, полезных ископаемых и цветных металлов.
- **Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года предлагает такие варианты политики, которые позволяют «не оставить никого в стороне», причем для ускорения прогресса в области человеческого развития необходимо будет придерживаться устойчивых подходов, основанных на принципах социальной справедливости.** Хотя цели в области устойчивого развития обеспечивают более надежные основы политики для продвижения многоаспектных подходов к вопросам борьбы с бедностью и человеческого развития, присутствует и ряд противоречащих друг другу задач. Крайне важно использовать более качественные данные и новые показатели для измерения природных богатств и взаимосвязей между равенством внутри поколений и между разными поколениями.

Неравенство, природные богатства и человеческое развитие

В ходе дискуссий о неравенстве на мировом и региональном уровне в значительной степени упускаются взаимосвязи между этим явлением, доступом к природным богатствам и их использованием. В широком понимании природные богатства включает «землю, полезные ископаемые и ископаемые виды топлива, солнечную энергию, водные ресурсы, живые организмы, а также услуги, производимые в результате взаимодействия всех упомянутых элементов в рамках экологических систем» (UNEP, 2007: 521). То, в какой степени эти «активы» воспринимаются в качестве «капитала» (и, соответственно, в какой степени этот «запас капитала» воспринимается в качестве приоритета), зачастую тесно связано с позиционированием понятий «устойчивости» и «устойчивого развития» в рамках исследований. В данном случае природные богатства рассматриваются как общественные блага, на использование которых общества

имеют право, и в отношении устойчивого использования которых в рамках решения задач в области развития общества несут ответственность.

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и связанные с ней Цели в области устойчивого развития призваны как не допустить обеспечение прогресса сегодня за счет будущих поколений, так и реализовать принцип «не оставить никого в стороне» сегодня. Как указано в Докладе ПРООН о человеческом развитии за 2011 год («Устойчивое развитие и равенство возможностей: Лучшее будущее для всех»), «было бы величайшим насилием над принципом универсализма, если бы мы ломали голову над межпоколенческим равенством и не занялись одновременно проблемой внутриспоколенческого равенства» (стр. 1). Тем не менее, на практике определение аспектов равенства, связанных с отсутствием адекватного доступа к природным ресурсам или дифференцированным воздействием экологической неустойчивости на уязвимые

группы населения, зачастую проблематично. Вопросы измерения и количественной оценки во многих случаях являются особенно спорными. Это не удивительно, учитывая, что методологическая база для измерения этих переменных пока еще находится в зачаточном состоянии (стандарты учета природных богатств на национальном уровне были согласованы Статистической комиссией ООН только в 2012 году³¹).

Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что взаимосвязи между неравенством и устойчивостью функционируют в обоих направлениях. Довольно часто бремя неустойчивого использования природных ресурсов распределяется неравномерно внутри обществ; в свою очередь, неравенство способно усугубить неустойчивое использование природных ресурсов. Это говорит о вероятности формирования замкнутого круга неравенства и неустойчивого использования природных ресурсов, который может повлечь серьезные последствия для человеческого развития. В то же время, возможны и благоприятные процессы: Воллрат (Vollrath, 2007) установил, что при неизменности таких переменных, как общий показатель использования производственных ресурсов, качество земель, человеческий капитал и качество институциональной базы, снижение коэффициента Джини по землевладению на одно стандартное отклонение соответствует повышению производительности земельных ресурсов на 8,5 процента.

Автор исследования (Islam, 2015) предложил четыре перекрывающихся и взаимосвязанных канала воздействия, через которые неравенство может оказать негативное влияние на окружающую среду. Речь идет о:

- поведении на уровне домашних хозяйств: включая индивидуальные решения, принятые на уровне домашних хозяйств, которые могут варьироваться в зависимости от уровня доходов домашних хозяйств, доступа к ресурсам, половой принадлежности и т.д.;
- поведении на уровне общины: коллективные или общинные действия, основывающиеся на нормах и правилах, применяемых на местном уровне;
- поведении на уровне страны: политика и практики, определяющие влияние

Регион обладает относительно большой ресурсной базой, причем уровни соотношения природных богатств к ВВП выше среднемировых показателей.

³¹ Система эколого-экономического учета включает международно признанные стандартные понятия, определения, классификации, правила учета и таблицы для подготовки сопоставимых на международном уровне статистических данных об окружающей среде и ее взаимосвязи с экономикой. См.: <http://unstats.un.org/unsd/envaccounting/seea.asp>

В Грузии, колодцы обеспечивают фермерам лучшее орошение. Отсутствие надежных поставок воды может ограничить возможность полноценной реализации человеческого потенциала. Фото: David Khizanishvili / ПРООН

национальных устремлений на окружающую среду (например, налоги и субсидии, влияющие на рентаориентированное поведение); и

- поведении на международном уровне: все чаще означает роль общественных благ в возможности экспортировать / импортировать экологические блага / вред.

По данным ПРООН (UNDP, 2011), развивающиеся страны, как правило, наиболее подвержены влиянию последствий экологической неустойчивости, в то время как их потенциал к адаптации и (или) минимизации этих последствий зачастую слабее в сравнении с развитыми странами. Глобальное неравенство может, таким образом, усиливаться: в Докладе о человеческом развитии ПРООН от 2011 года подчеркивается, что усиление экологических рисков может привести к смене тенденции к сближению индексов человеческого развития развитых и развивающихся стран на противоположную после 2050 года.

В двух работах Бойс и соавторов (Boyse, 1994 и Boyse et al., 2007) речь идет о том, каким образом неравенство влияет на устойчивость

через каналы принятия решений и разработки политики на национальном уровне. Соответственно, социально-экономическое неравенство найдет отражение в политических процессах, которые будут оказывать влияние с точки зрения экологической устойчивости. С учетом того, что богатые слои населения извлекают больше пользы при росте потребления и производства и имеют больше шансов изолировать себя от последствий деградации окружающей среды, у них имеются все основания для поддержки политики, ведущей к дальнейшему росту потребления и производства – даже в ущерб экологическим стандартам. В результате этого совокупный уровень потребления ресурсов и загрязнения окружающей среды может быть выше, чем в условиях более равного общества. Данная аргументация ставит под сомнение закономерность гипотезы «экологической кривой Кузнеца», согласно которой более состоятельные общества, а также более обеспеченные члены любого отдельно взятого общества придают большее значение экологическим стандартам, в отличие от их менее состоятельных партнеров (Yandle et al., 2004; Stern, 2004).

Требуются более эффективные показатели для измерения неравенства, экологической устойчивости и взаимосвязей между ними.

Вилкинсон и др. (Wilkinson et al., 2010) выделяют три механизма, посредством которых неравенство может способствовать усилению неустойчивости. Во-первых, неравенство поддерживает становление материалистических

ценностей и подпитывает идеологию потребления, тем самым увеличивая нагрузку на окружающую среду. Во-вторых, более равноправные общества демонстрируют, как правило, более высокую степень сплоченности и взаимного доверия, что обеспечивает лучшее основание для работы во имя общего блага, как, например, в целях соблюдения экологических стандартов. Наряду с этим, равенство может играть решающую роль при выработке мер политики, нацеленных на обуздание экологической

неустойчивости. Подобным образом, если исходить из того, что для достижения устойчивости требуются более адаптивные общества, способные к технологическим инновациям и принятию креативных решений, а также из того, что более высокая степень равноправия зачастую соотносится с высоким уровнем человеческого капитала, более равноправные общества должны быть лучше приспособлены к продвижению вперед к устойчивости.

Согласно утверждению Ноймаера (Neumayer, 2011), рост неравенства доходов способен привести к сокращению социального капитала, поскольку неравенство представляет угрозу «общественному устройству» в условиях, когда беднейшие слои населения чувствуют себя обделенными в правах и испытывают зависть по отношению к богатым соотечественникам. Такое разрастание неравенства может представлять наиболее серьезные вызовы для общества, проходящего через этап фундаментальных преобразований от крайне эгалитарного и придерживающегося коллективистских традиций до более рыночно ориентированного и индивидуалистического. Чем длиннее период социализма, тем сильнее амплитуда ценностных и поведенческих колебаний из одной крайности (коллективизм, эгалитарность) в другую (индивидуализм, «капитализм»).

Изобилие природных богатств и ресурсов может коррелировать с более высоким уровнем коррупции, рентоориентированности, слабым

обеспечением соблюдения прав собственности и, в целом, «плохими» институтами (Papayakis and Gerlagh, 2004; Gylfason and Zoega, 2006), что, в свою очередь, неблагоприятно сказывается на экономическом росте. Рента от природных ресурсов (в особенности, в сочетании с плохо определенными правами собственности, отсутствием / недостаточным развитием рынков, неполноценной системой правоприменения и т.д.) может способствовать становлению рентоориентированного поведения, которое вытесняет более полезную с социальной точки зрения деятельность. Кроме того, наличие более значимых запасов природных богатств может снижать стимулы к накоплению богатства за счет эффективных стратегий и институтов, потому что материальные ценности приобретаются относительно легко за счет эксплуатации природных ресурсов (Gylfason and Zoega, 2002a; 2002b). Упомянутые авторы также считают, что неравномерное распределение доходов либо земельных ресурсов (измеряемое с помощью коэффициента Джини) или неравномерный доступ к образованию (измеряемый гендерными различиями в охвате средним образованием) напрямую зависят от доли природных ресурсов в национальном доходе в случае, когда права собственности на природные ресурсы распределяются более неравномерно, чем другие виды богатства.

По мнению Папиракиса и соавторов (Papayakis et al., 2009), гендерное неравенство (согласно измерениям соотношения средней продолжительности обучения мальчиков и девочек в школе) в большей степени проявляется в странах, богатых природными ресурсами, чем в иных государствах. Наряду с этим, в данной работе подчеркивается значительно более важная роль институтов в обеспечении экономического роста в богатых ресурсами странах, в то время как гендерное неравенство в сфере образования выступает в качестве канала ресурсозависимого роста. Ониянги (Oniyangi, 2013) также обращает внимание на взаимосвязь между обеспеченностью природными ресурсами и гендерным неравенством, показывая негативное воздействие высокой степени гендерного неравенства на ресурсоемкие экономики как с узкой (добыча нефти, полезных ископаемых), так и с широкой (сельскохозяйственное производство) географической базой. Более того, повышенная ресурсоемкость при узкой географической базе вкуче с сильными правовыми институтами увеличивает гендерное

неравенство, в то время как сочетание слабых правовых институтов и высокой ресурсоемкости при узкой географической базе способствует его сокращению.

В данном контексте в качестве значимого фактора выступает государственная политика. Многие показатели управления демонстрируют положительную корреляцию между качеством нормативной среды и экологическими стандартами. Продуманная бюджетно-налоговая и денежно-кредитная политика, нацеленная на защиту национальной экономики от колебаний доходов, полученных посредством эксплуатации природных богатств, обеспечение экономической диверсификации во избежание вытеснения несырьевых секторов экономики, повышение транспарентности, подотчетности и участия общественности в принятии решений в целях противодействия возможным проявлениям коррупции и рентоориентированности, а также равномерное распределение благ и равноправие в принятии решений – все это включено в перечень перспективных стратегий по преобразованию природных богатств в стабильное

экономическое и человеческое развитие (Jones, Luong, and Weinthal, 2006; Sugiri, 2009).

Региональный контекст

Что можно сказать о природных богатствах Восточной Европы, Турции и Центральной Азии? Данные о наличии природных богатств по странам этого региона приводятся ниже (рисунок 61) на основе сделанных Всемирным Банком оценок уровня накопления ресурсной ренты в сферах энергетики, добывающей отрасли, сельском и лесном хозяйстве. Они свидетельствуют об относительно большой ресурсной базе региона; по состоянию на 2013 год по всем странам зарегистрированы уровни соотношения природных богатств к ВВП, которые были выше среднемировых показателей. В отношении большинства государств это отражает сравнительно высокий уровень обеспеченности лесными и сельскохозяйственными ресурсами по отношению к ВВП. В случае с основными производителями углеводородного (например, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан) или минерального (например,

Рисунок 62. Отношение природных богатств к ВВП в регионе (2013 год)

Расчеты ПРООН на основе данных Всемирного банка.

Примечание:

- Природные богатства определяются как сумма ренты от нефти, природного газа, угля, полезных ископаемых и лесных ресурсов в сочетании с природными богатствами, связанными с землей, что оценивается на основе добавленной стоимости в сельском хозяйстве (доля ВВП). Рента от энергоресурсов и полезных ископаемых оценивается в соответствии с методикой, описанной в следующей работе: <<The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium>> (World Bank, 2011).
- Среднемировые уровни отношения углеводородов и полезных ископаемых к ВВП, а также сельскохозяйственных и лесных ресурсов к ВВП оцениваются на уровне 5 процентов и 3 процентов соответственно.

Природные богатства, неравенство и устойчивое человеческое развитие

Для ускорения прогресса в области человеческого развития необходимо будет придерживаться устойчивых подходов, основанных на принципах социальной справедливости.

Казахстан, Украина) сырья, эти соотношения еще более увеличиваются за счет значительных запасов энергоресурсов (углеводородов) и полезных ископаемых.

Если оценочная стоимость углеводородов, полезных ископаемых, а также сельскохозяйственных и лесных ресурсов

позволяет приблизительно измерить запасы природных богатств, то показатель скорректированных чистых накоплений³² представляет собой измерение потоков, показывая, находится ли природный (и человеческий) капитал в состоянии сбалансированности, происходит ли его истощение или восстановление. Отображенные на рисунке 62 данные Всемирного банка указывают, что, в целом, страны региона с относительно крупными запасами сельскохозяйственных и лесных

ресурсов (как видно на рисунке 63), как правило, демонстрируют положительные значения скорректированных чистых накоплений за последние десять лет. А принимая во внимание, что страны с относительно крупными запасами углеводородного сырья и полезных ископаемых (в частности, Азербайджан и Казахстан) указывали в отчетах в 2004 году отрицательные

значения скорректированных чистых накоплений, к 2014 году эти показатели стали положительными.

В то же время, такие расчетные показатели могут представить чрезмерно радужную картину запасов и потоков природных богатств, чему есть (по меньшей мере) пять причин. Во-первых, такой подход смешивает оценки запасов (например, запасов природных ресурсов) и потоков (добавочная стоимость, созданная сельскохозяйственным сектором). Включение добавочной стоимости сельского хозяйства может приводить к завышению оценок природных богатств для стран с уровнем дохода ниже среднего (как, например, Таджикистан), где доля сельскохозяйственного сектора в ВВП велика, в сравнении со странами со средним уровнем дохода (как, например, Беларусь, Черногория), в которых вклад сельского хозяйства в ВВП сравнительно невелик.

Во-вторых, этот подход может дать неоправданно оптимистичную картину качества природных богатств. В частности, по данным Отдела подготовки Доклада о человеческом развитии ПРООН (на основе сведений ФАО), доля населения шести стран Каспийского бассейна, проживающего на «деградированных землях», соответствует средним мировым показателям либо превышает их (рисунок 64). Это без учета того факта, что согласно оценкам,

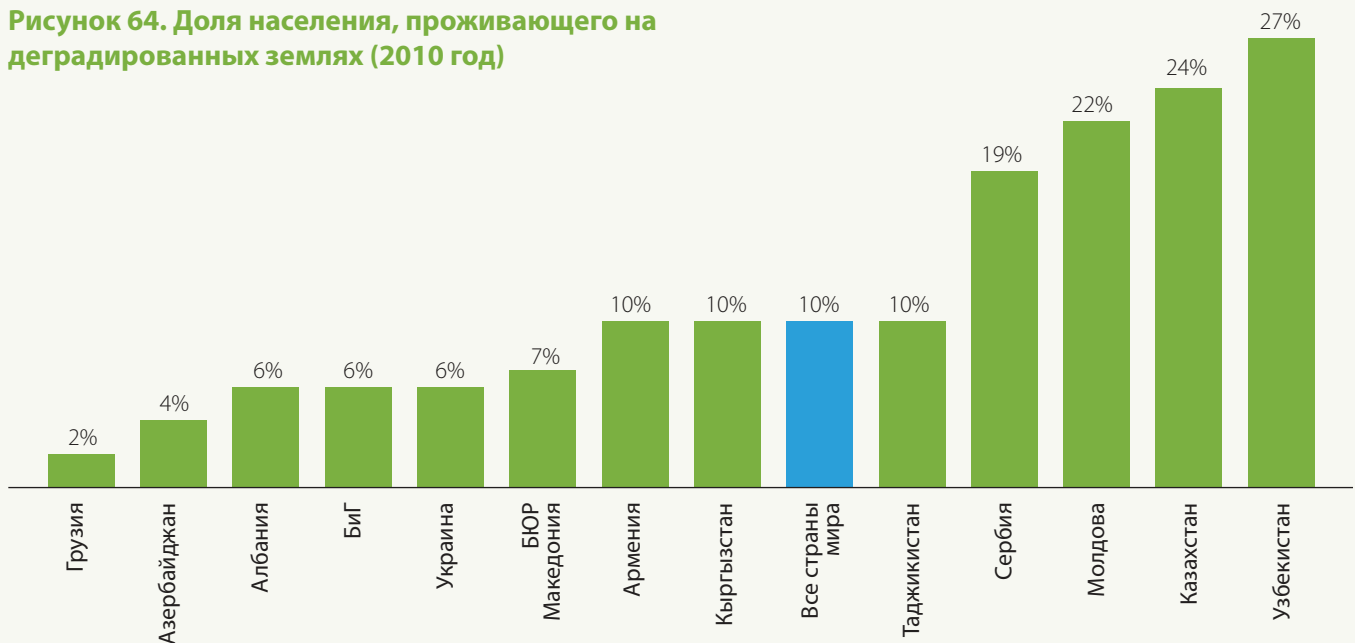
Рисунок 63. Отношение скорректированных чистых накоплений к валовому национальному доходу в регионе (2004-2014 годы)

Расчеты ПРООН на основе данных Всемирного банка.

Примечание: К странам с высокими запасами углеводородного сырья и полезных ископаемых относятся Азербайджан и Казахстан. К показанным на графике странам с высоким уровнем запасов сельскохозяйственных и лесных ресурсов относятся: Албания, Армения, Беларусь, Грузия, Кыргызская Республика, Молдова, Бывшая Югославская Республика Македония, Таджикистан, Турция и Украина.

³² Скорректированные чистые накопления = чистые национальные накопления + расходы на сферу образования – потребление энергоресурсов – истощение полезных ископаемых – чистое истощение лесных ресурсов – выбросы углекислого газа, ущерб от выбросов твердых частиц.

Рисунок 64. Доля населения, проживающего на деградированных землях (2010 год)

Источник: Отдел по подготовке Доклада о человеческом развитии ПРООН.

Вставка 17. Аральское море: Неустойчивое использование природных ресурсов и неравенство в Каракалпакстане

До 1960-х годов Аральское море являлось четвертым крупнейшим внутренним морем в мире. В эти годы советское правительство приняло решение перенаправить значительные водные ресурсы питающих море рек (Амударья и Сырдарья), в первую очередь для орошения (преимущественно, хлопковых плантаций), а также для обеспечения иных потребностей в воде быстро растущего населения Центральной Азии. На протяжении трех последующих десятилетий уровень воды в Аральском море стремительно снижался, в то время как уровень солености вырос в десять раз. К началу нового тысячелетия было утрачено порядка трех четвертей его водных запасов и фактически все биологическое разнообразие, важное для хозяйственной деятельности.

Истощение морских экосистем, утрата около шести миллионов гектаров пахотных земель и исчезновение порядка 40 процентов растительной жизни региона (в связи с ростом уровня засоленности почвы, пылевых бурь и опустынивания) привело к массовой утрате населением, (до наступления этих последствий) проживавшим поблизости, средств существования. Особенно большие лишения испытали жители автономной Республики Каракалпакстан (в составе Узбекистана). Однако экологические последствия трагедии Аральского моря не ограничились только территорией проживания местного населения. Пыль, смешанная с солью и остатками пестицидов, была обнаружена, по меньшей мере, на расстоянии 500 километров от морского дна. Предполагается, что установившаяся более сухая и засушливая летняя погода (характерные для региона жаркие летние периоды больше не смягчаются водами Аральского моря) ускорила таяние ледников в Центральной Азии, которые играют ключевую роль в водном балансе региона.

При поддержке Целевого фонда ООН по безопасности человека Правительством Узбекистана и пятью организациями системы ООН (ЮНЕСКО, ЮНФПА, ВОЗ, ДООН и ПРООН) реализована рассчитанная на период 2012-2016 годов совместная Программа ООН «Обеспечение жизнедеятельности населения, пострадавшего в результате кризиса»

Аральского моря», стоимостью 42 миллиона долл. США. Благодаря подготовке кадров и поддержке деятельности по разработке социальных, экономических, медицинских и экологических показателей органы управления Каракалпакстана получили больше возможностей по сбору, обработке и анализу данных. Разработанная в рамках Программы база данных региональных экологических и социально-экономических показателей обеспечила методологические основы для постоянного сбора, анализа и использования данных при разработке мер политики и программ и мониторинге их реализации.

Реализация этой Программы позволила выявить многочисленные связи между использованием природных богатств и неравенством. Она показала, что такие связи формируются через различные каналы воздействия и работают, как правило, в обоих направлениях. Экологическая деградация, включая истощение водных ресурсов и повышение уровня солености, способствовала многочисленным проявлениям неравенства среди жителей Каракалпакстана. Исчез активный рыбный промысел, а возможности домашних хозяйств заниматься традиционным натуральным сельскохозяйственным производством сильно сократились, что, в свою очередь, жестко ограничило способность обеспечивать базовую продовольственную безопасность для своих семей. Низкие доходы, неполноценное питание, воздействие пылевых бурь, перебои с питьевой водой и снижение ее качества как следствие минерализации и ограниченности доступа к улучшенным водным источникам негативно сказались на здоровье местного населения.

Также была доказана неэффективность узконаправленных, отраслевых мер реагирования на вызовы, связанные с неустойчивым использованием природных богатств. Для отражения нужд и чаяний людей и общин, пострадавших в результате кризиса Аральского моря, требуются решения на основе межотраслевого подхода, выходящие за ведомственные рамки. Примеры изначальных причин неравенства, рассмотренные в рамках Программы, включали ограниченный доступ к центральному водоснабжению, низкую информированность о практиках устойчивой сельскохозяйственной деятельности, недостаточно развитые традиции и навыки коллективного планирования на местном уровне, низкий уровень развития волонтерской деятельности.

Наконец, Программа показала преимущества мероприятий при активном участии общин, когда пострадавшие в результате кризиса люди и общины определяют свои приоритетные задачи и сообща решают их. Открытые консультации и подключение различных партнеров способствуют формированию консенсуса и установлению приоритетов. Программа привлекла к процессу реализации ряд партнеров, включая представителей местных органов власти, поставщиков услуг здравоохранения, неправительственные организации (Ассоциацию людей с ограниченными возможностями, торгово-промышленную палату, Институт здоровья) и других субъектов. Это показало себя особенно продуктивным при разработке социальных инфраструктурных проектов и установлении приоритетов в области местного развития. В дополнение к укреплению чувства сопричастности и развитию потенциала местных партнеров, участие общин позволило задействовать местные ресурсы (в частности, волонтеры повысили осведомленность о респираторных заболеваниях). Кроме того, подключение общин к процессу планирования и управления своим собственным развитием снижает расходы на инфраструктуру и способствует принятию общинами большей ответственности в процессе эксплуатации и обслуживания уже созданной инфраструктуры.

сельскохозяйственные и лесные ресурсы пяти из этих стран (Армении, Кыргызской Республики, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана) составляют 15-30 процентов от запасов природных богатств. Из этого следует, что «продуктивность» сельскохозяйственных и лесных ресурсов в этих странах, возможно, ниже, чем где бы то ни было.

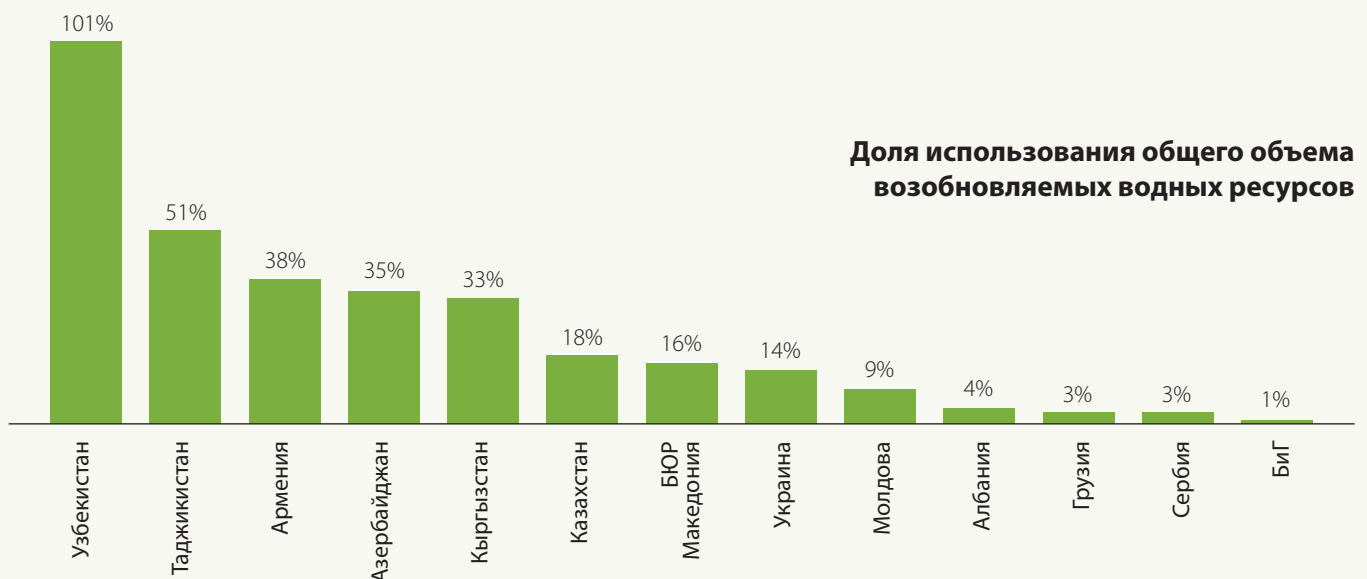
В-третьих, данный подход в значительной степени недооценивает экономическую ценность экосистемных услуг, оценку большинства из которых, как известно, очень сложно провести посредством рыночных механизмов. В-четвертых, (что тесно связано с предыдущим) существует наглядное доказательство неустойчивого использования водных запасов бассейна Аральского моря (вставка 17), что также очевидно из высоких показателей темпов потребления пресной воды в странах Центральной Азии / Каспийском бассейне (рисунок 65). Хотя в последние годы в ряде стран эти показатели снизились, они по-прежнему свидетельствуют о решающем значении водных ресурсов для орошаемого земледелия (в бассейне Каспийского моря), функционирования гидроэлектростанций (в особенности, в Таджикистане и Кыргызской Республике, а также Грузии) и о сопутствующей уязвимости этих стран по отношению к гидрологическим / климатическим рискам.

Последнее, но не менее важное (как и многое другое в природной среде) – это то, что природные богатства зачастую не признают национальных границ. Способность национальных правительств мобилизовать природные богатства для обеспечения национального экономического развития, как правило, зависит от принятия решений в области использования природных ресурсов другими странами. Помимо проблем регионального уровня, связанных с управлением водными ресурсами обширных бассейнов трансграничных рек (что затрагивает, по меньшей мере, часть бассейнов рек Амударья / Сырдарья, Балхаш / Алакол, Дунай и Кура / Араз), нарастает проблема адаптации к климатическим изменениям с учетом ее важных последствий для снижения риска стихийных бедствий,³³ а также для продовольственной и энергетической безопасности домашних хозяйств в ряде менее богатых стран региона.

Результаты развития в регионе бассейна Аральского моря четко демонстрируют взаимосвязанный характер давления на природные богатства (особенно в контексте «энергетического / водного комплекса») и неравенства (причем и по пространственным, и по социально-экономическим параметрам). Высыхание Аральского моря (вставка 17) повлекло невзгоды, которые легли бременем преимущественно на уязвимые домашние

³³ Дополнительную информацию по этому вопросу см. в публикации ПРООН: UNDP, 2016а.

Рисунок 65. Потребление пресной воды в регионе (последний год, по которому имеются данные)

Источник: Отдел по подготовке Доклада о человеческом развитии ПРООН.

Природные богатства, неравенство и устойчивое человеческое развитие

Озеро Преспа в Македонии пострадало от загрязнения вследствие нерациональных методов ведения сельского хозяйства, эрозии, наличия необработанных отходов и сточных вод. Фото: Ljubo Stepanov / ПРООН

хозяйства и общины, проживавшие в непосредственной близости от побережья (исчезающего) Аральского моря. Составленные ПРООН в 2011 году оценки влияния политики в области энергетики и коммунальных услуг на уровень бедности и социальное развитие в Таджикистане и Кыргызской Республике продемонстрировали, что домашние хозяйства с низким уровнем доходов и жители обособленных горных общин в наибольшей степени страдают от перебоев с поставками электроэнергии и других сбоев, связанных с обеспечением энергетической безопасности домашних хозяйств в период трудных зимних

месяцев. Наряду с этим, вместо газового или центрального отопления им чаще приходится использовать неэффективные, дорогостоящие системы электрического отопления либо интенсивно загрязняющие окружающую среду уголь и биомассу (рисунок 66) (UNDP, 2011a). По данным Всемирной продовольственной программы, значительное число домашних хозяйств с низким уровнем доходов в этих странах продолжают подвергаться опасности нехватки продовольствия (World Food Programme, 2014, 2016), что отчасти связано с неустойчивым использованием водных и земельных ресурсов (см. вставку 18).

Рисунок 66. Источники тепла в сельских районах Таджикистана, по квинтилям домашних хозяйств в зависимости от уровня доходов (2013 год)

Расчеты ПРООН на основе данных публикации Всемирного банка «Оценка ситуации, связанной с нехваткой энергии для населения в Таджикистане» (World Bank, 2014, Assessment of Household Energy Deprivation in Tajikistan), с. vii.

Вставка 18. Деградация земель в Таджикистане

Сельское хозяйство является ведущей экономической отраслью Таджикистана, которая представляет 27 процентов ВВП (по данным за 2013 год), 94 процента всех запасов природных богатств и почти 60 процентов занятости населения. Согласно данным за 2010 год, 43 процента сельского населения существовали на 2,15 долл. США в день, а показатели по населению, страдающему от недоедания, составляли 30 процентов.

Почти 97 процентов сельскохозяйственных земель подвержено тому или иному виду эрозии, а 21 процент пахотных земель – значительной деградации. Основной причиной этому послужили неустойчивые практики ведения сельского хозяйства на крутых склонах и малоплодородных землях, неэффективность и неразвитость систем орошения, чрезмерный выпас скота и вырубка леса. Земельные угодья обеспечивают ряд преимуществ и экосистемных услуг, помимо тех, которые приобретаются через рыночные инструменты. Деградация земель наносит ущерб не только окружающей среде, но и социально-экономической сфере вследствие факторов, действующих в пределах затронутых земель и за их пределами. Согласно оценкам, локальные суммарные годовые затраты составили 8 процентов ВВП (2010 год). Дополнительные расходы на восстановление деградированных земель были запланированы в размере 7,8 миллиона долл. США в год в период 2010-2014 годов. Ценностный потенциал таких неиспользованных возможностей производства мог бы увеличить годовой доход домашних хозяйств на 583 долл. США. По некоторым оценкам, в будущем стихийные бедствия могут стать причиной потери до 70 процентов ВВП Таджикистана.

Источник: UNDP-UNEP Poverty-Environment Initiative, Иқтисоди таназули замин барои баҳши кишоварзӣ дар Тоҷикистон, Dushanbe (2011).

Выводы: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и устойчивое человеческое развитие

Бороться с неравенством на практике зачастую сложнее, чем в теории. Добровольные обзоры могут способствовать выполнению гражданского долга на глобальном уровне в соответствии с универсальными принципами. Однако Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года не предусматривает глобальной матрицы показателей управления, позволяющей контролировать аспекты неравенства, в особенности, когда дело доходит до их взаимосвязи с природными богатствами и экологической устойчивостью. Согласно имеющимся данным, проблемы истощения природных богатств и экологической устойчивости в широком понимании относительно четко просматриваются в бассейне Каспийского моря, особенно среди стран этого региона с уровнем дохода ниже среднего. В основе моделей развития этих стран лежат обширные запасы природных ресурсов и (нередко) неэффективные экономические процессы их эксплуатации.

По мере реализации Целей в области устойчивого развития в соответствии с Повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 года значительная часть дискуссий надлежащим образом будет сконцентрирована на том, как Цели в области устойчивого развития смогут помочь развивающимся странам двигаться вперед. Цели в области устойчивого развития ориентированы на то, чтобы обеспечить комплексную повестку дня, учитывающую три измерения устойчивого развития (экономическое, социальное и экологическое). Основная сложность на данном этапе заключается в поиске путей доведения этого комплексного подхода на всех уровнях до стадии реализации.

В первую очередь, очевидно, что требуются более эффективные показатели для измерения неравенства, экологической устойчивости и взаимосвязей между ними. К счастью, разрабатываются новые показатели, дающие

надежду на успех в этом деле (см. вставку 19). Более того, некоторые цели и задачи в области устойчивого развития вполне применимы к решению проблемы устойчивости природных богатств (см. таблицу 7). Задействование этих взаимосвязей может позволить использовать более передовые подходы к разработке политики и получать более значимые результаты на местах. Это говорит о том, что затраты (времени, ресурсов, руководящего потенциала) на обеспечение учета более устойчивых и развитых взаимосвязей (которые, в зависимости от степени их сложности, требуют больше усилий) при выработке мер политики и программ могут позволить добиться большего благодаря более последовательной политике и параллельным преимуществам.

Несмотря на то, что Цели в области устойчивого развития создают более прочную стратегическую основу для продвижения многоаспектных подходов к развитию, они не лишены внутренних конфликтов. Например, задача 8.1 (поддерживать рост ВВП на уровне не менее 7 процентов в год в наименее развитых странах) и ЦУР 12 (обеспечение перехода к рациональным моделям производства и потребления) явно увязаны между собой, а их реализация вполне может оказаться взаимно не согласованной. Если Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года действительно предполагает такие варианты политики, которые позволяют «не оставить никого в стороне» (причем как в настоящий момент, так и в будущем), для ускорения прогресса в области человеческого развития необходимо будет придерживаться устойчивых подходов, основанных на принципах социальной справедливости.

Вставка 19. Переход к более эффективным показателям устойчивого человеческого развития: ИМЭБ и ИУЧР

Многие показатели, используемые для измерения природных богатств в регионе, имеют общую черту с показателями, как правило, используемыми для измерения неравенства доходов (в частности, с коэффициентом Джини): в обоих случаях показатели представляют картину ситуации в регионе в довольно радужном свете, и в обоих случаях наблюдаются значительные недостатки в методологических подходах. Этот пробел мог бы быть восполнен посредством дополнения двух широко используемых ПРООН показателей человеческого развития: индекса многомерной бедности (ИМБ) и индекса человеческого развития, скорректированного с учетом неравенства, (ИЧРН) – надежными компонентами, измеряющими экологическую устойчивость.

От ИМБ к ИМЭБ. Показатели многомерной бедности позволяют количественно измерить бедность, сочетая при этом параметры бедности, связанные и не связанные с доходами, и показывая взаимосвязи между ними. В 2010 году в Докладе о человеческом развитии ПРООН Оксфордская инициатива в области человеческого развития и бедности совместно с ПРООН представила понятие ИМБ. Этот индекс отражает взаимопересекающиеся аспекты неравенства в трех сферах человеческого развития: здоровье, образование и уровень жизни. Однако, несмотря на то, что ИМБ в целом отражает социально-экономические аспекты устойчивого развития, он упускает компонент экологической устойчивости. Индекс ИМЭБ для количественного измерения прогресса с учетом неравенства и экологической устойчивости, можно сконструировать следующим образом:

- Включить в ИМБ компонент экологической устойчивости (который сам по себе мог бы быть сводным показателем потребления воды, выбросов парниковых газов, деградации земель и других общепринятых экологических показателей); и
- Скорректировать компоненты ИМБ для отражения как колебаний, так и уровней средних страновых показателей.

От ИЧРН к ИУЧР. В Докладе о человеческом развитии ПРООН за 2010 год также вводится понятие «индекс развития человеческого потенциала, скорректированный с учетом неравенства» (ИЧРН). Снижая национальные показатели ИЧР с учетом степени расхождений по таким его компонентам, как уровень жизни, здоровье и образование, ИЧРН демонстрирует, сколько отдельно взятая страна теряет в плане развития из-за существующего в этих сферах неравенства. ИЧРН мог бы служить показателем для измерения экологической устойчивости, а также неравенства при условии включения в него экологического компонента, в соответствии с аналогичным алгоритмом включения экологического компонента в ИМБ (как было описано выше).

В отличие от ИМЭБ (который до сих пор не внедрен),³⁴ ИУЧР уже применяется в ряде стран. Он был представлен Правительством Армении в рамках параллельного мероприятия Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» в июне 2012 года. Результаты были впоследствии опубликованы Национальной статистической службой Армении в ежегоднике «Окружающая среда и природные ресурсы Республики Армения в 2011 году» (Environment and Natural Resources in the Republic of Armenia for 2011). Данная концепция была представлена в форме рабочего документа Европейской экономической комиссии ООН (Ivanov and Peleah, 2013) и обсуждалась на заседании Конференции европейских статистиков в 2013 году. В подготовленном ПРООН Национальном отчете о человеческом развитии Черногории за 2014 год (UNDP, 2014f) также использовались оценки близких к ИУЧР индексов («расширенный ИЧР» и «доступный ИЧР») для ряда стран региона.

³⁴ Более полное описание ИМЭБ представлено в следующей публикации: Peleah and Bourma, 2016.

Природные богатства, неравенство и устойчивое человеческое развитие

Таблица 7. Цели в области устойчивого развития, задачи и предлагаемые показатели, увязывающие человеческое развитие и экологическую устойчивость

Задача 1.4: К 2030 году обеспечить, чтобы все мужчины и женщины, особенно малоимущие и относящиеся к уязвимым слоям населения, имели равные права на экономические ресурсы, а также доступ к базовым услугам, владению и распоряжению землей и другими формами собственности, наследуемому имуществу, природным ресурсам, соответствующим новым технологиям и финансовым услугам, включая микрофинансирование.	Предлагаемый показатель 1.4.1: Доля населения, живущего в домохозяйствах с доступом к базовым услугам.
Задача 1.b: Создать на национальном, региональном и международном уровнях надежные стратегические механизмы, в основе которых лежали бы стратегии развития, учитывающие интересы бедноты и гендерные аспекты, для содействия ускоренному инвестированию в мероприятия по ликвидации нищеты.	Предлагаемый показатель 1.b.1: Число национальных планов действий, относящихся к многосторонним экологическим соглашениям и предусматривающих ускоренное инвестирование в мероприятия по ликвидации нищеты и неистощительное использование природных ресурсов.
Задача 3.9: К 2030 году существенно сократить количество случаев смерти и заболевания в результате воздействия опасных химических веществ и загрязнения и отравления воздуха, воды и почв.	

ЦУР 6. Обеспечение наличия и рациональное использование водных ресурсов и санитарии для всех.

Задача 8.4: На протяжении всего срока до конца 2030 года постепенно повышать глобальную эффективность использования ресурсов в системах потребления и производства и стремиться к тому, чтобы экономический рост не сопровождался ухудшением состояния окружающей среды, как это предусматривается Десятилетней стратегией действий по переходу к использованию рациональных моделей потребления и производства, причем первыми этим должны заняться развитые страны.	Предлагаемый показатель 8.4.1: Продуктивность использования ресурсов.
Задача 12.2: К 2030 году добиться рационального освоения и эффективного использования природных ресурсов.	Предлагаемый показатель 12.2.1: Ресурсозатраты и ресурсозатраты на душу населения.
Задача 12.c: Рационализировать отличающееся неэффективностью субсидирование использования ископаемого топлива, ведущее к его расточительному потреблению, посредством устранения рыночных диспропорций с учетом национальных условий, в том числе путем реорганизации налогообложения и постепенного отказа от вредных субсидий там, где они существуют, для учета их экологических последствий, в полной мере принимая во внимание особые потребности и условия развивающихся стран и сводя к минимуму возможные негативные последствия для их развития таким образом, чтобы защитить интересы нуждающихся и уязвимых групп населения.	Предлагаемый показатель 12.c.1: Сумма субсидий на ископаемое топливо на единицу ВВП (производство и потребление) и их доля в совокупных национальных расходах на ископаемое топливо.

ЦУР 15. Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биологического разнообразия

ფოტო: Vladimer Vaishvili / PIPOOH

Глава 6

Неравенство и основанное на широком участии управление

Основные тезисы

- **Данные обследований свидетельствуют о присутствии значительной обеспокоенности общества по поводу качества управления** в регионе, особенно в части восприятия коррупции и неравенства перед законом. Такое восприятие неравенства перед законом не обязательно находит отражение в официальных данных о распределении дохода или благосостояния. Странам необходимо подтвердить свою приверженность целям сокращения коррупции и усиления верховенства закона, чтобы:

 - ❖ сократить неформальную занятость, которая лишает многих работников трудовых прав и доступа к социальной защите;
 - ❖ обеспечить рост доходов государственных бюджетов в целях усиления устойчивости систем социальной защиты;
 - ❖ обеспечить доступ уязвимых групп (включая тех, кто в противном случае может подвергаться дискриминации по этническим, гендерным и иным признакам) к правосудию; и
 - ❖ создать равные условия хозяйствования, расширить перспективы хозяйственной деятельности для малых предпринимателей.
- **Несмотря на прогресс по отдельным направлениям, в регионе наблюдается низкий уровень обеспечения верховенства закона**, что снижает возможности для более инклюзивного роста. Усиление согласованности национальных нормативно-правовых систем с международными стандартами и обязательствами и более действенное применение этих стандартов могут способствовать укреплению верховенства закона на всей территории региона.
- **В регионе сохраняется высокий воспринимаемый уровень коррупции.** Меры, направленные на усиление прозрачности и уменьшение даже видимости коррупции, могут обеспечить сокращение ухода от налогов и неформального сектора и повысить качество государственных услуг. Подтверждение приверженности целям реформирования государственного управления и государственной службы, а также расширенное использование инновационных механизмов, таких как электронное правительство и социальные сети, могут значительно способствовать более оперативному реагированию государства на потребности уязвимых групп.

- **Дискриминация остается важной проблемой в регионе, что отчасти подтверждается тем фактом, что социально ущемленные группы недостаточно активно вовлечены в процессы принятия решений.** В большинстве стран на законодательном уровне запрещена дискриминация этнических меньшинств, женщин и людей с ограниченными возможностями и гарантирован доступ этих социально ущемленных групп к государственным услугам и благам. Однако реализации этих мер слишком часто препятствует неравный доступ к правосудию, недостаточно развитый потенциал уполномоченных институтов и формирующиеся в результате дискриминации различия в уровне образования и статусе на рынке труда. В некоторых случаях может возникнуть потребность в позитивной дискриминации и других временных мерах для решения этих проблем.
- **Не следует игнорировать взаимосвязи между конфликтами и неравенством** в регионе, который за последние двадцать лет пережил ряд серьезных вооруженных конфликтов. Дискриминация, неравный доступ к государственным услугам и неравенство возможностей могут стать причиной возникновения или усиления напряженности во взаимоотношениях между разными группами населения, что

может вылиться во вспышки насилия. Однако конфликты не улучшают положение социально ущемленного населения, а чаще всего усиливают неравенство и диспропорции, обостряя проявления враждебности и чувство ущемленности и повышая вероятность новых конфликтов. Адресные меры, направленные на социальное вовлечение молодежи и других групп, склонных к политической радикализации, могут дать важные положительные результаты.

- **Для обеспечения уязвимых групп поддержкой со стороны уполномоченных органов в получении доступа к правосудию и государственным услугам необходимо, чтобы страны региона подтвердили свою приверженность целям активного вовлечения гражданского общества во все процессы.** Помогая сократить коррупцию, содействуя развитию бизнеса и расширяя права и возможности уязвимых групп, гражданское общество может стимулировать экономическое развитие на местном уровне, что позволит центральным органам государственного управления сосредоточить внимание на вопросах общенационального масштаба.

Введение

Государственное управление можно определить как совокупность традиций и институтов, с помощью которых реализуются властные полномочия. Сюда относятся процессы выбора, мониторинга деятельности и смены правительства; способность правительства формулировать и реализовывать политику; а также формы проявления доверия граждан к государству (или его отсутствия). Для решения проблем социального исключения большое значение имеют формальные и неформальные институты управления, правила и процедуры, которые регулируют применение властных полномочий, силы и ресурсов. В одном из исследований ПРООН (UNDP, 2011) был сделан вывод, что институты могут относиться к ключевым определяющим факторам неравенства и социального исключения. С тех пор проблемы в управлении в регионе сохраняются: почти 100 000 респондентов из стран рассматриваемого региона отметили в рамках проведенного ООН обследования «My World», что обеспечение честного и ответственного управления относятся к четырем приоритетным задачам глобальной повестки дня в области развития.

Много публикаций международного масштаба, посвященных взаимосвязям между управлением и неравенством, вышло в свет именно в последние годы. Несмотря на, по всей видимости, единодушное мнение, что высокие уровни неравенства и ненадлежащее управление нередко тесно взаимосвязаны, вопросы о конкретных мерах по реформированию управления, необходимых для сокращения неравенства, нередко оказываются все же более спорными. В то время как Тиммонс (Timmons, 2010) не обнаружил по результатам своего исследования систематических взаимосвязей между экономическим неравенством и демократией, Хансон (Hanson, 2013) считает, что экономическое неравенство на национальном уровне отражает лежащие в его основе источники горизонтального и вертикального давления, которые используются властными структурами, чтобы удержаться у власти. В исследовании Фокса и Сандлера (Fox and Sandler, 2003) не выявлено существенных различий в степени дискриминации нерелигиозных меньшинств в зависимости от режима управления, но при этом обнаружилось, что в случае полудемократического управления

наблюдаются самые низкие уровни дискриминации религиозных меньшинств (следом идут демократические режимы). По мнению Бира (Beer, 2009), демократия существенно влияет на усиление гендерного равенства в зависимости от длительности периода действия демократического режима и участия в нем женщин. В работе Аджемоглу, Джонсона и Робинсона (Acemoglu, Johnson, and Robinson, 2004) отмечается, что при неравномерном распределении политической власти те, кто стоят у власти, будут ее использовать для воздействия на экономические институты в собственных (экономических) интересах. Усиление влияния элиты может вести к замедлению темпов роста в экономике в целом. В исследовании Глезера, Шейнкмана и Шлейфера (Glaeser, Scheinkman, and Shleifer, 2003) выдвигается предположение, что коррумпированность судебных органов может подрывать права собственности, что ведет к сокращению инвестиций и роста (для тех, кто не относится к привилегированным материально заинтересованным структурам) и, тем самым, усиливает социально-экономическое неравенство.

Как отмечается в работе Болдуин и Хубера (Baldwin and Huber, 2010), межгрупповое неравенство является гораздо более значимым прогностическим фактором обеспечения общественными благами, чем этнолингвистическая или культурная раздробленность. В исследовании Кирияку (Kyriacou, 2012) также говорится, что «при учете региональных различий снижается оценка влияния сегрегации и доверия на качество управления и статистическая устойчивость этнической сегрегации». Алесина и соавторы (Alesina et al., 2012) также считают, что существует обратная корреляция между этническим неравенством и составляемыми Всемирным банком показателями борьбы с коррупцией и верховенства закона, и что влияние этнического неравенства на экономическое развитие, вероятнее всего, прослеживается в его воздействии на качество институтов. Кирияку (Kyriacou, 2012) также приходит к выводу, что «меры политики, нацеленные на расширение доступа ущемленных этнических групп к экономическим и социальным возможностям, могут также стимулировать экономическое развитие за счет благотворного влияния на качество институтов». Кун и Вейдманн (Kuhn and Weidmann, 2013) обнаружили

положительные взаимосвязи между степенью, в которой определенная группа населения считает себя жертвой экономического неравенства, с одной стороны, и вероятностью того, что эта группа будет протестовать в этой связи, с другой стороны (Kuhn and Weidmann, 2013). Эти результаты подчеркивают, что при отсутствии демократических институтов, которые позволяли бы жертвам неравенства заявлять свое особое мнение, эти ущемленные группы населения могут обращаться к более жестоким формам протеста или заниматься незаконной деятельностью или другими видами неформальной хозяйственной деятельности (для целей обеспечения занятости или получения дохода) (UNDP, 2013b).

Неравенство по параметрам обеспечения социальными услугами также приводится в качестве значимого определяющего фактора конфликтов. В исследовании, на которое ссылается Всемирный банк (World Bank, 2011a), указывается на существование причинно-следственной связи между недостаточным обеспечением услугами, неравенством и насилием. Граждане шести стран, которые участвовали в исследовании, отнесли бедность / низкий уровень образования и правосудие / неравенство / коррупцию к основным определяющим факторам конфликтов. Конфликты, увы, редко приводят к улучшению положения социально ущемленных групп населения. На основе данных по 128 странам за период 1960-2004 годов Биркан и соавторы (Bircan et al., 2010) пришли к выводу, что неравенство усиливается «во время войны и особенно на ранних этапах послевоенного восстановления». Они также отмечают, что пик неравенства в среднем приходится на период, когда проходит пять лет после окончания конфликта, а затем показатели неравенства снижаются до довоенных уровней.

Может также существовать связь между социальной открытостью и государственной политикой по отношению к гражданскому обществу, с одной стороны, и конфликтами и неравенством, с другой стороны. В связи с ограничениями на активное участие гражданского общества меньшинства или другие социально ущемленные группы населения могут считать, что их голоса не будут услышаны государственными политическими институтами. Их ответная реакция (конфликты, коррупция, трудовая миграция) может

создавать проблемы не только для них самих, но и для общества. Для борьбы с этой ситуацией, вероятно, необходимо уделять больше внимания развитию организаций гражданского общества, которые охватывают разные этнические и другие группы населения. В работе Варшни (Varshney, 2001) говорится, что с точки зрения всплеск этнического насилия важно «не то, существует ли этническая жизнь или социальный капитал, а то, охватывают ли социальные и гражданские связи все этнические группы. Иными словами, критическое значение имеет доверие, основанное на межэтнических, а не на внутриэтнических сетях.» Если этот вывод верен, то возможно, что организациям гражданского общества, которые хотят внести положительный вклад, необходимо придерживаться более гибких подходов к вопросам конфликтов, этнических особенностей и неравенства. Создание мощного форума для выражения мнения недостаточно широко представленных этнических групп при сохранении широкого охвата и открытости для всех слоев населения, вероятно, является особенно сложной задачей.

Управление, неравенство и глобальная повестка дня в области развития

Тот факт, что ЦУР 16 («мир, правосудие и эффективные учреждения») вошла в Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, свидетельствует о

растущей заинтересованности в глобальных мерах, направленных на устранение (реального и воспринимаемого) неравенства перед законом (UN, 2015).

Хотя в названии ЦУР 16 отсутствует собственно слово «управление», эта цель связана с институтами, правилами и нормами, с помощью которых разрабатывается и реализуется политика, урегулируются споры и обеспечивается подотчетность за использование властных полномочий и ресурсов. С точки зрения более общего подхода

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и ЦУР 16 констатируют, что

участие в процессе принятия решений, доступ к правосудию и соблюдение прав человека (включая право на развитие) критически важны для достижения прогресса. В основе мер политики, направленных на расширение перспектив и возможностей людей и содействие устойчивому развитию, лежат действенные и подотчетные институты (Kaufmann, 2004).

ЦУР 16 также предполагает существенное сокращение масштабов насилия во всех его формах и продвижение долгосрочных решений проблем конфликтов и незащищенности. Это указывает на признание того факта, что при отсутствии мира и безопасности невозможно предпринимать значимые шаги по обеспечению устойчивого развития и эффективного управления. В этой связи в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года подчеркивается необходимость предотвращать или урегулировать конфликты и поддерживать страны, пережившие конфликты, в том числе за счет привлечения женщин к процессу построения мира и государства (UN Summit, 2015).

Десять из 12 задач, сформулированных в рамках ЦУР 16, делают акцент на развитии инклюзивного общества и обеспечении мира; еще две задачи сосредоточены на

В регионе наблюдается значительная обеспокоенность общества по поводу качества управления, особенно в части восприятия коррупции и неравенства перед законом.

Вставка 20. ЦУР 16 и показательные пилотные проекты в сфере управления

Начиная с 2014 года ПРООН совместно с Албанией и четырьмя другими странами-членами ООН занимается реализацией задач и показателей достижения ЦУР 16 («мир, правосудие и эффективные учреждения»). Этим странам оказана поддержка по следующим основным направлениям работы:

- Собраны, сопоставлены и проанализированы отраслевые стратегии, а также соответствующие наборы данных на национальном, региональном и международном уровне.
- Для каждой страны определен краткий перечень из 20 предлагаемых задач и показателей.
- Эти задачи и показатели были адаптированы с учетом ситуации в конкретной стране.
- Результаты такой адаптации были одобрены в рамках общественных консультаций, подтвердивших наличие и приемлемое качество необходимых данных.

По результатам этой работы составлена базисная оценка состояния управления в Албании. Это обеспечило поддержку мониторинга показателей надлежащего управления в стране в рамках национальной стратегии развития, рассчитанной на период 2014-2020 годов.

Источник: UNDP (2016), <<Final Report on Illustrative Work to Pilot Governance in the Context of the SDGs>>.

Молдова: Нетрадиционная информационная кампания способствует сознательному голосованию в цыганских общинах.
Фото: Dorin Goian / ПРООН

средствах достижения этого. Для отслеживания прогресса в реализации этих задач предложен двадцать один глобальный показатель; по мере возможности и необходимости их следует представлять в разбивке по уровню доходов, полу, возрасту, расе, этнической принадлежности, инвалидности, географическому местоположению и другим характеристикам уязвимости в соответствии с основополагающими принципами официальной статистики (GA resolution 68/261). Однако многие из проблем, которые решаются в рамках ЦУР 16 (например, прозрачность и подотчетность органов государственного управления), формально не измеряются показателями официальной государственной статистики. Для их мониторинга необходимо разработать показатели и процедуры проведения обследований.

К задачам в рамках ЦУР 16, которые особенно важны для целей анализа тенденции в области неравенства и управления в регионе, относятся следующие:

- 16.3 Содействовать верховенству права на национальном и международном уровнях и обеспечить всем равный доступ к правосудию;
- 16.5 Значительно сократить масштабы коррупции и взяточничества во всех их формах;

- 16.6 Создать эффективные, подотчетные и прозрачные учреждения на всех уровнях; и
- 16.7 Обеспечить ответственное принятие решений репрезентативными органами на всех уровнях с участием всех слоев общества.

В рамках данной главы для оценки степени проблем, с которыми страны региона столкнутся при работе над этими задачами в рамках ЦУР 16, использовались сопоставимые на международном уровне данные Всемирного банка (по результатам опросов общественного мнения и экспертных оценок). При этом, исходя из убеждения, что возможность прожить долгую, здоровую и продуктивную жизнь тесно связана со способностью государства обеспечить своих граждан услугами, которые отражены в этих показателях, подчеркивается значимость взаимосвязей между управлением и горизонтальным неравенством (внутри обществ).

Региональный контекст

За период с 1990 года большинство стран региона прошли через глубокие политические, экономические и социальные преобразования. Распад социалистических федераций Советского Союза и Югославии привел к образованию около 20 новых государств, многие из которых не были независимыми государствами в истории последнего времени.

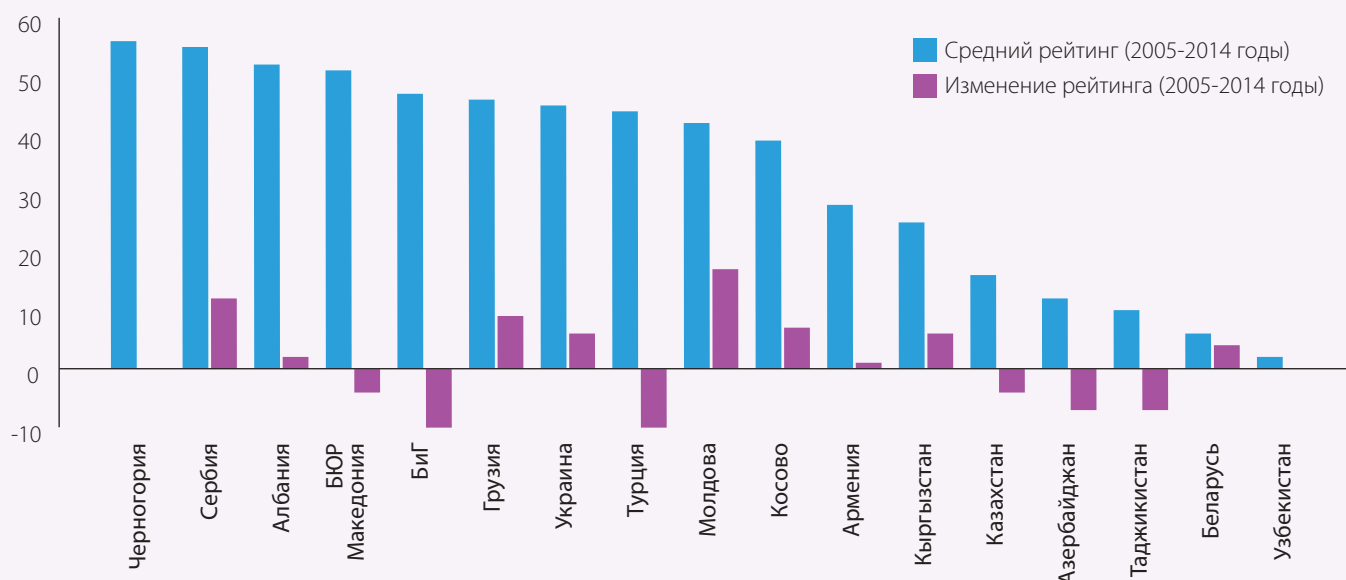
Неравенство и основанное на широком участии управление

В результате этого вопросы институционального потенциала неизбежно оказались среди наиболее актуальных проблем национальных стратегий развития. Но даже в тех странах, которые существовали как независимые государства до 1991 года (например, Албания, Турция), проблемы институционального потенциала в сфере управления, который необходим для выполнения государствами своих обязательств перед гражданами, относились к наиболее серьезным в последние три десятилетия.

Проблемы развития потенциала и государственного строительства нередко оказывались взаимосвязаны с этническим разнообразием в регионе и восстановлением после конфликтов. Во многих странах региона проживают крупные группы этнических меньшинств, некоторые из которых (как, к примеру, цыгане Юго-Восточной Европы) сталкиваются с дискриминацией на ежедневной основе. Ряд стран региона также вынужден решать проблемы, связанные с потенциальными или фактическими вооруженными конфликтами, которые, как правило, возникают под влиянием сложного сочетания таких факторов, как

этническая напряженность, ненадлежащее управление, спорное распределение государственных ресурсов и коррупция. Иногда эти конфликты принимают форму сепаратистских движений (нередко по этническому принципу), которые ратуют за отделение от государств бывшего Советского Союза или бывшей Югославии. Многие из этих конфликтов заканчиваются тупиковой ситуацией или без заключения мирных соглашений, что ведет к образованию «замороженных конфликтов» или «споров о суверенитете» территорий. Результатом подобных конфликтов стали сотни тысяч смертей, увечий, беженцев и внутренне перемещенных лиц (ВПЛ), а многие тысячи людей все еще числятся пропавшими без вести. Проявления неравенства и ограниченности возможностей человеческого развития также можно обнаружить в случае таких уязвимых групп, как женщины, этнические меньшинства, люди с ограниченными возможностями или люди с ВИЧ / СПИДом, а также общин лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров. Дискриминация в общественной жизни и насилие этнической, гендерной и гомофобной направленности по-прежнему

Рисунок 67. Тенденции в управлении по параметру «учет мнения населения и подотчетность государственных органов» в регионе (национальные рейтинги)

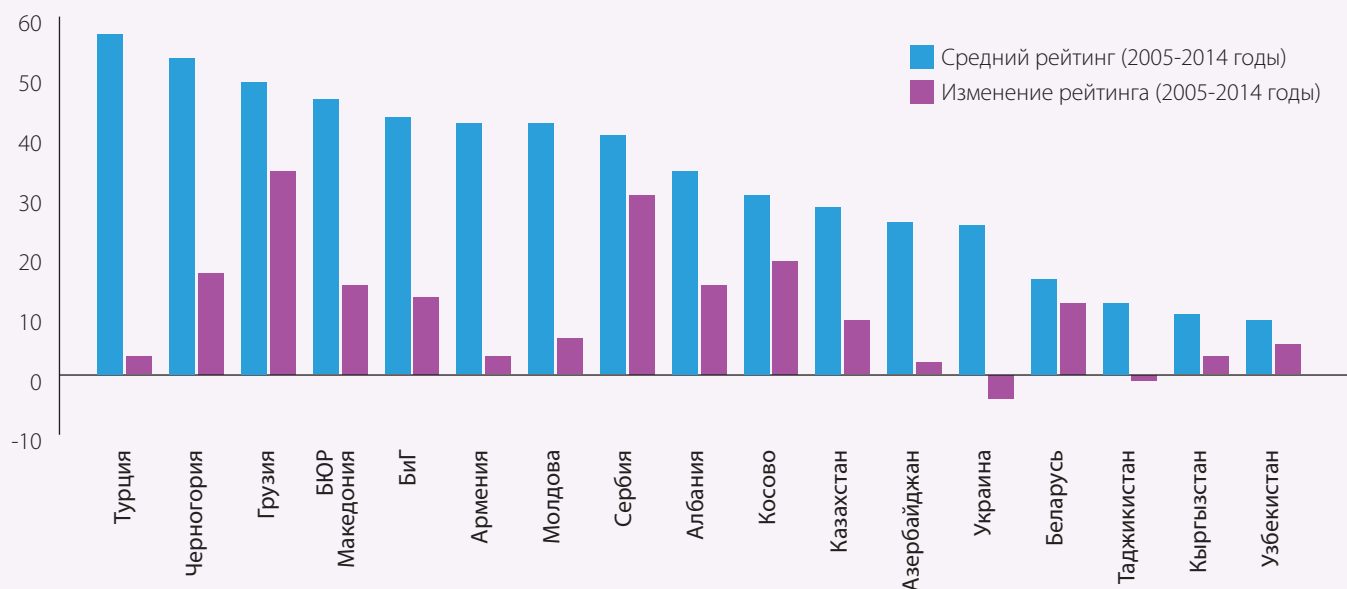
Расчеты ПРООН – среднегодовые показатели на основе данных исследования Всемирного банка о показателях эффективности государственного управления «Worldwide Governance Indicators».

Примечание:

* Параметр «учет мнения населения и подотчетность государственных органов» «отражает степень возможности участия граждан в выборе правительства, а также оценку уровня свободы слова, свободы объединений и степень независимости прессы».

** Чем выше значение рейтинга, тем лучше оценка страны. 100 – самый высокий балл, 0 – самый низкий балл.

Рисунок 68. Тенденции в управлении по параметру «верховенство закона» в регионе (национальные рейтинги)

Расчеты ПРООН – среднегодовые показатели на основе данных исследования Всемирного банка о показателях эффективности государственного управления «Worldwide Governance Indicators».

Примечание:

* Параметр «верховенство закона» отражает восприятие степени, в которой субъекты доверяют правилам общества и подчиняются им, включая в частности качество исполнения контрактных обязательств, соблюдение прав собственности, эффективность работы полиции, судов, а также вероятность преступлений и насилия.

** Чем выше значение рейтинга, тем лучше оценка страны. 100 – самый высокий балл, 0 – самый низкий балл.

Рисунок 69. Тенденции в управлении по параметру «сдерживание коррупции» в регионе (национальные рейтинги)

Расчеты ПРООН – среднегодовые показатели на основе данных исследования Всемирного банка о показателях эффективности государственного управления «Worldwide Governance Indicators».

Примечание:

* Параметр «сдерживание коррупции» отражает восприятие степени использования общественной власти с целью извлечения частной выгоды, включая коррупцию как в мелких, так и в крупных масштабах, а также «захват» государственной власти элитой и частными интересами.

** Чем выше значение рейтинга, тем лучше оценка страны. 100 – самый высокий балл, 0 – самый низкий балл.

Неравенство и основанное на широком участии управление

Проблемы развития потенциала и государственного строительства нередко оказывались взаимосвязаны с этническим разнообразием в регионе и восстановлением после конфликтов.

ограничивают возможности развития этих групп населения.

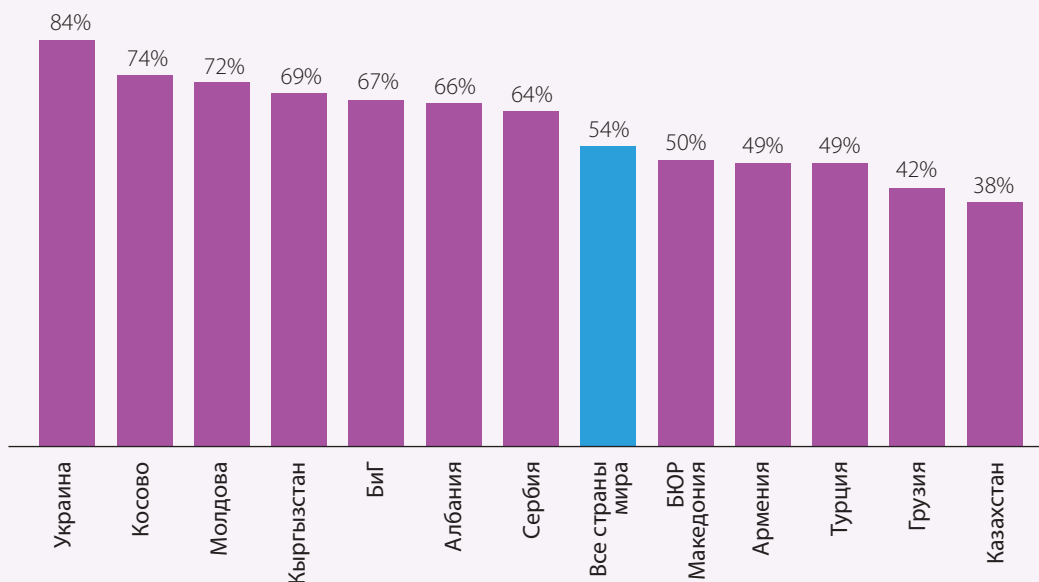
Правительства стран региона многое сделали в интересах развития институционального потенциала, необходимого для исполнения уполномоченными органами их обязанностей по отношению к носителям прав. Однако в некоторых случаях наследие моделей управления, действовавших до 1990 года, в сочетании с напряженностью, связанной с политическими и экономическими реформами, усиливают озабоченность населения по поводу социального исключения и отчуждения от государственных структур. В результате этого широко распространено мнение о существовании неравенства между теми, кто правит, и теми, кем управляют, а также между теми, кто «имеет», и теми, кто «не имеет» (Chayes, 2016).

Такое восприятие наглядно прослеживается в данных по результатам опросов общественного мнения и экспертных оценок, которые нашли отражение в

исследовании Всемирного банка о показателях эффективности государственного управления «Worldwide Governance Indicators».³⁵ В этой базе данных содержатся временные ряды данных о ранжировании свыше 200 стран по таким критически важным параметрам управления, как «учет мнения населения и подотчетность государственных органов» (рисунок 67), «верховенства закона» (рисунок 68) и «сдерживание коррупции» (рисунок 69). Данные по этим параметрам, зарегистрированные в течение последних десяти лет, указывают на то, что несмотря на значимый прогресс (который особенно очевиден в Албании, Беларуси, Грузии, Косово, Молдове и Сербии), регион выглядит не очень хорошо по международным стандартам в плане управления и неравенства. По данным исследования «Worldwide Governance Indicator», около половины стран региона попали в треть стран со средними рейтингами, а вторая половина – в треть с самыми низкими рейтингами.

Эти данные также указывают на то, что многие страны региона могут сталкиваться с особыми сложностями в части следующих задач Целей в области устойчивого развития: 16.3 («содействовать верховенству права

Рисунок 70. Доля респондентов, которые считают, что в их стране «правительством полностью или частично управляют несколько крупных структур, действующих в собственных интересах» (2013 год)

Источник: Transparency International <<Global Corruption Barometer, 2013>>.

³⁵ Эти показатели неидеальны и создают проблемы, особенно с точки зрения международных сопоставлений. С другой стороны, данные, на которых они основываются, взяты из одной и той же базы данных, которая построена и пополняется данными в соответствии с методологическими стандартами, предполагающими сопоставимость данных во времени и между странами. В любом случае глобальный мониторинг достижения ЦУР 16 будет, по-видимому, опираться на эти (или сходные с ними) показатели.

на национальном и международном уровнях и обеспечить всем равный доступ к правосудию», 16.5 («значительно сократить масштабы коррупции и взяточничества во всех их формах»), 16.6 («создать эффективные, подотчетные и прозрачные учреждения на всех уровнях») и 16.7 («обеспечить ответственное принятие решений репрезентативными органами на всех уровнях с участием всех слоев общества»).

Аналогичная тенденция прослеживается в данных по результатам опросов общественного мнения, отраженным в исследовании «Барометр мировой коррупции», подготовленном по заказу «Transparency International» (рисунок 70). Согласно этим данным, большинство респондентов в семи из двенадцати стран охваченного региона считают, что в их стране «правительством полностью или частично управляют несколько крупных структур, действующих в собственных интересах».

Данные обследований и экспертных оценок, содержащиеся в базе данных исследования Всемирного банка «Ведение бизнеса» (Doing Business), дают дополнительную информацию о взаимосвязи управления и неравенства в регионе. На протяжении ряда лет многие из

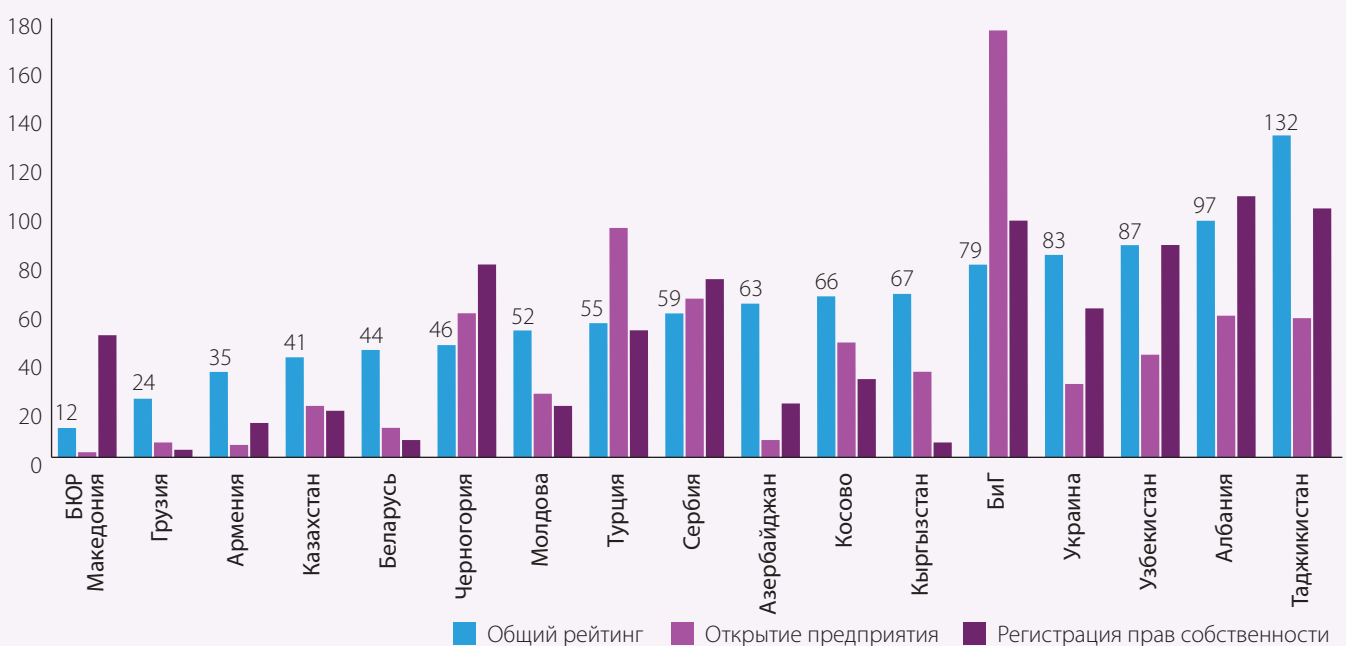
стран региона демонстрируют существенное улучшение своих рейтингов по данным исследования «Ведение бизнеса». Все страны региона, кроме двух, в настоящее время входят в 50 процентов стран с самыми высокими рейтингами по версии «Ведение бизнеса»; Бывшая Югославская Республика Македония, Грузия, Армения, Казахстан, Беларусь и Черногория входят в 25 процентов ведущих государств.

Тем не менее, как показано на рисунке 71, данное улучшение преимущественно объясняется либерализацией таких простых бизнес-процедур, как открытие предприятия или регистрация прав собственности. Реформы в этих областях, безусловно, важны, особенно в случае самозанятых, а также для собственников и работников малых и микропредприятий.

Данные на рисунке 72, напротив, показывают, что уплата налогов и подключение к системам электроснабжения по-прежнему являются значительными препятствиями для ведения бизнеса в этом регионе. Эти препятствия

Меры, направленные на защиту гражданских и политических прав, а также просветительские кампании, проводимые в целях повышения уровня информированности об этих правах, могут помочь сократить коррупцию.

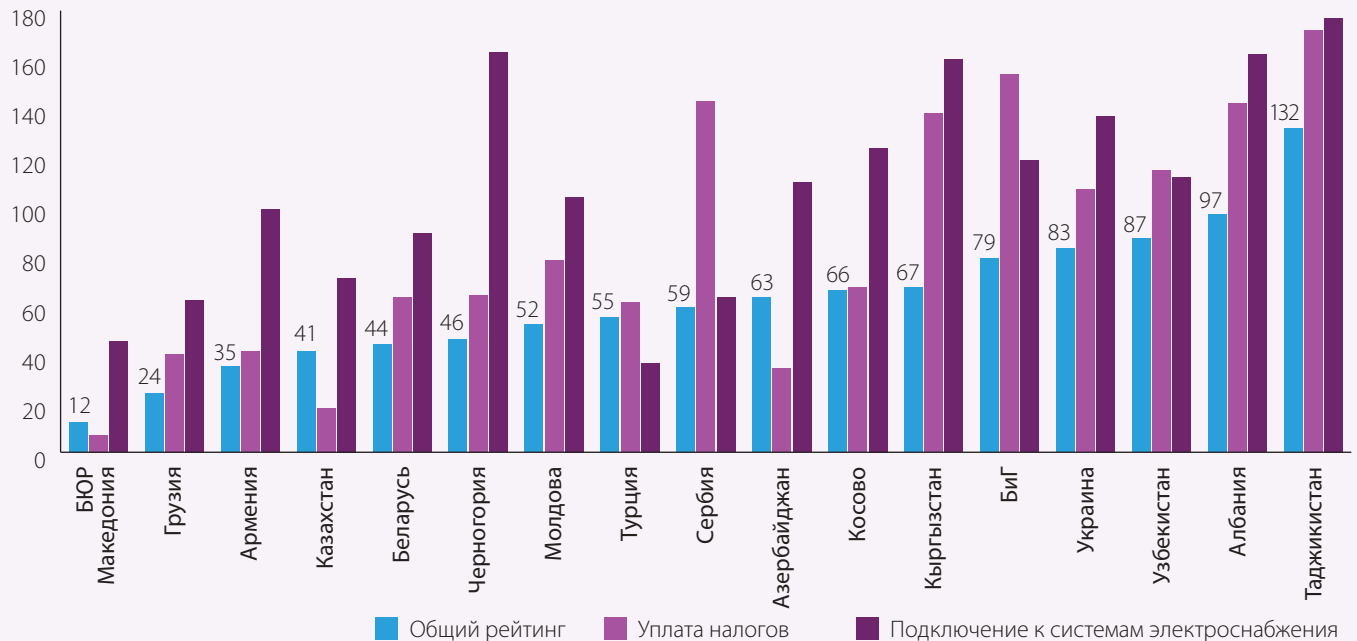
Рисунок 71. Рейтинги стран по данным исследования Всемирного банка «Ведение бизнеса» (2016 год)

Источник: База данных Всемирного банка «Ведение бизнеса» (Doing Business). Чем ниже значение, тем лучше рейтинг.

Неравенство и основанное на широком участии управление

Рисунок 72. Рейтинги стран по данным исследования Всемирного банка «Ведение бизнеса» (2016 год): ключевые препятствия для ведения бизнеса

Источник: База данных Всемирного банка «Ведение бизнеса» (Doing Business). Чем ниже значение, тем лучше рейтинг.

вполне могут оказаться особенно велики для малых предприятий, которые, в отличие от крупных компаний, обычно не имеют юридических отделов, которые защищали бы их интересы при работе с налоговыми органами или поставщиками коммунальных услуг. Эти данные указывают на то, что работу по реформированию управления в интересах совершенствования делового климата в регионе, особенно для малых и

микропредприятий (чья собственники и работники с высокой степенью вероятности могут относиться к нижней части социально-экономической пирамиды), следует сосредоточить не столько на вопросах упрощения регулирования, сколько на развитии институционального потенциала поставщиков услуг электроснабжения, налоговых органов и других аналогичных регулирующих органов.

Рекомендуемые меры политики и программы

Результаты проведенного анализа указывают на важность приведенных ниже рекомендуемых мер политики и программ, которые нацелены на решение проблем, связанных с управлением и неравенством, и поддержку достижения ЦУР 16 в регионе. Реализация этих рекомендаций может помочь сохранить достигнутые до сих пор результаты в области человеческого развития и повысить эффективность управления рисками и угрозами, возникающими в отношении устойчивости этих результатов. Ключевым вызовом является то, что данные, необходимые для отслеживания реализации многих из задач и показателей в рамках ЦУР 16, на сегодняшний день либо отсутствуют, либо не представляются в разбивке по доходам, полу, возрасту, этнической принадлежности, расе, религии, статусу мигранта, инвалидности,

географического местоположения³⁶ или иным характеристикам уязвимости, имеющим значение с учетом особенностей страны. Такие пробелы в данных могут замутнить взаимосвязи между неравенством, управлением и развитием и лишать лиц, занимающихся разработкой политики, возможности адекватно реагировать на них, когда сводные или средние показатели по стране скрывают реальное положение наиболее обездоленных. В этой связи необходимо обеспечить более общее развитие комплексных национальных систем мониторинга и оценки, которые позволяли бы получать надежную информацию для формулировки политики, управления национальными системами и обеспечения подотчетности. Важно, чтобы и международное сообщество, и правительства стран поддержали развитие потенциала в области

Вставка 21. Сокращение дискриминации и неравенства в Сербии

Хотя гарантии защиты от дискриминации прописаны в Конституции Сербии, конфликты, разгоревшиеся на Балканах в 1990-е годы, привели к усилению дискриминации, в особенности дискриминации этнических меньшинств. По данным подготовленного ПРООН в 2005 году Национального отчета о человеческом развитии (Strength of Diversity), в Сербии наблюдался рост этнической дистанции.

ПРООН поддержала принятие в 2009 году законодательства, которое предусматривало новые меры борьбы с дискриминацией, включая перенос бремени доказывания на другую сторону при рассмотрении дел о дискриминации и создание специализированного независимого института – Комиссариата по защите равенства. ПРООН были поддержаны шаги по созданию и обеспечению работы Комиссариата, который стал первым независимым органом в Сербии, финансируемым за счет бюджетных средств на регулярной основе. Комиссариат отвечает за вопросы информирования общественности, поощрения равенства и борьбы с дискриминацией, обеспечения поддержки и защиты жертв дискриминации.

Благодаря отчасти этим инициативам, в Сербии, судя по всему, наблюдается сокращение дискриминации. В рамках переписи населения 2011 года был отмечен беспрецедентный рост числа сербских граждан, которые заявили, что являются цыганами по своему этнической принадлежности. Этот рост составил 40% по отношению к показателю по данным переписи 2002 года, что указывает на то, что цыгане чувствуют себя более защищенными при выражении своей этнической принадлежности. Опросы общественного мнения показали, что число людей, подвергающихся дискриминации, существенно снизилось (с 22% в 2009 году до 16% в 2012 году). Кроме того, результаты проведенного ПРООН в 2014 году обследования указывают на то, что этническая дистанция между албанцами и цыганами сократилась примерно на 8 процентных пунктов. Похоже, что сербское общество становится менее этноцентричным, более равноправным и толерантным.

³⁶ В соответствии с основополагающими принципами официальной статистики (Fundamental Principles of Official Statistics, General Assembly resolution 68/261).

Вставка 22. Решение гендерных проблем и борьба с коррупцией в Албании

Женщины в Албании нередко отвечают за взаимодействие с поставщиками социальных услуг от имени своих домашних хозяйств. В этой связи в своей повседневной жизни они могут чаще сталкиваться с коррупцией и ее негативными последствиями. Однако похоже, что женщины нередко не хотят сообщать о случаях коррупции и часто испытывают сложности, пытаясь заставить учесть их позицию при разработке и реализации антикоррупционных мер. В результате этого специфичные проблемы с коррупцией, с которыми сталкиваются женщины, зачастую не решаются.

Конвенция ООН против коррупции признает тот факт, что для действенного предотвращения коррупции и борьбы с ней государства должны придерживаться инклюзивного подхода при участии всех соответствующих заинтересованных сторон, включая женщин, в реализации антикоррупционных мер. В этом контексте Управление ООН по наркотикам и преступности, действуя совместно с ООН-Женщины и Республикой Албания, разработало десять ключевых рекомендаций для решения проблемы влияния коррупции на женщин. Эти рекомендации призывают Правительство и женские организации объединить свои усилия с тем, чтобы «поощрять практику сообщения о случаях коррупции, например, через виртуальную онлайн платформу, которая разрабатывается Правительством, и информировать о существовании других способов сообщения о коррупции, таких как телефоны горячей линии и личные сообщения».

Признание того факта, что женщины неохотно сообщают о случаях коррупции, привело к разработке проекта Закона Албании о лицах, сообщающих о правонарушениях, от 2014 года, который предусматривает более существенную защиту таких лиц. Женские организации принимали активное участие в рассмотрении законопроекта, обсуждении того, насколько он позволяет решить приоритетные задачи и проблемы женщин, и предлагали конкретные рекомендации.

Источник: UNODC, October 2015

сбора, анализа и представления данных на национальном уровне.

К конкретным рекомендациям в этой области относятся следующие:

Укрепление верховенства закона за счет использования подходов и мер политики с учетом прав человека. Недостатки в сфере верховенства закона в регионе ведут к снижению доверия к институтам управления и осложняют задачу устранения неравенства. Меры политики и программы, направленные на защиту гражданских и политических прав, а также просветительские кампании, проводимые в целях повышения уровня информированности об этих правах, могут помочь сократить коррупцию и содействовать конструктивному использованию свободы собраний, объединений и выражения мыслей (см. вставку 21). Эти меры, скорее всего, окажутся намного более эффективными,

если в каждой стране акцент будет сделан на социально ущемленных группах, поскольку, как правило, именно в этой части максимально велики возможности для улучшения. Усиление согласованности национальных нормативно-правовых систем с международными стандартами и более действенное применение этих стандартов могут сыграть важную роль в укреплении верховенства закона.

Совершенствование деловой среды и повышение эффективности обеспечения государственными услугами за счет усиления прозрачности и расширения доступа к ним. Слабые места в деловой и инвестиционной среде, особенно что касается микро и малых предприятий (включая предприятия, собственниками которых являются женщины), не только ведут к замедлению экономического роста, но и ограничивают его инклюзивный потенциал. Рационализация нагрузки, связанной с

соблюдением требований законодательства и административных процедур, имеющих отношение к ведению бизнеса, может стимулировать инклюзивное развитие бизнеса. Усиление акцента на справедливости налогов и борьбе с офшорами для уклонения от налогов может обеспечить расширение фискального пространства и создать условия для снижения налоговой нагрузки, под влиянием которой в противном случае законная коммерческая деятельность и занятость переходят в неформальный сектор. Повышение эффективности обеспечения государственными услугами может содействовать усилению доверия к государству, включая сокращение коррупции и стимулов для избегания налогов. Расширение доступа к более качественным услугам здравоохранения, образования и доступа к правосудию может принести особую пользу женщинам и другим уязвимым группам населения (см. вставку 22), что позволит сократить неравенство, а также улучшить институциональный потенциал, бизнес-климат и расширить участие в принятии государственных решений.

Акцент на нормах, процедурах и новых технологиях в целях недопущения коррупции. Коррупция негативно сказывается на доверии в обществе, причем как на самых высоких уровнях, где коррумпированность государственной элиты подрывает эффективность политики и обеспечения услугами, так и на более низких уровнях, где практика неофициальных платежей может препятствовать доступу наиболее социально ущемленных членов общества к государственным услугам. В большей части региона меры борьбы с коррупцией были сосредоточены не на профилактике коррупции, а на выявлении случаев коррупции и преследовании за уже совершенные деяния, причем многие институты, отвечающие за борьбу с коррупцией, организованы преимущественно как подразделения полиции или прокуратуры. Во всех странах региона отмечается тот факт, что процессы и процедуры на местном и центральном уровнях управления недостаточно четко и рационально определены. Проблемы координации и согласованности работы различных государственных институтов, а

Сербия: Уничтожение стрелкового оружия как попытка укрепления безопасности в стране. Фото: ПРООН

Рационализация нагрузки, связанной с соблюдением административных процедур, имеющих отношение к ведению бизнеса, может стимулировать инклюзивное развитие бизнеса.

также несоответствия их штатов и подготовки персонала тем задачам, которые они должны решать, могут создавать дополнительный риск коррупции и злоупотреблений. Необходимо укреплять потенциал местных и центральных органов управления в вопросах определения приоритетности задач, формирования механизмов координации работы и подготовки четких должностных инструкций и описания процедур, чтобы повысить качество услуг и улучшить обеспечение ими. Кроме того, государство и общество могут использовать технологии, данные и инновационные меры политики для создания препятствий на пути коррупции, которые не шли бы вразрез с инстинктами политического самосохранения. Например, применение таких платформ, как электронное

правительство и социальные сети, для усиления прозрачности тендеров может препятствовать мошенническим действиям в процессе закупок. Выплата заработной платы в электронной форме может препятствовать практике удержания руководителями денег из зарплат, выплачиваемых наличными. Активное применение требования декларирования активов политиками и высокопоставленными государственными чиновниками может противодействовать коррупции среди политической элиты.

Работа по смягчению рисков возникновения конфликтов, связанных с дискриминацией и неравенством. В регионе присутствуют прочные взаимосвязи между конфликтами, неравенством и управлением. Вспышки насилия и конфликты могут возникать в результате недовольства, формирующегося под влиянием чувства относительной депривации в связи с неравномерным распределением услуг и дискриминацией. Конфликты не улучшают положение социально ущемленных групп населения, а нередко усугубляют их уязвимость и чувство относительной депривации, создавая порочный круг неравенства и конфликтов. Подходы и меры политики, опирающиеся на права человека, могут помочь разорвать такой порочный круг, обеспечивая более активное участие такого населения в политической, социальной и

экономической жизни. Инициативные шаги, направленные на развитие государственных услуг и расширение возможностей для социального вовлечения, особенно важны в случае тех, кто страдает от различных пересекающихся форм дискриминации, как, например, женщины-представительницы этнических меньшинств. Хотя многие страны региона приняли нормативно-правовые акты, запрещающие дискриминацию этнических меньшинств, женщин и людей с ограниченными возможностями, такие положения не всегда в полной мере исполняются, особенно на местном уровне. В этой связи обеспечение услугами на местном уровне зачастую необходимо развивать, организуя надлежащую подготовку кадров по вопросам недопущения дискриминации и укрепляя потенциал для полноценного предоставления услуг на равной основе всем слоям общества. Цель должна заключаться в дальнейшем укреплении институтов путем развития процедур принятия решений при более широком участии и представительстве всего общества. Это можно достичь за счет мер, открывающих политические возможности для всех, к примеру, за счет существенного представительства (а не просто численного представительства) и продвижения использования временных специальных мер, включая различные виды квот.

Поддержка активного участия организаций гражданского общества в процессах принятия решений, урегулирования конфликтов и реализации мероприятий, нацеленных на обеспечение социального вовлечения. Гражданское общество может играть ключевую роль в процессе укрепления социального единства и информирования общественности о проблемах социальной справедливости в отношении маргинализированных и уязвимых групп населения. Отсутствие активного участия гражданского общества, напротив, ведет к лишению социально ущемленных групп населения политических прав, коррупции, слабому развитию демократических институтов, межэтнической социальной напряженности или конфликтам идентичности, общему отсутствию понимания проблем, с которыми сталкиваются уязвимые группы. Участие гражданского общества может способствовать усилению информированности населения об основных проблемах социальной справедливости и обеспечению подотчетности

правительства за принимаемые решения или, по крайней мере, за эффективное управление. Организации гражданского общества также должны быть инклюзивными по своей природе. Маловероятно, что организации гражданского общества, которые просто закрепляют существующие социальные границы, смогут обеспечить более эффективный политический диалог или выработку более инклюзивных мер политики. Организации гражданского общества, которые, например, объединяют женщин разных этнических групп или защищают интересы предпринимателей вне зависимости от их гендерной или классовой принадлежности, могут помочь привлечь внимание к характерным для этих групп проблемам, одновременно укрепляя связи между разными социальными группами.

Библиография

- Абдимомынова А.Ш., Махамбетова, М.А., Жусупов, А.Е., Талапбаева, Г.Е., and Ж.Н. Ерниязова (2015), «Гендерная структура занятости в Казахстане: проблемы дискриминации», *International Journal of Experimental Education*, № 3
- Abdullaev, T., Konstantinov, B., and C. Hamelmann (2015), *Legal and regulatory frameworks for antiretroviral medicines and treatment in selected countries of Eastern Europe and Central Asia: A sub-regional analytical report including Armenia, Azerbaijan, Georgia, Kyrgyzstan, Moldova, and Ukraine*, UNDP, Istanbul
- _____ (2014), *Legal and regulatory frameworks for antiretroviral medicines and treatment in selected countries of the Commonwealth of Independent States: A Sub-regional Analytical Report including Belarus, Kazakhstan, Russia, Tajikistan, and Uzbekistan, Sustainable Financing of National HIV Responses*, UNDP, Bratislava
- Abdulloev, I., Gang, I., and J. Landon-Lane (2011), *Migration as a Substitute for Informal Activities: Evidence from Tajikistan*, IZA Discussion Paper, Bonn: Institute for the Study of Labour
- Academic Swiss Caucasus Net (2014), *Emergence of Entrepreneurship in Georgia: Midterm Results*, Tbilisi
- Aceijas, C., and T. Rhodes (2007) 'Global estimates of prevalence of HCV infection among injecting drug users', *International Journal of Drug Policy*, 18, pp. 352–358
- Addis, E., and M. Johxe (2016), 'Gender Gaps in Social Capital: a theoretical interpretation of the Italian evidence', *Feminist Economics* (forthcoming)
- Addis, E. (2013), 'Unpaid and paid caring work in the reform of Welfare States', in Picchio, A. (ed.), *Unpaid Work and the Economy*, Routledge, London
- Albanian Institute of Statistics Survey for 2010–2011, Tirana
- Alexeev, M., and R. Conrad (2011), 'The Natural Resource Curse and Economic Transition', *Economic Systems*, Volume 35, Issue 4, pp. 445–461
- Alisheva, Dj., Aleshkina J., and F. Buhuceanu, *Access to Health Care for LGBT People in Kyrgyzstan*, available at <http://www.soros.org/initiatives/health/focus/sharp/articles/publications/sublisting>
- Antonopoulos, R., and K. Kim K (2011) *Public Job-creation Programs: The Economic Benefits of Investing in Social Care View Less: Case Studies in South Africa and the United States*, Levy Institute Working Paper, Bard College, New York
- Asian Development Bank and UNDP (2012), *Poverty Assessment*, Astana
- Ashutosh, V. (2001), 'Ethnic conflict and civil society: India and beyond', *World politics* 53.03, pp. 362–398
- Atamanov, A., and M. Van den Berg (2012), 'Heterogeneous Effects of International Migration and Remittances on Crop Income: Evidence from the Kyrgyz Republic', *World Development*, 40(3), pp. 620–30
- Atasoy, H. (2015), *Latent Entrepreneurship in Transition Economies*, IZA World of Labour, Bonn
- Atkinson, A.B., and A. Brandolini (2011), *On the identification of the 'middle class'*, Society for the Study of Economic Inequality, Nuffield College and Bank of Italy
- Auty, R. (2001a), 'Transition reform in the mineral-rich Caspian region countries', *Resources Policy* 27, pp. 25–32
- _____ (2001b) 'The political economy of resource-driven growth', *European Economic Review Vol. 45*, Issues 4–6, pp. 839 – 846
- Avlijas, S., and others (2013), *Gender Pay Gap in the Western Balkan Countries: Evidence from Serbia, Montenegro and Macedonia*, Belgrade, FREN
- Azzari, C., and A. Zezza (2011), 'International Migration and Nutritional Outcomes in Tajikistan', *Food Policy*, 36(1), pp. 54–70
- Babajanian, B., and J. Hagen-Zanker (2012) *Social Protection and Social Exclusion: An Analytical Framework to Assess the Links*, Overseas Development Institute Background Note, London

- Babcock, L., and S. Laschever (2013), *Women Don't Ask: Negotiation and the Gender Divide*, Princeton University Press, Princeton, NJ
- Baldwin, K., and J. Huber (2010), 'Economic Versus Cultural Differences: Forms of Ethnic Diversity and Public Good Provision', *American Political Science Review*, 104(4), pp. 644-662
- Basu, A., and R. Menon (2011), *Violence Against Women, HIV/AIDS Vulnerability and the Law*, Global Commission on HIV and the Law working paper, New York (2011)
- Bell, R., Grobicki, L., and C. Hamelmann (2014), *Ensure Healthy Lives and Well-Being for All: Addressing Social, Economic and Environmental Determinants of Health and the Health Divide in the Context of Sustainable Human Development*, UNDP, Bratislava
- Beer, C. (2009), 'Democracy and gender equality', *Studies in Comparative International Development*, 44(3), pp. 212-227
- Bircan, C., Brueck, T., and M. Vothknecht (2010), *Violent conflict and inequality*, German Institute for Economic Research, discussion paper No. 1013
- Bouton L., Saumik P., and E. Tiongson (2011), *The Impact of Emigration on Source Country Wages: Evidence from the Republic of Moldova*, World Bank Policy Research Working Paper #5764, Washington DC
- Boyce, J.K. (1994), *Inequality as a Cause of Environmental Degradation*, Political Economy Research Institute, University of Massachusetts, Amherst
- Boyce, J.K., Narain, S., and E. A. Stanton, eds. (2007), *Reclaiming Nature: Environmental Justice and Ecological Restoration*, Anthem Press, London and Chicago
- Beletsky, L., R. Thomas, N. Shumskaya, I. Artamonova, and M. Smelyanskaya (2013), 'Police education as a component of national HIV response: Lessons from Kyrgyzstan', *Drug and alcohol dependence*, p. 132
- Benería, L., C.D. Deere, and N. Kabeer (2012), 'Gender and International Migration: Globalization, Development, and Governance', *Feminist Economics*, 18(2), pp. 1-33
- Berik, G., Meulen R.Y., and A. Zammit, eds. (2008), *Social Justice and Gender Equality: Rethinking Development Strategies and Macroeconomic Policies*, London: Routledge
- Bhalotra, S., and M. Umana-Aponte (2010), *The dynamics of women's labour supply in developing countries*, IZA Discussion Paper, Bonn
- Bjorvatn, K., Farzanegan, M., and F. Schneide (2012), 'Resource Curse and Power Balance: Evidence from Oil-Rich Countries', *World Development*, Vol. 40, No. 7, pp. 1308-1316
- Bloom, D.E., Cafiero, E.T., Jané-Llopis, E., Abrahams-Gessel, S., Bloom, L.R., Fathima, S., Feigl, A.B., Gaziano, T., Mowafi, M., Pandya, A., Prettnner, K., Rosenberg, L., Seligman, B., Stein, A.Z., and C. Weinstein (2011), *The Global Economic Burden of Noncommunicable Diseases*. Geneva: World Economic Forum, available at http://www3.weforum.org/docs/WEF_Harvard_HE_GlobalEconomicBurdenNonCommunicableDiseases_2011.pdf
- Blouchoutzi, A., and C. Nikas (2014), 'Emigrants' Remittances and Economic Growth in Small Transition Economies: The Cases of Moldova and Albania', *East-West Journal of Economics and Business*, 17 (2), pp. 97 – 117
- Bobrova, N., Sarang, A., Stuikyte, R., and K. Lezhenstsev (2007), 'Obstacles in provision of anti-retroviral treatment to drug users in Central and Eastern Europe and Central Asia: A regional overview', *International Journal of Drug Policy*, 18(4), pp. 313-318
- Bohme, M., Persian R., and T. Stohr (2015), 'Alone but Better Off? Adult Child Migration and Health of Elderly Parents in Moldova', *Journal of Health Economics*, 39, pp. 211-227
- Boltaev, A.A., El-Bassel, N., Deryabina, A.P., Terlikbaeva, A., Gilbert, L., Hunt, T., Primbetova, S., and S.D. Strathdee (2013), 'Scaling up HIV prevention efforts targeting people who inject drugs in Central Asia: A review of key challenges and ways forward', *Drug and Alcohol Dependence*, 132(Suppl. 1), pp. 41-47

- Booth, R.E., Dvoryak, S., Sung-June, M., Brewster J.T., Wendt, W.W., Corsi, K.F., Semerik, O.Y., and S.D. Strathdee (2013), 'Law enforcement practices associated with HIV infection among injection drug users in Odessa, Ukraine', *AIDS and Behavior*, 17(8), pp. 2604–2614
- Boschini, A. (2013), *The Impact of Gender Stereotypes on Economic Growth*, Research Papers in Economics 2003: 4, Department of Economics, Stockholm University
- Bozicevic, I., Voncina, L., Zigrovic, L., Munz, M., and J.V. Lazarus (2009), 'HIV epidemics among men who have sex with men in central and Eastern Europe', *Sexually Transmitted Infections*, 85(5), pp. 336–342
- Brandi, C. and M. Buege (2014), *A Cartography of the New Middle Classes in Developing and Emerging Countries*, German Development Institute, Bonn
- Brunarska, Z., Nestorowicz J., and S. Markowski (2014), 'Intra- vs. extra-regional migration in the post-Soviet space', *Eurasian Geography and Economics*, 55(2), pp. 133–155
- Buckley, C., and E. Hofmann (2012), 'Are Remittances an Effective Mechanism for Development?', *Journal of Development Studies*, 48(8), pp. 1121–38
- Budlender, D., Sharp R., and K. Allen (1998) *How to do a gender-sensitive budget analysis? Contemporary research and practice*, Commonwealth Secretariat and Australian Agency for International Development, Canberra
- Bussolo, M., Koettl, J., and E. Sinnott (2015), *Golden Aging: Prospects for Healthy, Active, and Prosperous Aging in Europe and Central Asia*, World Bank, Washington DC
- Bussolo, M., and L. Lopez-Calva (2014), *Shared Prosperity: Paving the Way in Europe and Central Asia*, World Bank, Washington DC
- Buvinić M., Furst-Nichols R., and E. Courey (2013), *A Roadmap for Promoting Women's Economic Empowerment*, UN Foundation and Exxon Mobil Foundation, New York
- Centre for Economic Research (2015), *Expansion of the Middle Class in Uzbekistan: Means of Social Mobility*, Tashkent
- Chan, K., and K. Mandeville (2016), 'Improving access to NCD medicines through collaboration', *The Lancet*, Vol 387
- Chattopadhyay, R., and E. Duflo (2004), 'Women as Policy Makers: Evidence from a Randomized Policy Experiment in India', *Econometrica*, 72 pp. 1409–1443
- Chayes, S. (2016), *The Structure of Corruption: A Systemic Analysis Using Eurasian Cases*, Carnegie Endowment for International Peace, Washington DC
- Cohen, J., and J. Csete (2006), 'As strong as the weakest pillar: Harm reduction, law enforcement and human rights', *International Journal of Drug Policy*, 17, pp. 101–103
- Commission on Social Determinants of Health (2008), *Closing the gap in a generation: Health equity through action on the social determinants of health*, World Health Organization, Geneva
- Cook, S., Smith K., and P. Utting (2012), *Green Economy or Green Society? Contestation and Policies for a Fair Transition*, UNRISD Occasional Paper Ten, Geneva
- Credit Suisse *Global Wealth Databook* (2013), Zurich
- Çagatay, N. (1998), *'Engendering Macroeconomics and Macroeconomic Policies'*, UNDP Working Paper 6, New York
- Danzer, A., and B. Dietz (2014), 'Labour Migration from Eastern Europe and the EU: Quest for Talents', *Journal of Common Market Studies*, 52(2), pp. 183–199
- DeHovitz, J., Uuskula, A., and N. El-Bassel (2014), 'The HIV epidemic in Eastern Europe and Central Asia', *Current HIV/AIDS Reports*, 11(2), pp. 168–176

- Денисова, И.А. (2013), 'Неравенство, качество институтов и спрос на перераспределение доходов: о чем говорят данные опросов населения в посткоммунистических странах, *Журнал Новой экономической ассоциации*, №2 (18), pp. 172–177
- Dermendzhieva, Z. (2011), 'Emigration from the South Caucasus: Who goes abroad and what are the economic implications?', *Post-communist Economies*, 23(3), pp. 377-398
- Dokmanovich, M. (2008), *Women in Western Balkans*, Directorate General for Internal Policy, European Parliament briefing paper, Brussels
- Drahokoupil, J., and M. Myant (2009), 'Varieties of Capitalism, Varieties of Vulnerabilities: Financial crisis and its impact on welfare states in Eastern Europe and the Commonwealth of Independent States', *Historical Social Research*, 35, pp. 266-298
- Duflo, E. (2012), 'Women Empowerment and Economic Development', *Journal of Economic Literature*, 50, pp. 1051–1079
- Đurić P., Hamelmann, C., Wilson, D.P., and C. Kerr (2015), Modelling an optimized investment approach for Uzbekistan, UNDP, Bratislava, available at http://www.uz.undp.org/content/dam/uzbekistan/docs/Publications/democraticgovernance/Modelling_an_Optimized_Investment_Approach_for_Uzbekistan/un_uzb_Modelling_an_Optimized_Investment_Approach_for_Uzbekistan.pdf
- _____ (2014), *Modelling an optimized investment approach for Tajikistan*, UNDP, Bratislava, available at http://www.eurasia.undp.org/content/dam/rbec/docs/UNDP%20Modelling%20Tajikistan_English.pdf
- ECOSOC (2016), *Report of the Inter-Agency and Expert Group on Sustainable Development Goal Indicators: Note by the Secretary-General*, New York
- Elder, S., Barucci, V., Gurbuzer, Y., Perardel, Y., and M. Principi (2015), *Labour market transitions of young women and men in Eastern Europe and Central Asia*, ILO, Work for Youth publications series, Geneva
- Elder S., and I. Abdulloev (2015) *SWTS surveys 2012-2013*, ILO, Geneva
- Elder, S., Novkovska B., and V. Krsteva (2013), *Labour market transitions of young women and men in the former Yugoslav Republic of Macedonia*, ILO, Work for Youth publications series, Geneva
- Elson, D. (1996), 'Gender-Neutral, Gender-Blind, Gender-Sensitive Budgets? Changing the Conceptual Framework to Include Women's Empowerment and the Economy of Care', Paper prepared for the Fifth Meeting of Commonwealth Ministers Responsible for Women's Affairs, Port of Spain, Trinidad.
- Elson, D. (1991), *Household responses to stabilization and structural adjustment: male bias at the micro level*, Manchester University Press
- Elson, D., Grown C., and N. Cagatay, eds. (2007), *Feminist Economics of Trade*, London and New York: Routledge, pp. 13-32
- Elson, D., and N. Cagatay (2000), 'The Social Content of Macroeconomic Policies', *World Development*, 28(7), pp. 1347-1364
- Elson, D., Grown C., and N. Cagatay (1995), 'Introduction to the special issue on gender, adjustment and macroeconomics', *World Development*, 23 (11), pp. 1827-1836
- Esanov, A., Raiser M., and W. Buiter (2001), *Nature's blessing or nature's curse: the political economy of transition in resource-based economies*, European Bank for Reconstruction and Development, Working paper No. 65, London
- Европейская комиссия по сельскому хозяйству (2014), *Гендерное неравенство в сельском хозяйстве в восточной Европе: результаты последних страновых оценок положения дел относительно гендерного вопроса в сельских районах*, 1-2 апреля 2014, Бухарест
- European Training Foundation (2013), *Transition from school to work in Kyrgyzstan*, Turin.

- Factsheet, *Tajikistan* (2015), available at <http://www.eurasia.undp.org/content/dam/rbec/docs/UNDPNGOFactsheetTajikistanweb.pdf>
- Factsheet, *Ukraine* (2015), available at <http://www.eurasia.undp.org/content/dam/rbec/docs/UNDPNGOFactsheetUkraineweb.pdf>
- Ferreira, H.G.F, Lakner, C., Lugo, M.A., and B. Ozler (2014), *Inequality of Opportunity and Economic Growth: A Cross-Country Analysis*, IZA discussion paper number 8243, Bonn
- Farré, L., and N. Rodríguez-Planas (2014), 'Immigrants from Eastern Partnership (EaP) Countries in Spain', *IZA Journal of European Labour Studies*, 3(1)
- Fazel, M., Reed, R.V., Panter-Brick, C., and A. Stein (2012), 'Mental health of displaced and refugee children resettled in high-income countries: risk and protective factors', *Lancet*: 379, pp. 250-265; 266-282
- Flabbi, L. (2012), 'Gender Differences in Education, Career Choice and Labour Market Outcomes on a Sample of OECD countries', background paper for the World Development Report 2012, World Bank, Washington DC
- Fontana, M., and Y. Meulen Rodgers (2005), 'Gender Dimensions in the Analysis of Macro-Poverty Linkages', *Development Policy Review*, 23(3), pp. 333–349
- Forbes (2015), 'Как преодолеть социальное неравенство. Современные вызовы Украины, варианты и перспективы их решения', 25 февраля 2015, 17:00. <http://forbes.net.ua/opinions/1411581-kak-preodolet-socialnoe-neravenstvo>
- Foschi, M. (2000), 'Double standards for competence: Theory and research', *Annual Review Sociology*, 26 (1), pp. 21–42
- _____ (1996), 'Double standards in the evaluation of men and women', *Social Psychology*, Q59, pp. 237–254
- Fox, J., and S. Sandler S (2003), 'Regime Types and Discrimination against Ethnoreligious Minorities: A Cross-Sectional Analysis of the Autocracy–Democracy Continuum', *Political Studies*, 51.3, pp. 469-489.
- Friedrich Naumann Stiftung (2014), *Middle Class in Ukraine: Identification Criteria*, Kyiv
- Fum, M., and R. Hodler (2010), 'Natural resources and income inequality: The role of ethnic divisions', *Economics Letters* 107, pp. 360–363
- Gang, I. (2014), *Migration, Education and the Gender Gap in Labour Force Participation*, Economics Department Working Paper Series, Rutgers University, 2014
- Ganguli, I., and K. Terrell (2006), 'Institutions, Markets and Men's and Women's Wage Inequality: Evidence from Ukraine', *Journal of Comparative Economics*, 34(2), pp. 200-227
- Ghai, D. (2003), 'Decent Work: Concept and Indicators', *International Labour Review* 142(2), pp. 113-45
- Goldin, C., and C. Rouse (2000), 'Orchestrating impartiality: The impact of "blind" auditions on female musicians', *American Economic Review* 90, pp. 715-741
- Goldin, C., Katz L., and I. Kuziemko (2006), 'The Homecoming of American College Women: The Reversal of the College Gender Gap', *Journal of Economic Perspectives* 20 (4), pp. 133-156
- Görlich, D., Mahmoud U.T., and C. Trebesch (2007), *Explaining Labour Market Inactivity in Migrant-Sending Families: Housework, Hammock, or Higher Education?*, Kiel Working Paper No. 1391
- Grigsby, M., Español E., and D. O'Brien (2012), 'The Influence of Farm Size on Gendered Involvement in Crop Cultivation and Decision-making Responsibility of Moldovan Farmers', *East European Countryside*, 18
- Guliev, F. (2015), 'The Informal Economy in Azerbaijan', *Caucasus Analytical Digest* 75
- Gylfason, T. (2000), 'Resources, Agriculture, and Economic Growth in Economies in Transition', *KYKLOS*, Vol. 53, Fasc. 4,

pp. 545–580

Gylfason T., and G. Zoega (2006), 'Natural Resources and Economic Growth: The Role of Investment', *The World Economy*, Volume 29, Issue 8, pp. 1091–1115

Glaeser, E., Scheinkman J., and A. Shleifer (2003), 'The injustice of inequality', *Journal of Monetary Economics* 50.1, pp. 199-222

Hamelmann, C., Abdullaev, T., and P. Duric (2016) 'NGO Social Contracting: Opportunities and Challenges', PPT presented at the HIV Investment Approach in EECA – Moving from analysis to action', available at <http://de.slideshare.net/undpeuropeandcis/ngo-social-contracting-opportunities-and-challenges>

Hanson, J. (2013), 'Loyalty and acquiescence: Authoritarian regimes and inequality outcomes', APSA Annual Meeting Paper

Hoover, J., and R. Jurgens (2009), *Harm reduction in prison: The Moldova model*, Open Society Institute, New York

Ilkcaracan, I., (2016), 'A Feminist Alternative to Austerity: The Purple Economy as a Gender Egalitarian Strategy for Jobs Generation in Europe', in Cozzi, G., and S. Himmelweit (eds), *Recovery for Whom? Austerity Policies, Gendered Impacts and Policy Alternatives for Europe*, London: ZED Books, forthcoming

_____ (2013), 'The Purple Economy: A Call for a New Economic Order beyond the Green Economy' in LIFE e.V./GenaNet (ed), *Green Economy and Green Growth: Who Cares? Approaching the linkages between Care, Livelihood and the Green/Sustainable Economy*, Berlin: Life e.V./German Federal Ministry for the Environment, pp. 32-38

_____ (2012), 'Why So Few Women in the Labour Market in Turkey?', *Feminist Economics*, 18(1), pp. 1-37

Ilkcaracan, I., Kim K., and T. Kaya (2015), *The Impact of Public Investment in Social Care Services on Employment, Gender Equality, and Poverty: The Turkish Case*, Levy Economics Institute of Bard College, New York

International Labour Organization (2015), *Global employment trends for youth 2015: scaling up investments in decent jobs for youth*, Geneva

_____ (2014), *World Social Protection Report 2014-15: Building economic recovery, inclusive development and social justice*, Geneva

_____ (2013), *Decent Work Country Profile: Ukraine*, Geneva

_____ (2012), *Decent Work Indicators: Concepts and Definitions*, Geneva

_____ (2010), *Migration and Development in Tajikistan—Emigration, Return, and Diaspora*, Geneva

International Monetary Fund (2016), *IMF Survey: External Shocks Hurt Growth in Caucasus, Central Asia*, Washington DC

_____ (2015), *Kyrgyz Republic: Country Report No. 16/56*, Washington DC

International Organization for Migration (2015), *Migration Facts and Trends: South-Eastern Europe, Eastern Europe and Central Asia*, Geneva

_____ (2009), *Abandoned Wives of Tajik Labour Migrants*, Dushanbe

Islam, S.N. (2015), *Inequality and Environmental Sustainability*, UNDESA Working Paper No. 145, New York

Ivanov, A., and J. Kagin (2014), *Roma poverty from a human development perspective*, UNDP, Bratislava

Ivanov, A., and M. Peleah (2013), *Affordable Human Development Index: A new measure of sustainable wellbeing*, UNDP BRC Human Development Working Paper 2013/2E. DOI: 10.13140/RG.2.1.3816.4960, URL <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.1.3816.4960>

- Иващенко, О. (2010), 'Об анатомии экономического неравенства в современной Украине: социологические опросы', *Социология: теория, методы, маркетинг*, №4
- Izenberg J., and F. Altice (2010), 'Next steps for Ukraine abolition of HIV registries, implementation of routine human immunodeficiency virus testing and expansion of services', *Addiction*, 105, pp. 569–570
- Jakab, Zs. (2015), Opening remarks at High-level meeting on refugee and migrant health, 'We cannot turn away our eyes: highlights from day 1 of the high-level conference on refugee and migrant health', available at <http://www.euro.who.int/en/media-centre/events/events/2015/11/high-level-meeting-on-refugee-and-migrant-health>
- Justino, P., and N.O. Shemyakina (2012), 'Remittances and Labor Supply in Post-Soviet Tajikistan', *IZA Journal of Labor and Development*, 1
- Kabeer, N. (2015), 'Gender, poverty, and inequality: a brief history of feminist contributions in the field of international development', *Gender and Development*, 23:2, pp. 189-205
- _____ (2012), 'Women's Economic Empowerment and Inclusive Growth: Labor Markets and Enterprise Development', SIG Working Paper 2012/1
- Kar, D., and J. Spanjers (2015), *Illicit Financial Flows from Developing Countries: 2004-2013*, Global Financial Institute
- Katz, I., Eouth, S., Bitran, R., Hulme, A., and C. Avila (2014), 'Where will the money come from? Alternative mechanisms for HIV donor funding', *BMC Public Health*, 14, pp. 956
- Kaufmann, D. (2004), *Human Rights and Governance: The Empirical Challenge*, World Bank Institute, Washington DC
- Khitarishvili, T. (2013), *Evaluating the Gender Wage Gap in Georgia, 2004–2011*, Levy Economics Institute Working Paper # 768, Bard College, New York
- Kickbusch, I., and D. Gleicher (2012), *Governance for Health in the 21st Century*, World Health Organization, Geneva
- Klasen, S., and F. Lamanna (2009), 'The Impact of Gender Inequality in Education and Employment on Economic Growth: New Evidence for a Panel of Countries', *Feminist Economics*, 15 (3), pp. 91-132
- Kochhar, R. (2015), *A Global Middle Class Is More Promise than Reality*, Pew Research Centre, Washington DC
- Koehler G. (2016), 'Tapping the SDGs for progressive gender equity and equality policy?', *Gender and Development*, 24:1, p. 56
- Kronenberg, T. (2004), 'The Curse of Natural Resources in the Transition Economies', *Economics of Transition*, 12 (3), pp. 399-426
- Кудашева, Т., Куница С., and Б. Мухамедиев (2014), 'Доступ к образованию и информационно-коммуникационным технологиям как фактор снижения неравенства в Казахстане', *Демографія, Економіка Праці, Соціальна Економіка і Політика*, No. 1 (151)
- Kuddo, A. (2009). *Employment Services and Active Labour Market Programs in Eastern European and Central Asian Countries*, World Bank, Social Protection Discussion Paper No. 0918, Washington DC
- Kuhn, P.M., and N.B Weidmann (2015), 'Unequal We Fight: Between- and Within-Group Inequality and Ethnic Civil War', *Political Science Research and Methods*, vol. 3, issue 3, pp 543-568
- Кувватова, А. (2015), 'Доступ к земле в Таджикистане: гендерные аспекты', *Cabarasia*, ресурс: caa-network.org/archives/3317
- Kyriacou, A. (2012), 'Ethnic Segregation and the Quality of Government: The Importance of Regional Diversity', *Constitutional Political Economy*, 23(2), pp. 166-180
- Lastarria-Cornhiel, S. (2006), *Feminization of Agriculture: Trends and Driving Forces*, Risp-Latin American Centre for Rural Development, Santiago

- Latypov, A., Rhodes T., and L. Reynolds (2013), 'Prohibition, stigma, and violence against men who have sex with men: effects on HIV in Central Asia', *Central Asian Survey*, 32:52–65
- Lehmann, H., and A. Muravyev (2011), *Labour Markets and Labour Market Institutions in Transition Economies*, IZA discussion paper 5905, Bonn
- Liebensteiner, M., (2014), 'Estimating the Income Gain of Seasonal Labor Migration', *Review of Development Economics*, 18(4), pp. 667-680
- Lopez-Calva L., and N. Lustig (2009), 'The recent decline of inequality in Latin America: Argentina, Brazil, Mexico and Peru', *Society for the Study of Economic Inequality, working paper 2009-140*
- Lubyova, M. (2013), *Towards Decent Employment through Accelerated Structural Reform in Azerbaijan*, UNDP, Baku
- Luong, J.P., and E. Weinthal (2006), 'Rethinking the Resource Curse: Ownership Structure, Institutional Capacity, and Domestic Constraints', *Annual Review of Political Science*, 9 pp. 241-263
- Малева, Т.М., Бурдяк, А.Я., and А.О. Тындик (2015), 'Средние классы на различных этапах жизненного пути', *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 3 (27), pp. 109–138
- Marchetti, S., Piazzalunga D., and A. Venturini (2014), 'Does Italy Represent an Opportunity for Temporary Migrants from the Eastern Partnership Countries?', *IZA Journal of European Labor Studies*, 3
- Mauro, J.A., and S. Mitra (2015), *Understanding out-of-work and out-of-school youth in Europe and Central Asia*, World Bank, Washington DC
- Melamed, C., and E. Samman (2013), *Equity, Inequality and Human Development in a Post-2015 Framework*, UNDP Human Development Report Office, New York, available at http://hdr.undp.org/sites/default/files/equity_inequality_human_development_in_post-2015_framework.pdf
- Menjívar, C., and V. Agadjanian (2007), 'Men's Migration and Women's Lives: Views from Rural Armenia and Guatemala', *Social Science Quarterly* 88(5), pp. 1243–1262
- Meurs, M., and V. Slavchevska (2014), 'Doing it All: Women's Employment and Reproductive Work in Tajikistan', *Journal of Comparative Economics*, 2, pp. 786-803
- Mihailov, D. (2012), *The health situation of Roma communities: Analysis of the data from the UNDP/World Bank/EC Regional Roma Survey*, UNDP, Bratislava, available at <http://www.undp.org/content/dam/rbec/docs/The-health-situation-of-Roma-communities.pdf>
- Milanovic, B. (2016), *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*, Harvard University Press, Cambridge, Mass.
- _____ (2012), *Global Income inequality by the Numbers: In History and Now—An Overview*, World Bank, Washington, DC
- _____ (2011), *The Haves and the Have-Nots*, Basic Books, New York
- Miluka J. (2013), 'Not Just Education: Gender Wage Gap in the Albanian Labor Markets through Occupational Segregation, Work Experience, and Child Care', in Silber, J. (ed.), *Poverty and Exclusion in the Western Balkans: New Directions in Measurement and Policy*, New York: Springer, pp. 155-176
- Mojsovska, S., and V. Janeska (2014), 'Economic and Social Implications of the Youth Unemployment in the Republic of Macedonia', *Journal of Social Policy*, 7(11), pp. 11-44
- Mukesh E. (2014), *Why Gender Matters in Economics*, Princeton University Press, Princeton NJ
- Narcis, S., and J. Stiglitz J., eds (2008), *The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance*, Oxford University Press, London and New York

- Nesporova, A., and O. Koulaeva (2014), *Advisory report on professional rehabilitation and employment of people with disabilities in Eastern Europe and Central Asia*, International Labour Organization, Geneva
- Neumayer, E. (2011), *Sustainability and Inequality in Human Development*, Human Development Research Paper 2011/04, UNDP, New York
- O'Donnell, C.A., Burns, N., Mair, F.S., Dowrick, C., Clissman, C., van den Muijsenbergh, M., van Week-Baumgarten, E., Lionis, C., Papadakaki, M., Saridaki, A., de brun, T., and A. MacFarlane (2016), 'Reducing the health care burden for marginalized migrants: The potential role for primary care in Europe', *Health Policy, Volume 120, issue 7* (available at: <http://dx.doi.org/10.1016/j.healthpol.2016.03.012>)
- Oniyangi, S. (2013), *The Effects of Natural Resources on Gender Inequality: An Explanation for the Resource Curse?*, Amherst College Department of Economics, Amherst, Mass.
- Organization for Economic Cooperation and Development (2015), *In It Together: Why Less Inequality Benefits All*, Paris
- _____ (2012), *Closing the Gender Gap: Act Now*, Paris
- _____ (2011a), *Development in Eastern Europe and the South Caucasus: Armenia, Azerbaijan, Georgia, Republic of Moldova, and Ukraine*, Paris
- _____ (2011b) 'How do People in the Asia/Pacific Region Spend Their Time?', *Society at a Glance Asia/Pacific Edition*, Paris
- Ortiz, I., Cummins M., and K. Karunanethy (2015), *Fiscal Space for Social Protection: Options to Expand Social Investments in 187 Countries*, International Labour Organization, Geneva
- Papyrakis, E., and R. Gerlagh (2004), 'The resource curse hypothesis and its transmission channels', *Journal of Comparative Economics* 32, pp. 181-193
- Papyrakis, E., Covarrubias, A., and A. Verschoorand (2009), *Gender and Trade: A Review of Theory and Evidence*, working paper 17, School of International Development, University of East Anglia, Norwich, UK
- Parijat, B., and K. Rodney (2009), 'XVII International AIDS Conference: From Evidence to Action-Regional focus', *Journal of the International AIDS Society* 12(1), S6
- Piketty, T. (2014), *Capital in the Twenty-First Century*, Harvard University Press, Cambridge, Mass.
- Pastore, F., and A. Verashchagina (2011), 'When does transition increase the gender wage gap?', *Economics of Transition* 19, pp. 333-369
- Peleah, M. and G. Bouma (2016), *The Environment-Sensitive Multidimensional Poverty Index: A Proposal for Europe and Central Asia Region*, UNDP Istanbul Regional Hub working paper
- Pellillo A., Kochlamazashvili I., and N. Kakulia (2014), *Agriculture and Rural Development in Western Georgia: A Baseline Assessment*, International School of Economics at Tbilisi State University
- Peterski, M., and B. Jovanovic (2013), *Do Remittances Reduce Poverty and Inequality in the Western Balkans? Evidence from Macedonia*, MPRA research archive, Munich
- Pignatti, N. (2012), 'Gender Wage Gap Dynamics in a Changing Ukraine', *IZA Journal of Labor and Development*
- Podlekareva, D.N., Efsen, A.M., Schultze, A., Post, F.A., Skrahina, F.M., Panteleev, A., Furrer, H., Miller, R.F., Losso, M.H., Toibarto, J., Miro, J.M., Vassilenko, A., Girardi, E., Bruyand, M., Obel, N., Lundgren, J.D., Mockroft, A., and O. Kirk (2016), 'Tuberculosis-related mortality in people living with HIV in Europe and Latin America: an international cohort study', *Lancet HIV* e120-31
- Power, M. (2014), 'Social Provisioning as a Starting Point for Feminist Economics', *Feminist Economics* 10(3), pp. 3-19

- Pomfret, R. (2011), 'Exploiting Energy and Mineral Resources in Central Asia, Azerbaijan and Mongolia', *Comparative Economic Studies* 53, pp. 5–33
- Reed, R.V., Fazel, M., Jones, L., Panter-Brick, C., and A. Stein (2012), 'Mental health of displaced and refugee children resettled in low-income and middle-income countries: risk and protective factors', *Lancet*: 379, 9812, pp. 250-265
- Regional Cooperation Council Secretariat (2015), *Balkan Barometer: Public Opinion Survey Analytical Report*, Sarajevo.
- Republic of Armenia, National Statistical Service (2014), *Women and Men in Armenia*, Yerevan
- _____ (2009), *Report on Time Use Survey in the Republic of Armenia*, Yerevan
- _____ (2008), *Report on Time Use Sample Survey in the Republic of Armenia*, Yerevan
- Republic of Belarus, National Statistical Committee (2010), *Women and Men of the Republic of Belarus: Statistical Book*, Minsk
- Republic of Kazakhstan, National Statistical Committee (2015), *Экономическая активность населения Казахстана 2010-2014*, Astana
- Republic of Moldova, Ministry of Economy, (2014), *Raport privind sărăcia în Republica Moldova*, Chisinau
- Republic of Moldova, National Bureau of Statistics (2014a), *Women and Men in Agriculture in the Republic of Moldova: Statistical Booklet*, Chisinau
- _____ (2014b), *Time Use by Moldovan Parents for Taking Care of Their Children*, Chisinau
- _____ (2009), *Women and Men in the Republic of Moldova: Analysis from a Territorial Perspective*, Chisinau
- Republic of Tajikistan, State Committee of Statistics (2010), *Women and Men in Tajikistan, Statistical Bulletin*, Dushanbe
- Republic of Uzbekistan, State Committee of Statistics (2007), *Women and Men in Uzbekistan, Statistical Bulletin, 2000 – 2005*, Tashkent
- Rodrik, D. (2007), *One Economics, Many Recipes: Globalization, Institutions, and Economic Growth*, Princeton University Press, Princeton, NJ
- Ross, L.M. (2008), 'Oil, Islam, and Women', *American Political Science Review*, Vol. 102
- Rutkowski, J. (2013), *Georgia, Skills Mismatch and Unemployment: Labour Market Challenges*, World Bank Report No. 72824, Washington DC
- Рузанов, А. (2010), 'Средний класс Казахстана: от потребительского отношения – к созиданию и Профессионализму', *National Business* no. 5 (75)
- Sattar, S. (2012), *Opportunities for Men and Women: Emerging Europe and Central Asia*, World Bank, Washington DC
- Schaap M., Heleen M., and E. Kunst (2007), 'Identification of socio-economic groups at increased risk of smoking in European countries looking beyond educational level', in *Tackling Health Inequalities in Europe: An Integrated Approach*, EUROTHINE final report, Rotterdam, Department of Public Health, Erasmus University Medical Centre
- Scheil-Adlung, X., and K. Kuhl (2011), *Social security for all: Addressing inequities in access to health care for vulnerable groups in countries of Europe and Central Asia*, International Labour Organization, Geneva
- Schwartzlaender, B., Stover, J., Hallett, T., Atun, R., Avila, C., Gouws, E., Bartos, M., Ghys, P., Opuni, M., Barer, D., Alsallaq, R. Bollinger, L., Garnett, G., Holmes, C., Legins, K., Pillay, Y., Stanciole, A.E., McClure, C., Hirschall, G., Laga, M., and N. Padian (2011), 'Towards an improved investment approach for an effective response to HIV/AIDS', *Lancet* 377, pp. 231-41

- Seguino, S. (2010), 'The global economic crisis, its gender and ethnic implications, and policy responses', *Gender and Development Vol. 18*, No. 2, pp. 179-199
- Seguino, S., and C. Grown (2006), 'Gender Equity and Globalization: Macroeconomic Policy for Developing Countries', *Journal of International Development*, 18(8), pp. 1081–104
- Sen K. (1990), 'More Than 100 Women Are Missing', *New York Review of Books*, 37
- Smallbone, D., and F. Welter (2010), 'Entrepreneurship and Government Policy in Former Soviet Republics: Belarus and Estonia Compared', *Environment and Planning C: Government and Policy*, 28, pp. 195
- Соколова, Г.Н. (2011), 'Социальные проблемы, социально-экономическое неравенство в республике Беларусь: индикаторы и механизмы минимизации', *Белорусский экономический журнал* № 1., pp. 108-120
- Stern, D.I. (2004), 'The Rise and Fall of the Environmental Kuznets Curve', *World Development*, Volume 32, Issue 8, pp. 1419-1439
- Stewart, F. (2015), *Employment in Conflict and Post-conflict Situations*, UNDP Human Development Report Office, New York
- Stiglitz, J. (2012), *The Price of Inequality*, W.W. Norton, New York and London
- Stöhr, T. (2015), 'Siblings' interaction in migration decisions: who provides for the elderly left behind?' *Journal of Population Economics*, 28(3)
- Sugiri, A. (2009), 'Redressing Equity Issues in Natural Resource-Rich Regions: A Theoretical Framework for Sustaining Development in East Kalimantan, Indonesia', in Weber, E. (ed.), *Environmental Ethics: Sustainability and Education*, Oxford: Inter-disciplinary Press, pp. 107-135
- Suhrcke, M., Rocco L., and M. McKee (2007), *Health: a vital investment for economic development in Eastern Europe and central Asia*, World Health Organization on behalf of the European Observatory on Health Systems and Policies
- Таранова, Е.В. (2010), 'Экономическое неравенство и социальная структура белорусского общества: анализ современного состояния', *Социологический альманах*, no. 1
- Tekes (2014), *Future of Russian Middle Class*, Helsinki
- Terlikbayeva, A., Zhussupov, B., Primbetova, A., Gilbert, L., Atabekov, N., Giyasova, G., Ruziev, M., Soliev, A., Saliev, D., and N. El-Bassel (2013), 'Access to HIV counseling and testing among people who inject drugs in Central Asia: Strategies for improving access and linkages to treatment and care', *Drug and alcohol dependence*, 132, pp. 61-64
- Timmons, J. (2010) 'Does Democracy Reduce Economic Inequality?', *British Journal of Political Science* 40, no. 4: 741-757
- Тохтарова, В.С. (2011), 'Доходы населения: уровень, структура, и дифференциация', *Дослідження Молодих Науковців*, Київ
- United Nations (2015a), '*Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development*', available from <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld/publication>, New York
- _____ (2015b), *Building more inclusive, sustainable and prosperous societies In Europe and Central Asia: a common United Nations vision for the post 2015 development agenda*, Geneva
- _____ (2015c), HLCF Positioning Paper *Equality and Non-Discrimination at the Heart of the 2030 Agenda: Towards a UN System-Wide Policy and Joint Plan on Addressing Inequalities and Human Rights for Sustainable Development*, CEB/2015/HLCF-30/CRP.2, New York
- _____ (2015d), Outcome Document of the United Nations Summit August 2015 http://www.un.org/pga/wp-content/uploads/sites/3/2015/08/120815_outcome-document-of-Summit-for-adoption-of-the-post-2015-development-agenda.pdf. New York

- _____ (2014), *General Assembly Resolution (2014), 68/261, Fundamental Principles of Official Statistics*, New York
- _____ (2012), *Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development*, resolution A/RES/70/1, New York
- UNAIDS (2014a), *Global Report: UNAIDS report on the global AIDS epidemic 2014*, Geneva
- _____ (2014b), *Ukraine: HIV and AIDS estimates 2014*, Geneva, available at <http://www.unaids.org/en/regionscountries/countries/ukraine/>
- _____ (2013), *Global Report: UNAIDS report on the global AIDS epidemic 2013*, UNAIDS/JC2502/1E, Geneva
- _____ (2010), *Division of Labour*, Consolidated Guidance Note, available at http://www.unaids.org/sites/default/files/sub_landing/files/JC2063_DivisionOfLabour_en.pdf
- UNFPA (2010), *Emerging Population Issues in Eastern Europe and Central Asia: Research Gaps on Demographic Trends, Human Capital and Climate Change*, New York
- UNHCR (2015), *UNHCR country operations profile - Turkey: 2015*, available at <http://www.unhcr.org/pages/49e48e0fa7f.html>
- UNDP (2016), *Risk-Proofing the Western Balkans: Empowering People to Prevent Disasters*, Sarajevo
- _____ (2015a), *Labour Migration, Remittances, and Human Development in Central Asia*, Istanbul
- _____ (2015b), *Healthcare Waste Management Toolkit for Global Fund Practitioners and Policy Makers: Waste Stream Concept Development*, available at: http://www.eurasia.undp.org/content/rbec/en/home/library/hiv_aids/rapid-assessment-healthcare-waste-global-fund.html
- _____ (2015c), *Towards domestic financing of national HIV responses: lessons learnt from Croatia*, Zagreb
- _____ (2015d), *Human Development Report: Work for Human Development*, New York
- _____ (2014a), *Kosovo Human Development Report 2014: Migration as a force for development*, Pristina
- _____ (2014b), *Gender Equality Strategy 2014-2017: The Future We Want: Rights and Empowerment*, New York
- _____ (2014c), *Addressing Social, Economic and Environmental Determinants of Health and the Health Divide in the context of Sustainable Human Development*, Istanbul
- _____ (2014d), *Know Your Rights, Use Your Laws*, Handbook for legal empowerment of people who live with or are at risk of HIV, their close ones, and service providers, available from http://www.eurasia.undp.org/content/rbec/en/home/library/hiv_aids/know-your-rights--use-your-laws.html
- _____ (2014e), *Poverty, Inequality, and Vulnerability in the Transition and Developing Economies of Europe and Central Asia*, Istanbul
- _____ (2014f), *National Human Development Report 2014: Resource efficiency and sustainable human development*, Podgorica
- _____ (2013a), *Addressing the Social Determinants of Noncommunicable Diseases*, Discussion Paper, available from http://www.undp.org/content/dam/undp/library/hivaids/English/Discussion_Paper_Addressing_the_Social_Determinants_of_NCDs_UNDP_2013.pdf
- _____ (2013b), *Humanity Divided: Confronting Inequality in Developing Countries*, New York
- _____ (2011a), *Energy and Communal Services in Kyrgyzstan and Tajikistan: A Poverty and Social Impact Assessment*, Bratislava

- _____ (2011b), *Sustainability and Equity: A Better Future for All*, (UNDP Global Human Development Report 2011), New York
- _____ (2011c), *Beyond Transition: Towards Inclusive Societies*, (UNDP Regional Human Development Report), Bratislava
- _____ (2011d), *Иқтисоди таназзули замин барои бахши кишоварзӣ дар Тоҷикистон*, Dushanbe
- _____ (2008), *Living with HIV in Eastern Europe and the CIS: The Human Cost of Social Exclusion*, Bratislava
- UNDP and World Bank (2010), *Croatia – Social Impact of the Crisis and Building Resilience*, Human Development Sector Unit, Europe and Central Asia Region, Report No. 55111-HR, Zagreb
- UNDP, World Bank and European Commission (2011), *Integrated household surveys among Roma populations: one possible approach to sampling used in the UNDP, World Bank-EC Regional Roma Survey 2011*, Bratislava, available at <http://www.eurasia.undp.org/content/dam/rbec/docs/Roma-household-survey-methodology.pdf>
- WHO and UNDP (2015), *Guidance Note on the Integration of Noncommunicable Diseases into the United Nations Development Assistance Framework*, available from <http://www.who.int/nmh/ncd-task-force/guidance-note.pdf>
- UNDG (2013), Regional consultation, 'Inclusive and Sustainable Development: Perspectives from Europe and Central Asia on the Post-2015 Development Agenda', Istanbul
- UN Women (2015), *Monitoring gender equality and the empowerment of women and girls in the 2030 agenda for sustainable development: opportunities and challenges*, New York
- Vollrath D., and L. Erickson (2007), *Land Distribution and Financial System Development*, IMF Working Paper, WP/07/83, Washington DC
- Walker, J., Berekashvili N., and N. Lomidze (2014), 'Valuing Time: Time Use Survey, the Capabilities Approach, and Gender Analysis', *Journal of Human Development and Capabilities*, 15(1), pp. 47-59
- Wilkinson R., and K. Pickett (2010), *The Spirit Level: Why Equality is better for Everyone*, Penguin, London
- World Bank (2016), *Women, Business and the Law: Getting to Equal*, Washington DC
- _____ (2015a), *The Jobs Challenge in the South Caucasus—Azerbaijan*, Baku
- _____ (2015b), *High Frequency Crisis Monitoring Survey: Tajikistan*, Dushanbe
- _____ (2015c), *The Impact of Targeted Social Assistance on Labour Market in Georgia*, Tbilisi
- _____ (2013), *Gender at work: a companion to the World Development report on jobs*, Washington DC
- _____ (2012), *Women Business and the Law Database*
- _____ (2011a), *World Development Report: Conflict, Security and Development*, Washington DC
- _____ (2011b), *Armenia: Social Assistance Programs and Work Disincentives*, Yerevan
- _____ (2009), *Convenient solutions to an inconvenient truth: ecosystem-based approaches to climate change*, Washington, DC, available from <http://documents.worldbank.org/curated/en/2009/06/10787303/convenient-solutions-inconvenient-truth-ecosystem-based-approaches-climate-change/>
- _____ (2007), *Poverty and Environment: Understanding Linkages at the Household Level*, Washington, DC, available from <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/6924/>
- World Economic Forum (2014), *The Global Gender Gap Report*, available at <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2014/>

_____ (2011), *From Burden to "Best Buys": Reducing the Economic Impact of Non-Communicable Diseases in Low- and Middle-Income Countries*, available at http://www3.weforum.org/docs/WEF_WHO_HE_ReducingNonCommunicableDiseases_2011.pdf

World Health Organization (2015a), *Public health aspects of migrant health: a review of the evidence on health status for refugees and asylum seekers in the European Region*, Geneva

_____ (2015b), *Beyond the mortality advantage: Investigating women's health in Europe*, Geneva

_____ (2014a), *Global status report on alcohol and health 2014*, Geneva

_____ (2014b), *Targets and indicators for Health 2020. Version 2*, Geneva, available at http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0009/251775/Health-2020-Targets-and-indicators-version2-ENG.pdf?ua=1

_____ (2014c), *Global status report on noncommunicable diseases*, available at http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/148114/1/9789241564854_eng.pdf?ua=1

_____ (2013), *Review of social determinants and the health divide in the WHO European Region: Final report*, WHO Regional Office for Europe, *European Review of Social Determinants and the Health Divide*, available from <http://www.euro.who.int/en/health-topics/health-policy/health-2020-the-european-policy-for-health-and-well-being/publications/2013/review-of-social-determinants-and-the-health-divide-in-the-who-european-region.-final-report>.

_____ (2011), *Action plan for implementation of the European Strategy for the Prevention and Control of Noncommunicable Diseases 2012–2016*, available from http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/147729/wd12E_NCDs_111360_revision.pdf

_____ (2003), *Framework Convention on Tobacco Control*, available from <http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/42811/1/9241591013.pdf>

World Food Programme (2016), *Tajikistan: Food Security Monitoring System: Number 16*, Dushanbe

_____ (2014), *Kyrgyz Republic: An Overview of Climate Trends and the Impact on Food Security*, Bishkek

Yandle, B., Bhattarai M., and M. Vijayaraghavan (2004), 'Environmental Kuznets Curves: A Review of Findings, Methods, and Policy Implications', *PERC Research Study 02-1 Update*

Zacharias, A., Masterson T., and E. Memis (2014), *Time Deficits and Poverty: The Levy Institute Measure of Time and Consumption Poverty for Turkey*, Levy Economics Institute, Bard College, New York

Зануда, А. (2012), 'Имущественное неравенство в Украине: хуже, чем на «Диком Западе»', BBC Ukraine http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2012/02/120210_ru_inequality_usa_uk_ukraine_yg.shtml

Полноправные люди.
Устойчивые страны.

Программа развития ООН
Региональное Бюро по странам Европы и СНГ
Абиде-и Хурриет, улица Истиклал 11
Ки Плаза, Шишли 34381, Стамбул, Турция

www.eurasia.undp.org

